

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 4 (50) 2019

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Мамаева Н.Л.** Коминтерн и революционный процесс в Китае 1920-х гг. 5
Пустовойт Е.В. Особенности формирования государственности на островах Рюкю на раннем этапе..... 17
Кулепанов Р.В. Идеологический базис вооруженных сил Императорской Японии..... 26

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Березницкий С.В.** Концепция Маршалла Салинза об этническом комфорте и ее апробация
на материалах промысловых технологий коренных народов Сахалина..... 36
Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Традиция погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии..... 46
Иванова Д.А. Влияние внешних и внутренних факторов на формирование поселений
раннего дзёмона на острове Хонсю..... 59
Гнездилова И.С. Снаряжение воина периода кофун (III–VII вв. н. э.)
по материалам находок ханива на кургане Имасиродзука (г. Такацуки, преф. Осака)..... 73

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Игнатъева О.В.** Советское коллекционирование в контексте культурной революции..... 80
Ахметова А.В. Создание системы здравоохранения коренных малочисленных народов
Хабаровского края во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. 90
Маклюков А.В. Экономические исследования проблем электрификации Дальнего Востока
в конце 1940-х – начале 1960-х гг. 97

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Докучаев И.И.** Очевидность и конструкция: виды и критерии демаркации..... 108
Щедрина Т.Г., Щедрина И.О. «...Хранить огонь цивилизации»: международные конгрессы в эпистолярном наследии философов и ученых..... 113
Попова В.С. Русские университетские философы рубежа XIX–XX вв. о времени: опыт философского разговора..... 119
Латыпова А.Р. Оракулы нашего времени, или как устроено общество технотворения..... 126
Сапов В.В. С.И. Гессен на «башне» Вячеслава Иванова..... 137
Письма С.И. Гессена к Вяч. Иванову (1911–1913 гг.), к М.М. Замятниной (1912–1913 гг.)
Подготовка к публикации и комментарии В.В. Сапова..... 140

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 20.12.2019. Дата выхода в свет 13.12.2019.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,58. Уч.-изд. л. 17,21. Тираж 500 экз. Заказ 492.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: (423) 265-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес издателя:
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 4 (50) 2019

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

Mamaeva L.N. The Comintern and the revolutionary process in China in the 1920s.....	5
Pustovoit E.V. The features of the early state formation on the Ryukyu Islands.....	17
Kulepanov R.V. Ideological basis of the Imperial Japanese military forces.....	26

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Bereznitsky S.V. Marshall Sahlins' concept of the original affluent society and its application to the forms of subsistence of the indigenous peoples in Sakhalin.....	36
Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Jar burial tradition in the island Southeast Asia.....	46
Ivanova D.A. The influence of external and internal factors on the early Jōmon settlements of Honshu Island.....	59
Gnezdilova I.S. The armor of Kofun period warrior (III–VII century AD) based on haniwa from Imashirozuka burial mound.....	73

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Ignatieva O.V. Soviet collecting in the context of the cultural revolution.....	80
Akhmetova A.V. The establishment of the indigenous health system in Khabarovsk territory in the late 1940s and early 1950s.....	90
Maklyukov A.V. The economic studies of the problems of electrification of the Soviet Far East in the late 1940s – early 1960s.....	97

PHILOSOPHIA PERENNIS

Dokuchaev I.I. Evidence and construction: types and criteria of demarcation.....	108
Shchedrina T.G., Shchedrina I.O. «...tenir allumé... le flambeau de la civilization»: international congresses in the letters of philosophers and scholars.....	113
Popova V.S. Russian university philosophers of the late XIX th and early XX th century on time: an attempt of philosophical dialogue.....	119
Latypova A.R. Oracles of our time, or how the society of techno-knowledge works.....	126
Sapov V.V. Sergey Hessen in the Tower of Vyacheslav Ivanov.....	137
Letters of Sergey Hessen to Vyacheslav Ivanov (1911–1912) and Maria Zamyatina (1912–1913). <i>Prepared for publication by Vadim Sapov</i>	140

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: (423) 265-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

УДК 327

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/5-16

Н.Л. Мамаева*

КОМИНТЕРН И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В КИТАЕ 1920-х гг.

Статья позволяет расширить представления о месте и роли РКП(б), Коминтерна и СССР в начале 1920-х гг. в создании Коммунистической партии Китая (КПК) и формировании основных направлений ее политики. Автором представлен ряд направлений, изучение которых дает более полную картину революционного процесса: создание III Интернационала, значение второго конгресса Коминтерна в развитии коммунистического и национально-демократического движений на Востоке, проведение учредительного первого съезда КПК, роль Коминтерна и СССР в поддержке, в том числе финансовой, национальной демократической революции в Китае, значение и место Коминтерна в реорганизации Национальной партии Китая (Гоминьдан) и ее связей с СССР и Коминтерном, в создании «единого фронта» между КПК и Гоминьданом.

Ключевые слова: Коминтерн, РКП(б), СССР, КПК, Сунь Ятсен, Гоминьдан

The Comintern and the revolutionary process in China in the 1920s.

NATALYA L. MAMAIEVA (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The article expands the understanding of the place and role of the Russian Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and the USSR in the creation of the Communist Party of China (CPC) and the formation of the main directions of its policy in the early 1920s. The author focuses on a number of directions, the study of which gives a more complete picture of the revolutionary process: the creation of the Third International, the significance of the Second Congress of the Comintern in the development of communist and national movements in the East, the holding of the first congress of the CPC, the role of the Comintern and the USSR in supporting national democratic revolution in China, the place of the Comintern in the reorganization of the National Party of China (Kuomintang) and in creation of the alliance between the CPC and Kuomintang.

Keywords: Comintern, Russian Communist Party (Bolsheviks), USSR, Communist Party of China, Sun Yat-sen, Kuomintang

С момента создания III Интернационала, первый учредительный конгресс которого состоялся в Москве 2–6 марта 1919 г., развитие международного коммунистического движения вступило в новый этап, характеризовавшийся бурным развитием национальных и коммунистических движений, активизацией населения и общественных организаций, ростом нацио-

* МАМАЕВА Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

© Мамаева Н.Л., 2019

нального самосознания. Создание III Коммунистического Интернационала (КИ) было неизбежным, поскольку II Интернационал уже не отражал актуальных проблем современности. III Интернационалом были выдвинуты новые идейно-политические направления развития мирового революционного процесса, более адекватные современной ситуации в мире. Второй конгресс III Коммунистического Интернационала предпринял очередной шаг в идейно-политическом размежевании двух течений рабочего движения, а именно в противопоставлении большевизма реформизму, а идеи Советской власти – идее парламентаризма. Одним из важных вопросов стал вопрос о финансировании деятельности III Интернационала. Предложения по сумме несколько раз менялись. В результате, как отражено в телеграмме В.И. Ленина И.В. Сталину от 17 марта 1920 г., тенденция к увеличению финансирования остановилась на сумме в 20 млн. франков или приблизительно в 1 млн. фунтов стерлингов [11, с. 39]. Решалось много организационных вопросов, в частности – распределение сумм финансирования между коммунистическими и лево-социалистическими группами, вопросы передачи денег. Половина всей суммы сохранялась в качестве запасного фонда. Возникающие или уже созданные коммунистические партии обращались в Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) с просьбами о финансовой помощи на партийные расходы: выпуск газетной продукции, приобретение типографий, налаживание пропагандистской работы и др.

Заседание пленума ЦК РКП(б) от 8 апреля 1920 г. приняло основные положения по подготовке второго конгресса Коминтерна. Утвердили решение: поручить представителям России в ИККИ провести через Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала созыв второго конгресса III Интернационала; начать подготовку к конгрессу; обсудить все вопросы по конгрессу в Политбюро ЦК РКП(б) при участии Зиновьева, Радека, Бухарина, Берзина. набросок указанных выше постановлений было предписано выполнить В.И. Ленину. Как свидетельствует протокол № 18, основным докладчиком по национальному вопросу был назначен В.И. Ленин. Политбюро ЦК РКП(б) решало фактически все вопросы подготовки и проведения второго конгресса Коминтерна, в том числе содержание основных документов,

которые планировалось обсудить на конгрессе и принять для исполнения. В качестве идейно-политической подготовки конгресса использовались выступления и статьи многих руководителей партии, в особенности работа В.И. Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» [11, с. 43–44]. Весьма примечательно для понимания ситуации накануне конгресса, что эта статья была написана В.И. Лениным специально к конгрессу и направлена против левацко-сектантских тенденций в мировом коммунистическом движении. Как показывают документы и материалы, весь ход второго Конгресса Коминтерна, подготовка к нему осуществлялись «при определяющем участии руководителей РКП(б)» [11, с. 44]. Первое торжественное заседание второго конгресса Коминтерна состоялось 19 июля 1920 г. в Петрограде. После вступительной речи Г. Зиновьева, приветственных выступлений зарубежных делегатов и избрания Президиума конгресса был заслушан доклад В.И. Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Затем делегаты переехали в Москву, где с 23 июля продолжались заседания конгресса.

Общая ситуация в Коминтерне характеризовалась развитием тенденции к переоценке уровня революционности и степени готовности европейских партий к социалистическим революциям. Между тем, несмотря на ряд поражений просуществовавших короткое время советских республик в Германии, Венгрии, Литве и ряде других стран, революционный оптимизм в Коминтерне если и убавился, то незначительно. Так, некоторыми товарищами выдвигалась точка зрения, что теперь, после падения Венгерской Народной Республики, дело мировой революции будет решаться на Востоке. Наиболее активно в этом направлении выступал Л. Троцкий. 5 августа 1919 г. в письме в ЦК РКП(б) он писал: «Поскольку Красная Армия на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения, нужно повернуть маршрут мировой революции на Восток, ибо именно здесь открывается перспектива революционных бурь...» [11, с. 44]. Идея включения Востока в сферу деятельности Коминтерна, не считая высказываний Л. Троцкого, развивалась и уточнялась уже в период, предшествовавший созыву второго конгресса Коминтерна. В докладе В.И. Ленина на конгрессе она получила интерпретацию, оказавшуюся в значительной степени полезной для Китая. Следует отметить, что найти верный

путь Коминтерну было очень сложно по многим причинам. Наряду с поражениями наблюдались и всплески революционности в ряде стран. Так, в телеграмме И.В. Сталину от 23 июля 1920 г. В.И. Ленин писал: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я, думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а, может быть, также Чехию и Румынию... [11, с. 54–55]. Очевидно, что подобная оценка мировой обстановки характеризовалась чрезмерными революционными ожиданиями. В связи с противоречивостью событий и наличием сложностей при принятии решений обратим внимание на созыв Коминтерном в Баку первого Съезда народов Востока (1–7 сентября 1920 г.). Из 30 государств для участия в работе съезда прибыло более 2000 делегатов. Съезд продемонстрировал наличие революционного потенциала, а возможно и подъема, что было частично отражено в провозглашении делегатами лозунга «Пролетарии всех стран и угнетенные народы мира, объединяйтесь» [11, с. 45–50]. Левые настроения для данного периода имели под собою определенную, хотя и недостаточную для победы базу, вместе с тем они вызывали опасения, поскольку имели тенденцию чрезмерно быстрого роста и распространения. Важно иметь в виду, что влияние КИ практически сразу же вышло за рамки коммунистического движения. Инициативы Коминтерна в области национально-освободительных и национально-революционных движений¹ изначально нашли благодатную почву. Рост национального самосознания в Китае, проявившийся в ходе патриотического «движения 4 мая» 1919 г., в процессе становления Национальной партии Китая (Гомиьндана), в развитии коммунистического движения, способствовал оживлению общественно-политической жизни страны и создавал основы для плодотворного взаимодействия и сближения международного коммунистического движения

¹ В документах Коминтерна и других организаций наиболее часто встречаются обозначения широких по целям и социальному составу движений как движений национально-освободительных или национально-революционных. Нами подобные движения обозначаются также как национальные, то есть отражающие интересы многочисленных слоев и групп китайского народа. Нередко они имели буржуазно-демократическую окраску, однако характеризовались и определенной спецификой.

с национально-революционным (национальным) движением. Поскольку революционный энтузиазм развивался при отсутствии четкой теоретической базы и опыта руководства мировым революционным процессом, особенно на Востоке, при формировании восточной политики КИ было неизбежно обращение к «методу проб и ошибок», а также к использованию опыта русской революции, о которой в среде китайской интеллигенции и студентов знали хотя и немного, но все же больше, чем о других революциях. Включение восточного направления в общую схему международного коммунистического движения осуществлялось Коминтерном в условиях начавшегося процесса стабилизации мировой капиталистической системы и определенного отхода от состояния революционной эйфории, характерной для коммунистической среды послеоктябрьского периода. Отметим также, что представления о мировой революции и после второго конгресса Коминтерна не составили единой взаимосвязанной системы взглядов уровня научной концепции.

Началом формирования китайской политики Коминтерна можно считать принятие соответствующих решений вторым конгрессом КИ, которые в определенной мере учитывали особенности национально-революционных движений Востока. То есть была заранее проделана подготовительная работа по изучению революционного процесса в восточных обществах, что, безусловно, в значительной степени обеспечило понимание особенностей и специфики революционного процесса в Китае. Отдельные характеристики восточных обществ и национальных движений отражали реалии и способствовали активизации национальных и коммунистических движений в поисках путей модернизации традиционных обществ. Все основные теоретические основы деятельности Коминтерна на Востоке, как рациональные, так и ошибочные подходы, были заложены на втором конгрессе КИ в рамках тезисов по национальному и колониальному вопросам (28 июля 1920 г.), разработанных В.И. Лениным, и дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам (29 июля 1920 г.), предложенных индийским коммунистом М.Н. Роем. По своей важности для построения восточной политики КИ, прежде всего в отношении Китая, они заслуживают более подробного анализа.

И в тех, и в других тезисах прослеживалась тенденция к выявлению и учету специфики

исторического развития стран Востока: характеристика восточных обществ как полуколониальных-полуфеодальных, с многочисленной армией безземельного крестьянства, с размытыми границами классовой дифференциации, с зарождавшимся пролетарским и коммунистическим движением. Была сформулирована, хотя и недостаточно четко, важная для программы национальной революции мысль о многоэтапности революций в колониях и зависимых странах [5, с. 6–14].

Забегая вперед, отметим, что идея специфики исторического развития стран Востока была учтена в конкретной политике КИ в Китае лишь частично. На конгрессе она не получила ясного звучания. Задачи национальных революций интерпретировались под углом зрения задач буржуазно-демократических революций привычного западного образца. Подобный подход учитывал лишь отдельные элементы социально-экономического и политического развития стран Востока, оставляя за рамками многие вопросы исторической специфики традиционных обществ.

Преувеличение значимости тенденции буржуазно-демократической направленности «классического» западного образца сопровождалось недопониманием всей сложности процесса модернизации восточных обществ, призванного решать задачи перехода от одной модели общественного развития к другой. Применительно к Китаю это вело к недооценке устойчивости сложившихся в стране социально-экономических и политических структур, значимости их специфических особенностей, к рождению иллюзии в оценках задач текущего революционного движения как идентичных задачам буржуазно-демократического характера. Данная тенденция в оценках национальной революции характерна главным образом для тезисов по национальному и колониальному вопросам второго конгресса Коминтерна. Однако – и мы обращаем на это особое внимание – при всем своем несовершенстве и противоречивости она тем не менее ориентировала на возможность поэтапного, последовательного развития национальных движений, причем содержание текущего этапа определялось приоритетом национальных (антиимпериалистических) и общеполитических (стабилизирующих политическую ситуацию) задач и руководящими позициями национальных партий.

Тенденция иного плана развивалась в Дополнительных тезисах по национальному и

колониальному вопросам. Дополнительные тезисы, выдвигая для текущего революционного этапа идею руководящей роли «коммунистического авангарда», в сущности содержали установку на перерастание буржуазно-демократических революций в странах Востока в социалистические на текущем революционном этапе. Влияние этой тенденции на формирование китайской политики Коминтерна неуклонно возрастало. И в тезисах, и в дополнительных тезисах содержалась перспективная положительная идея объединения и взаимопомощи пролетарских, коммунистических и национально-революционных движений, их тесного союза с Советской Россией. Вместе с тем, в самой постановке вопросов присутствовали элементы классовой ограниченности и социальной обусловленности. Например, сближение всех прогрессивных сил прямо связывалось с классовыми интересами преимущественно рабочих и крестьян, а здравая идея объединения коммунистического и национального движений на современном этапе рассматривалась как внутренне противоречивая и непрочная. В отличие от тезисов, дополнительные тезисы зафиксировали попытку представить на основе идеи мировой революции конкретный план развития национальных революций, что, конечно, было преждевременно и фактически не учитывало национальных специфик. Не углубляясь в подобного рода подробности, отметим, что в решениях второго конгресса Коминтерна взвешенные оценки национально-революционных движений сочетались с жесткой классовой тактикой использования Коминтерном национальных движений в интересах мировой революции, что было особенно характерно для Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам [7, с. 17].

Деятельность КИ на начальном этапе характеризовалась прямым руководством со стороны РКП(б), которая в период становления организационной структуры Коминтерна взяла на себя основные функции по ведению работы в Китае. При этом следует подчеркнуть наиболее активные позиции Сибирского и Дальневосточного отделений РКП(б) в деле создания марксистских кружков по провинциям и в подготовке первого съезда КПК.

На повестку дня у передовых людей Китая встал вопрос о создании китайской пролетарской политической партии, которая руководствуется теорией марксизма. В феврале 1920 г.

Чэнь Дусю и Ли Дачжао – будущие руководители Компартии Китая – начали обмениваться мнениями по поводу создания в Китае подобной партии. В начале 1920 г. Коминтерн принял решение направить своих представителей в Китай для встречи с теми, кто руководил национальным патриотическим «движением 4 мая» 1919 г. В 1919–1920 гг. в Китай прибыли первые представители для установления связей с революционными лидерами Китая, направленные партийным и государственным руководством Забайкалья и Приморья. Однако наиболее активную деятельность при подготовке создания Компартии Китая развернула группа Г.Н. Войтинского, прибывшего в Китай в апреле 1920 г. Члены группы во главе с Г.Н. Войтинским встречались с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, рассказывали им о революции в Советской России, о РКП(б), обсуждали вопрос о создании в Китае Коммунистической партии. Эти встречи и беседы сыграли свою роль в последующем создании Коммунистической партии Китая. Организация и деятельность коммунистических кружков в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани и Цзинани, как свидетельствуют документы, оплачивалась Советской Россией [7, с. 228]², что сыграло колоссальную роль в переходе китайского коммунистического движения «от слов к делу». Нельзя недооценивать финансовую помощь, которую оказывал Коминтерн по ряду важнейших для формирования Коммунистической партии Китая направлений: в издательской сфере, в организации информационно-пропагандистской работы, в организации перевода на китайский язык «Программы Российской коммунистической партии», «Конституции РСФСР», «Кодекса законов о труде», в открытии и поддержке деятельности школы русского языка в Шанхае (1920 г.), в создании системы подготовки Коминтерном революционных кадров для Китая в коммунистических университетах Москвы (в КУТВ, КУТК и в других учебных заведениях. Следует отметить, что относительно свободный на современном этапе доступ российских исследователей к архивным фондам сделал возможным более глубокое и всеобъемлющее изучение финансовой помощи Советской России китайским комму-

нистам при подготовке как первого учредительного съезда КПК (июль-август 1921 г.), так и последующих съездов. Как следовало из корреспонденции представителей ИККИ в первой половине 1921 г. Б.З. Шумяцкого и Г. Маринга, Коминтерн уже на стадии подготовки первого съезда КПК оказывал китайскому комдвижению материально-финансовую поддержку [4, с. 130–131]. В книге И.Н. Сотниковой, вводящей в научный оборот незнакомые прежде архивные документы, отмечается, что финансовая помощь Дальневосточного секретариата Коминтерна китайским коммунистам помимо идейной и организационной работы использовалась и по другим направлениям: как на содержание немногочисленного аппарата КПК, так и на все виды деятельности партии. Расходы по организации I–VII съездов КПК были оплачены Коминтерном. Коминтерн содержал аппарат КПК почти в течение 15 лет [13, с. 231–232].

Если в начале 1921 г. ассигнования из России составляли всего 200 кит. долл., то к концу года сумма достигла приблизительно 17 655 кит. долл.³ Помощь китайским коммунистам оказывалась в критической для Советской России ситуации: помимо тягот Гражданской войны летом 1921 г. начался голод в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на Украине. И хотя в течение 1921–1922 гг. в России голодали 40 млн. человек, для Китая в поддержку КПК продолжали выделяться финансовые средства.

Говоря о значении второго конгресса Коминтерна для развития китайского революционного движения, следует иметь в виду, что его решения значительно опережали процесс становления и развития революционных партий в Китае. КПК в это время еще переживала кружковый период и не была конституирована как партия. Партия Сунь Ятсена – Гоминьдан – находилась в начальном периоде своей реорганизации⁴. Этот факт таил в себе потенциальную возможность неточностей и ошибок в политике Коминтерна в Китае. К началу работы второго конгресса Коминтерна контакты его представителей с революционным движением в Китае еще только зарождались. На втором конгрессе КИ Китай был представлен делегатами функционировавшей в Советской России организации китайских рабочих Лю Цзэжуном и Ань Лун-

² Подчеркнем, что расходы Коминтерна на развитие китайского коммунистического движения практически целиком оплачивались Советским государством. Это положение убедительно представлено в книге И.Н. Сотниковой [13].

³ Эти сведения, представленные китайским историком Ян Куйсуном, цитируются по упомянутой книге И.Н. Сотниковой [13, с. 232].

⁴ Подробнее см.: [6].

хэ, которые на конгрессе имели право совещательного голоса и входили в состав комиссий по национальному и колониальному вопросам. В коротком докладе Лю Цзэжуна, председателя исполкома Центрального организационного бюро китайских коммунистов в России⁵, была представлена достаточно объективная картина внутривосточного положения в Китае [1, с. 148–149]. Констатация докладчиком экономической и политической раздробленности Китая, значительной роли военного фактора в политической жизни, указание на зависимость степени проникновения в Китай империалистического влияния от социально-политической ситуации в стране давали достаточно полное представление об особенностях внутривосточной жизни страны. Содержание доклада Лю Цзэжуна свидетельствовало также о том, что самые общие рекомендации Коминтерна – о стратегии объединения революционных сил в антиимпериалистической борьбе, принятые вторым конгрессом Коминтерна, улавливали потребности данного исторического периода развития Китая.

Эффективность помощи Коминтерна национальному и коммунистическому движениям в стране в перспективе в значительной степени определялась тем, насколько близко сможет подойти Коминтерн к пониманию конкретных потребностей коммунистического и национально-революционного движения как ведущего в ситуации начала 1920-х гг., насколько взвешенно он сможет определить роль и место национального и коммунистического движений на данном этапе развития Китая. При всей своей незавершенности и расплывчатости решения второго конгресса Коминтерна оставались наиболее крупным теоретическим вкладом КИ в разработку теории национальных революций относительно всех последующих программных документов. Они легли в основу широкого диапазона деятельности посланцев Коминтерна, РКП(б) и Советского государства в Китае, которая практически с самого начала не замыкалась на задачах развития коммунистического движения. И этот факт составляет одну из самых ярких специфических характеристик формирующейся изначально политики Коминтерна в Китае. Именно момент сплочения революционных сил, расширения революционной социально-политической базы стал, начиная с

1920-х гг., постоянно действующим фактором развития революционной концепции, формировавшейся силами КИ, КПК и посланцев Коминтерна и Москвы.

Особое место в развитии коммунистического направления занимала активная деятельность *ревбюро*, созданных группой Войтинского совместно с китайскими революционерами [2, с. 35–40, 30–32, 48–53]. С весны 1920 г. началась их планомерная организационно-пропагандистская работа в Китае. *Ревбюро* приобрело типографию в Шанхае, печатало марксистскую литературу и материалы из Владивостока. Значительную роль в деле образования КПК сыграл журнал «Гунчаньдан», издававшийся в Шанхае с ноября 1920 г. Значительное место в работе *ревбюро* в Шанхае принадлежало Русско-китайскому информационному бюро, возглавлявшемуся переводчиком Ян Минчаем, имевшим отделение в Пекине и поставлявшим сведения в 31 китайскую газету. Подобные бюро были созданы в Харбине и Владивостоке.

Как мы уже упоминали, организационно-пропагандистская работа в направлении подготовки созыва первого съезда КПК началась еще до приезда группы Войтинского. При наличии различного рода интерпретаций относительно оргструктуры Коминтерна подчеркнем, что именно *ревбюро* стало первым структурным объединением Коминтерна по работе в Китае. Кроме издательской и пропагандистской деятельности планировалось сплочение разных революционных групп в одну центральную по примеру деятельности ленинской «Искры». 19 июля 1920 г. в Шанхае состоялась известная в исторической литературе общая конференция наиболее активных китайских коммунистов, статус которой вплоть до настоящего времени характеризуется в литературе по-разному. В Китае ряд старых коммунистов, к числу которых относится, как недавно выяснилось, и коммунист-интернационалист Юй Сюсун, считал эту конференцию первым съездом КПК. Большинство коммунистов придерживаются точки зрения о том, что первым съездом КПК является съезд, прошедший в июле-августе 1921 г. Досъездовский процесс создания коммунистических групп продолжился после упомянутой выше общей конференции активных товарищей. Известно, что при участии русских коммунистов произошло оформление пекинской коммунистической группы во главе с профессором Ли Дачжао. Подобные ячейки появились в

⁵ Было создано на II Всероссийском съезде китайских рабочих (18–24 июня 1920 г.).

Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани, Цзинани и Гуанчжоу. Создавались кружки и без участия русских коммунистов, например, в Чанша и некоторых других городах. Картина объединения кружков с помощью российских коммунистов будет неполной, если не учитывать события, инициированные Секцией восточных народов, образованной в Иркутске при Сиббюро ЦК РКП(б), которая, действуя параллельно работе *ревбюро* в Шанхае, стремилась встать во главе работы по объединению всех кружков и созданию единого коммунистического Центра в Китае. Не вдаваясь в подробности, отметим, что усилия Секции восточных народов не увенчались успехом. Не удалось реализовать их основную идею – созыв предварительного съезда КПК в Шанхае в январе 1921 г.⁶

В марте 1921 г. состоялась предварительная конференция представителей китайских коммунистических групп, в подготовке которой приняли активное участие представители Коминтерна (Б.З. Шумяцкий, Г. Маринг), РКП(б), государственных, военных и внешнеполитических органов, разведки Советского государства.

В июле-августе 1921 г. в Шанхае проходил первый съезд КПК. Активное участие в его подготовке и работе принимал представитель КИ – голландский коммунист Г. Маринг. На съезде присутствовал также уполномоченный ДВСК Б. Никольский.

Подчеркнем еще одну особенность в деятельности Коминтерна в преддверии второго конгресса и сразу после него. В процессе преодоления трудностей становления организационной структуры Коминтерна на Востоке сближение КИ с революционным движением Китая осуществлялось при постоянном взаимодействии РКП(б) с внешнеполитическими, внешнеторговыми, военными ведомствами Советской России в Китае. Связь с такими организациями была очень полезна для КИ, особенно в плане изучения внутреннего положения в стране. Одно из первых сообщений, от 1 сентября 1920 г., в Исполком Коминтерна о ситуации в Китае, в том числе о национально-революционном движении, принадлежало В.Д. Виленскому-Сибирякову, уполномоченному Народного Комиссариата иностранных дел РСФСР на Дальнем Востоке, исполнявшему в то время функции председателя временного бюро Восточноазиатского секретариата Коминтерна с местопребыванием в Шанхае. Как сообщается в

документах, значительная часть корреспонденции от Виленского-Сибирякова направлялась лично В.И. Ленину [2, с. 69–76].

Изучение политики Коминтерна в Китае с необходимостью предполагает активное использование дифференцированного подхода, не ограниченного лишь взаимодействием КИ с китайскими коммунистами, а значит – включение в содержание исследования третьего важного «игрока» – партии Сунь Ятсена Гоминьдан.

Параллельно с подготовкой первого съезда Коммунистической партии Китая Коминтерн решал очень важную задачу, которая заключалась в поиске надежных партнеров для будущей КПК в целях расширения социально-политической базы национальной революции. После второго конгресса Коминтерна партия Сунь Ятсена уже находилась в поле зрения КИ и Советского государства. Известно, с каким воодушевлением в 1918 г. приветствовал Сунь Ятсен победоносную революцию в России и подчеркивал общность освободительных идей русской и китайской революций [3, с. 415; 14, р. 500]. Наибольшее впечатление на китайских революционеров производила миролюбивая внешняя политика Советского государства. И не случайно, что деятельность Сунь Ятсена изначально попала в поле зрения внешнеполитических структур Советской России. Основной поток информации о Сунь Ятсене и его партии аккумулировался по линии Народного Комиссариата иностранных дел (НКВД). Начало этому процессу было положено перепиской Сунь Ятсена с наркомом иностранных дел РСФСР Г.В. Чичериным [3, с. 416; 8, с. 278–281]. Уже с конца 1920 г. от советских представителей в Китае шли оценки Сунь Ятсена и его соратников как основной революционной силы, способной объединить Китай [2, с. 56–62, 45–47, 76–77].

Наиболее полная информация о Гоминьдане исходила от К.Н. Соколова-Страхова, находившегося в 1919–1921 гг. в Китае на нелегальной работе. Несмотря на отдельные эмоциональные характеристики Гоминьдана как «социалистической партии» в его докладе о Кантонском правительстве были представлены взвешенные оценки основных направлений политической деятельности Гоминьдана. Отмечались также специфические черты революционных планов Сунь Ятсена, подчеркивался их общенациональный характер, приверженность партии Сунь Ятсена военному пути объединения страны, использование лидером Гоминьдана

⁶ Подробнее см.: [13, с. 49–53].

выборочного подхода к революционному опыту РКП(б), Коминтерна и КПК [2, с. 61–62]. Формы поддержки деятельности Гомиьндана со стороны Коминтерна и Москвы определялись постепенно. Известно намерение Сунь Ятсена весной 1921 г. заключить с Советской Россией военный договор об оказании Гомиьндану военной помощи. Отказ Советской стороны от ведения боевых действий на стороне Гомиьндана на китайской территории против бэйянских милитаристов четко и аргументировано прозвучал во время визита военной делегации Гомиьндана в Советскую Россию в течение 2 сентября – 29 ноября 1923 г. [7, с. 81–82]. Визит оказал большое влияние на формирование политической программы Сунь Ятсена, одним из результатов визита стало решение РКП(б) и Коминтерна об оказании помощи партии Сунь Ятсена оружием, боеприпасами, военными и политическими советниками, что усилило Национально-революционную армию (НРА) и в результате способствовало победе Гомиьндана, действовавшего в сотрудничестве с КПК, над милитаристскими режимами и объединению, хотя и неполному, всей страны в 1928 г.

Состоявшийся летом 1921 г. третий конгресс Коминтерна не внес принципиальных изменений в его восточную политику. В центре его деятельности по-прежнему оставалась европейская тематика. В контексте тезисов «О мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала» подтверждалась идея второго конгресса КИ о необходимости единения революционного движения колоний с пролетарским движением развитых капиталистических стран. Как показало дальнейшее развитие революционного движения в Китае, это был нереалистичный вариант мировой революции. Более интересным был доклад китайской делегации, который хотя и не был заслушан, однако был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата КИ [9, с. 321–336]. Некоторые упомянутые в докладе характеристики ситуации в Китае соответствовали реалиям, что, конечно, могло быть использовано Коминтерном при формировании восточной политики. Так, основным противоречием в китайском обществе было названо противостояние автократии национально-революционному и коммунистическому движениям. Подобный подход свидетельствовал о признании определенной специфики традиционного общества и указывал на наличие объективных основ для взаимодействия нацио-

нально-революционного и коммунистического движений. Выдвинутый в докладе тезис о возможности и необходимости заключения в ближайшем будущем временного союза коммунистов с национальной буржуазией в лице партии Сунь Ятсена продемонстрировал теоретическое влияние решений второго конгресса Коминтерна и практические результаты работы представителей КИ и Советского государства в Китае.

Важное место в формировании восточной политики Коминтерна занял Съезд народов Дальнего Востока (21 января – 2 февраля 1922 г.). Его созыв явился результатом деятельности Коминтерна в двух основных потоках революционного движения Востока – коммунистическом и национально-революционном. В духе решений второго конгресса Коминтерна основное внимание на съезде концентрировалось на вопросах временного объединения коммунистических и национальных сил. На съезде имело место широкое представительство коммунистических, национально-революционных организаций и партий, рабочих союзов, общественных демократических организаций Китая, Кореи, Монголии, о-ва Ява, Индии, Якутии, Японии, Бурятии, Калмыкии. Китайская делегация, составившая численно около 1/3 всех участников съезда, включала в себя представителей КПК, партии Сунь Ятсена, Социалистического союза молодежи, рабочих, крестьянских, студенческих, женских, учительских, журналистских организаций из многих провинций и городов Китая [12; 15]. Гомиьндан представляли Чжан Цюбо и Хуан Бихунь. Участие в работе съезда представителей Гомиьндана положило начало официальным контактам Коминтерна с Гомиьнданом. Этот съезд, созыв которого было делом далеко не легким, производит сильное впечатление. В течение непродолжительного времени Коминтерну и китайским коммунистам удалось организовать представительный форум и выделить главное направление работы на текущий момент. По сути, был отвергнут вариант мировой революции, ориентированный на революцию в метрополии (Япония), от свершения которой выстраивалась зависимость возможности революции в Китае.

Было принято второе направление, которое разрабатывалось под углом зрения создания объединенного фронта революционных сил внутри Китая как основы китайской революции, при этом зависимость революции в Китае от революции в Японии отрицалась. Именно

второе направление нащупало верный путь революционного развития, его эффективность и способность к саморазвитию. Приведем некоторые выводы, которые следуют из материалов Съезда народов Дальнего Востока. При всей неопределенности представлений Коминтерна о конкретной форме и программе национальной революции в Китае, к моменту созыва съезда Коминтерну удалось верно определить наиболее вероятного союзника коммунистов в национальной революции в Китае – партию Сунь Ятсена. И второе: начиная со съезда, процесс взаимодействия коммунистического и национально-революционного движения принял для Китая конкретное выражение в развитии контактов Коминтерна и китайских коммунистов с партией Сунь Ятсена. Наряду с этим положительным моментом следует отметить, что знания в Коминтерне о внутривосточной платформе Гоминьдана носили отрывочный и противоречивый характер, что мешало объективной оценке содержания и потенциала партии в те далекие годы. Невниманию Коминтерна к собственно политической программе Гоминьдана, типичному для деятельности Коминтерна в течение всего периода революционного движения 1920-х гг., противостояла более внимательная позиция КИ к программе и деятельности Коммунистической партии Китая.

Отметим также наличие революционного энтузиазма в Гоминьдане, который отразился в докладе деятеля Гоминьдана Чжан Цюбо на съезде. Он завершался следующими словами: «Партии Гоминьдан не по дороге с империалистами, и мы охотнее пойдем с Коммунистическим Интернационалом, чем с милитаристами Китая» [10, с. 199].

Несмотря на противоречивость некоторых рекомендаций съезд создал существенный импульс для объединительных тенденций в национально-освободительном движении Китая, способствовал организационному и идейно-политическому сближению Коминтерна с КПК и с Гоминьданом. Ретроспективный взгляд на политику КИ в Китае позволяет выделить ряд узловых решений Коминтерна относительно Гоминьдана и национальной революции, которые принимались под влиянием и по предложению представителей Коминтерна, работавших в Китае. К их числу прежде всего следует отнести «августовскую инструкцию» ИККИ 1922 г. об «индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении Коммунистической

партии, которая дает директивы для работы в национальной партии и ведет организационную работу в профсоюзах» [16, р. 345–346]. Сближение Гоминьдана с коммунистическим движением дало толчок к разработке Сунь Ятсеном и Гоминьданом программы выхода страны из кризиса, включая решение вопросов оргстроительства партии, военной политики, пропаганды и внешнеполитической ориентации. Вступление коммунистов в Гоминьдан стимулировало его обновление как в партийном строительстве, так и в идейно-политическом плане.

Роль Коминтерна в реорганизации Гоминьдана особенно наглядно представлена через призму деятельности Г. Маринга, наиболее близко, относительно других деятелей Коминтерна и Москвы, подошедшего к пониманию традиционных черт Гоминьдана, необходимых изменений в его политике и практике [7, с. 35–39]. Функционирование «единого фронта» Гоминьдана и КПК (напомним, что официальное решение о вступлении коммунистов в Гоминьдан было принято только на третьем съезде КПК, ибо недоверие между партиями существовало изначально) осуществлялось в 1920-е гг. в своеобразных формах, вне рамок строго определенной организационной структуры. Составная часть политики «первого сотрудничества» – участие представителей Коминтерна и Советского государства в качестве советников в деятельности Гоминьдана и представителей Коминтерна в деятельности КПК. Существенной характеристикой «первого сотрудничества» выступало то обстоятельство, что оно, с одной стороны, изначально не было равноправным сотрудничеством двух партий, с другой – не получило политического статуса. Наряду с другими причинами эти факторы препятствовали выработке согласованной четкой платформы действий в революционном движении и политической борьбе. Намерению Коминтерна превратить сотрудничество Гоминьдана и КПК в инструмент реальной власти в ходе революционного движения 1920-х гг. не суждено было свершиться в силу ряда причин. Отметим только, что политическая программа Сунь Ятсена на «военный период» «строительства государства» не предусматривала разделения власти Гоминьдана с другими политическими силами. Не удалось также в силу обстоятельств объективного и субъективного характера объединить коммунистическое и национальное движения в постоянно действующий единый поток, хотя в существенных областях в отдельные периоды

энергия двух партий и движений сближалась. Ситуацию в целом можно обозначить как постепенное углубление противоречий между партиями, которое медленно вело к несовместимости моделей революции, разрабатываемых в течение 1920-х гг., с одной стороны – в КПК, при непосредственном участии Г.Н. Войтинского и коминтерновских структур, с другой стороны – Гоминьданом, который после смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. по мере развития Северной экспедиции постепенно начал утрачивать свою лояльность к КПК и усиливать авторитарные стороны своей политической ориентации.

Гоминьдан в своей политике вплоть до VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября – 16 декабря 1926 г.) придерживался принципиального программного положения, содержащегося в тезисах по национальному и колониальному вопросам, принятых вторым конгрессом Коминтерна, допускающих поддержку национально-революционного движения коммунистическим движением без его активного вмешательства в революционный процесс. Между тем, и это необходимо подчеркнуть, уже начиная с четвертого конгресса Коминтерна (ноябрь 1922 г.) параллельно формировалась скрытая от Гоминьдана политика на его переориентацию и на неприемлемую для Сунь Ятсена и Гоминьдана модель революции, которую предполагалось осуществлять через КПК и представителей КИ в Китае. Приведем пример. Кроме открытого для всех основного документа четвертого конгресса КИ – «Общие тезисы по восточному вопросу» – была принята закрытая резолюция «Задачи Коммунистической партии Китая (дополнение к тезисам по восточному вопросу)» [2, с. 149–151; 7, с. 50]. Восточным отделом ИККИ в течение 1923–1927 гг. руководству КПК было направлено немало закрытых документов. Наметки модели, ориентированной на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в некапиталистическую или социалистическую по типу Октябрьской революции в России, содержались, как нами отмечалось, еще в дополнительных тезисах второго конгресса КИ.

Активное включение теоретика мировой революции Н.И. Бухарина и И.В. Сталина в китайскую политику Коминтерна перевело ее на новые рельсы. VII расширенный пленум ИККИ, положив в основу точку зрения Н.И. Бухарина, принял концепцию национальной революции, несовместимую с программой и политикой Го-

миньдана. Модель китайской революции, представленная VII и VIII пленумами ИККИ, не соответствовала не только основным параметрам политической программы и революционной стратегии Гоминьдана периода Северного похода (1926–1928 гг.), но и положениям, зафиксированным в программных документах первого (январь 1924 г.) и второго (январь 1926 г.) съездов Гоминьдана. «Единый фронт» Гоминьдана и КПК (1922–1927 гг.), вокруг которого развивались основные события 1920-х гг., прямо или косвенно связанные с Коминтерном, при всех негативных моментах, связанных прежде всего с гибелью тысяч коммунистов от рук гоминьдановцев, трудно охарактеризовать однозначно. Столь же трудно искать виновных, поскольку в этот период переплелись многочисленные события и направления политического и военного характера. В период существования «единого фронта» китайские коммунисты получили возможность легализации КПК, совершенствовали все направления своей и гоминьдановской партийной работы, в том числе организационной, агитационно-пропагандистской работы в массах, совершенствовали свою практику, участвуя вместе с Гоминьданом в забастовочной антиимпериалистической борьбе. Осуществление Северного похода Национально-освободительной армией (июль 1926 г. – февраль 1928 г.) неразрывно связано с деятельностью коммунистов-политработников в армейских частях и коммунистов-организаторов массового движения в поддержку военного похода, с большой помощью, оказанной военными советниками от СССР во главе с выдающимся полководцем В.К. Блюхером, с поставками оружия для Национально-освободительной армии, главным образом из СССР, в целях усиления армии. Заслуживает отдельного упоминания помощь Коминтерна и СССР Гоминьдану и КПК в проведении Северного похода в специфической форме создания международной атмосферы сочувствия к китайской революции. Многотысячные демонстрации во многих странах мира под лозунгом «Руки прочь от Китая» служили цели мобилизовать общественность против попыток вооруженного вмешательства в события национальной демократической революции.

Идея создания объединенного фронта, инициатором которого был Коминтерн, сыграла свою положительную роль в борьбе революционных сил с милитаристскими группировками, разрушавшими стабильность, поставившими

Китай на грань потери национального суверенитета. Победа Национально-освободительной армии в 1928 г. открывала для Китая новые перспективы.

Взаимодействие КИ и КПК продолжалось в течение всего длительного периода демократической революции в Китае 1920-х – 1940-х гг. Менялись цели, задачи, формы взаимодействия. Однако, несмотря на допущение каждой стороной отдельных ошибок в теории и практике, на противоречивые ситуации, которые невольно создавали то Коминтерн, то КПК, оставалось стабильным взаимное притяжение между Коминтерном и Россией с одной стороны и Компартией Китая с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград, 1921.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. Т. 1. 1920–1925. М.: Буклет, 1994.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 1. 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959.
4. К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 124–134.
5. Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы. М.: Наука, 1986.
6. Мамаева Н.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М.: Наука, 1991.
7. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999.
8. Мировицкая Р.А. Сунь Ятсен о советско-китайских отношениях // Сунь Ятсен. 1866–1986: К 120-летию со дня рождения. М.: Наука, 1987. С. 278–281.
9. Народы Дальнего Востока. 1921. № 13.
10. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока: сборник. Петроград: Исполком Коминтерна, 1922.
11. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.
12. Соркин Г.З. Съезд народов Дальнего Востока // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 76–86.
13. Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика 1919–1943 гг. М.: Наука – Восточная литература, 2015.
14. Сунь Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 4. Пекин, 1981.
15. Шумяцкий Б. Из истории комсомола и Компартии Китая (Памяти одного из организаторов Комсомола и Компартии Китая тов. Чжан-Та-Лая) // Революционный Восток. 1928. № 4–5. С. 213–215.
16. Saich, T., 1991. The origins of the first United Front in China. The role of Sneevliet (alias Maring). Vol. 1. Leiden: Brill.

REFERENCES

1. 2-i kongress Kommunisticheskogo Internatsionala. Stenograficheskii otchet [2nd Congress of the Communist International. Transcript]. Petrograd, 1921. (in Russ.)
2. VKP(b), Komintern i natsional'no-revolutsionnoe dvizhenie v Kitae: dokumenty. T. 1. 1920–1925 [Russian Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and the national revolutionary movement in China: documents. Vol. 1. 1920–1925]. Moskva: Buklet, 1994. (in Russ.)
3. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 1. 7 noyabrya 1917 – 31 dekabrya 1918 g. [Documents of Soviet foreign policy. Vol. 1. November 7, 1917–December 31, 1918]. Moskva: Gospolitizdat, 1959. (in Russ.)
4. K 80-letiyu obrazovaniya Kompartii Kitaya: novye dokumenty [On the 80th anniversary of the founding of the Communist Party of China: new documents], Problemy Dal'nego Vostoka, 2001, no. 4, pp. 124–134. (in Russ.)
5. Kommunisticheskii Internatsional i kitaiskaya revolyutsiya: dokumenty [The Communist International and the chinese revolution: documents]. Moskva: Nauka, 1986. (in Russ.)
6. Mamaeva, N.L., 1991. Gomin'dan v natsional'no-revolutsionnom dvizhenii Kitaya (1923–1927) [Kuomintang in the national revolutionary movement of China, 1923–1927]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
7. Mamaeva, N.L., 1999. Komintern i Gomin'dan, 1919–1929 [The Comintern and the Kuomintang, 1919–1929]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
8. Mirovitskaya, R.A., 1987. Sun' Yatsen o sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh [Sun Yat-sen on Chinese-Soviet relations]. In: Sun' Yatsen. 1866–1986: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya. Moskva: Nauka, 1987, pp. 278–281. (in Russ.)
9. Narody Dal'nego Vostoka. 1921. № 13. (in Russ.)

10. Pervyi s'ezd revolyutsionnykh organizatsii Dal'nego Vostoka: sbornik [The first congress of the revolutionary organizations in the Far East: collected documents]. Petrograd: Ispolkom Kominterna, 1922. (in Russ.)

11. Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) i Komintern: 1919–1943. Dokumenty [Politburo of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b) and the Comintern: 1919–1943]. Moskva: ROSSPEN, 2004. (in Russ.)

12. Sorkin, G.Z., 1960. S'ezd narodov Dal'nego Vostoka [The congress of the peoples of the Far East], Problemy vostokovedeniya, no. 5, pp. 76–86. (in Russ.)

13. Sotnikova, I.N., 2015. Kitaiskii sektor Kominterna: organizatsionnye struktury, kadrovaya

i finansovaya politika 1919–1943 gg. [The Chinese sector of the Comintern: organizational structures, personnel and financial policies, 1919–1943]. Moskva: Nauka – Vostochnaya literatura, 2015. (in Russ.)

14. 孙中山全集. 第4卷 [Collected works of Sun Yat-sen. Vol. 4]. 北京: 中华书局, 1981. (in Chinese)

15. Shumyatskii, B., 1928. Iz istorii komsomola i Kompartii Kitaya [From the history of the Komsomol and the Communist Party of China], Revolyutsionnyi Vostok, no. 4–5, pp. 213–215. (in Russ.)

16. Saich, T., 1991. The origins of the first United Front in China. The role of Sneevliet (alias Maring). Vol. 1. Leiden: Brill.

Е.В. Пустовойт*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА ОСТРОВАХ РЮКЮ НА РАННЕМ ЭТАПЕ

В статье рассмотрены особенности развития населения архипелага Рюкю в периоды кайдзука и гусуку. Вместе с тем автор проводит комплексный анализ этапов формирования государственности на островах Рюкю вплоть до XVI в., уделяя особое внимание установлению дипломатических и вассальных отношений рюкюских государств с Китаем, а также оценивая значимость торговых отношений и международных связей для укрепления авторитета рюкюских правителей, бурного экономического роста королевства и упрочнения его статуса в регионе.

Ключевые слова: период кайдзука, археология Окинавы, гусуку, королевство Рюкю, династия Сё

The features of the early state formation on the Ryukyu Islands. EVGENII V. PUSTOVOIT (Far Eastern Federal University)

The article discusses the features of the social and political development of the Ryukyu archipelago during Kaizuka and Gusuku periods. At the same time, the author presents a comprehensive analysis of the state formation stages on the Ryukyu Islands up to the 16th century, paying particular attention to the establishment of diplomatic and vassal relations between the Ryukyu Islands and China, as well as assessing the importance of trade relations and international relations for strengthening the authority of the Ryukyu rulers, rapid economic growth of the kingdom and the rise of its status in the region.

Keywords: Kaizuka period, archeology of Okinawa, Gusuku, Ryukyu Kingdome, Sho dynasty

Острова Рюкю сформировались примерно 15–10 млн. лет назад и изначально были связаны с Кюсю и материковой частью Китая перешейками. Примерно 1 млн. лет назад произошло их отделение от материка и от Кюсю, а около 20 тыс. лет назад образовалось три группы островов (Окинава, Мияко и Яэяма). В конце палеолита (около 10 тыс. лет до н. э.) произошло таяние ледника, уровень моря поднялся, и архипелаг Рюкю приобрел современную форму [15, p. 27].

Одни из первых находок, свидетельствующие о присутствии человека на островах Окинавы, относятся к концу верхнего палеолита (35 – 8 тыс. лет до н.э.). Наиболее известная находка была сделана в 1967 г. В каменоломне Минатогава в деревне Гусиками вместе с костями оленей и кабанов обнаружены окаменелые человеческие кости. Археологи полагают, что это останки примерно семи человек. Их назвали *минатогава-дзин*, «человек из Минатогава».

* ПУСТОВОЙТ Евгений Валерьевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой японоведения, директор Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pustovojt.ev@dvfu.ru

© Пустовойт Е.В., 2019

В результате анализов выяснилось, что *минато-гава-дзин* жил примерно 17–18 тыс. лет назад и является классическим образцом человека палеолита на территории Японии [21, р. 40].

В целом на островах Окинавы было обнаружено больше окаменелых останков человека периода палеолита, чем на территории Японии. Хорошее состояние останков в пещерах на Окинаве объясняется наличием подземных вод, содержащих достаточное количество карбоната кальция для превращения костей в окаменелость.

Период неолита на Рюкю называют периодом раковинных куч – кайдзука. Данный период длился примерно с 10 тыс. лет назад до начала периода гусуку (X–XI вв. н. э.) и делится на три этапа: начальный, средний и поздний. Начальный кайдзука в целом соответствует японскому дзё:мону. К среднему кайдзука относят часть позднейшего дзё:мона (10 тыс. лет – 1000 лет до н. э.) и начальный яёй (1000–300 лет до н. э.). Поздний кайдзука (III в. до н. э. – XII в. н. э.) охватывает яёй, кофун, нара и хэйан и делится на четыре этапа (I, II, III и IV). Следует отметить, что на Окинаве не зафиксировано наличие курганного периода кофун, отмеченного в Японии в III–VII вв. н. э.

Предположительно, в начальный и средний кайдзука могла существовать торговля между островами и между Рюкю и Кюсю [20, р. 329]. Здесь не обнаружено следов рисосеяния и занятия сельским хозяйством. Вероятно, жители в это время занимались рыболовством, которое и составляло основной источник пропитания.

На археологических стоянках южной части Рюкю (острова Сакисима) периодов начального и среднего кайдзука не было зафиксировано следов дзё:мона и яёй. Напротив, здесь наблюдалось влияние культур Филиппин, Индонезии и других районов юга Тихоокеанского региона.

Люди этого периода жили небольшими стоянками. Около 20 больших и малых стоянок образовывали населенный пункт. Расстояние между двумя стоянками составляло не более 50 метров. В поздний кайдзука активно развивалась торговля между Кюсю и островами Окинавы по т. н. «пути раковин», проходившему по двум маршрутам. Первый шел с севера островов Нансэй, огибал Кюсю с севера и через открытое море в районе Гэнкай (часть моря между проливом Цусима и о. Ики префектуры Нагасаки) продолжался вдоль побережья Японского моря. Другой также брал начало с севера островов Нансэй, огибал Кюсю, но затем следовал в рай-

он Кинки через японское внутреннее море Нанкай. На север Кюсю ввозились главным образом раковины *гохора* и *имогай*, там они обрабатывались и распространялись по всей Японии. Из этих раковин на Кюсю делали браслеты и отправляли их в Корею, Кансай и даже на Хоккайдо [7, р. 8–9].

В процессе товарообмена на Окинаву стали попадать «заморские» товары, такие как корейская керамика *ракуро*, железные топоры, плоские медные копья, китайские медные копья, монеты *госюсэн*, чеканившиеся в Китае в VI–VII вв. [17, р. 35–36]. На островах Рюкю обнаружено значительное количество монет периода китайской династии Тан (618–907 гг.). В китайской хронике «Сишань цзачжи» («Записки о Западных горах») есть упоминание от том, что купцы из Гуанчжоу торговали с Рюкю и со странами Юго-Восточной Азии [17, р. 36]. Полученные при обмене китайские товары перераспределяли среди общин на Рюкю, задействованных в торговле.

Во второй половине позднего кайдзука появляются крупные огороженные поселения, которые впоследствии развиваются в крепостные сооружения гусуку. Предположительно, внутри таких стоянок жили те, кто руководил торговлей раковинами, а впоследствии вошел в число первых военных вождей на Окинаве – адзи [10, р. 9].

К другой важной особенности позднего кайдзука следует отнести появление упоминаний о Рюкю в исторических документах Японии и Китая. В «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.) появляются сведения о людях с южных островов, которых государство Ямато рассматривало как варваров. В китайских хрониках «Суйшу» («История династии Суй», 636 г.) есть описание Рюкю [9, р. 11]. Название «Окинава» впервые появляется в хрониках «То дайва дзёто сэйдэн» («Записки о покорении на востоке Ямато Китаем», 779 г.) [9, р. 193].

В отличие от основной части Японии период яёй на Рюкю/Окинава не развился в курганный период. Скорее всего, на это повлияло уменьшение потока переселенцев из Кореи и Китая, которые несли с собой более развитую материковую культуру. Не исключено, что новые волны переселенцев могли следовать и из Юго-Восточной Азии. Однако в силу значительных расстояний между островами в большинстве случаев они не достигали центрального острова Окинава и закреплялись только в южной части островов Рюкю – острова Сакисима (архипелаги Мияко и Яэяма).

Примерно во второй половине позднего кайдзука поток материковых мигрантов прекращается, так как в районах, где они прежде могли свободно перемещаться, образовались сильные государства, которые препятствовали большой миграции населения. Произошло образование государства Ямато, упрочнение корейских государств, возвышение мощной династии Тан в Китае. Если и существовали какие-то потоки иммигрантов с материка, то, как правило, они оседали в Японии и не продвигались дальше на юг. «Мигранты» несли с собой более высокую культуру, поэтому можно предположить, что жители Ямато просто «не пускали» их на юг, делая все возможное для того, чтобы они закрепились на их территории и способствовали развитию государства.

Процесс развития Окинавы на ее ранней стадии имел ярко выраженный региональный оттенок. Если период палеолита был характерен для всего Рюкю, то периоды дзёмон и яёй выделяются в центральной и северной частях архипелага Рюкю. Однако в период кайдзука «север» стал играть важную роль для всех островов архипелага: северным путем осуществлялась торговля раковинами, этим же маршрутом на острова Рюкю попадали все «новинки» тогдашней цивилизации. Позже «центр» взял на себя роль лидера в истории Окинавы, отодвинув на второй план «север». Что касается «юга», то он оставался в статичном состоянии вплоть до XV в., когда король Сё Хаси присоединил острова Сакисима к королевству. С этого момента история островов Мияко и Яэяма становится частью общей истории Рюкю.

Временной отрезок с XII в. по начало XVII в. в истории Рюкю принято называть периодом «Древнее Рюкю» – *Корюкю*. Он включает в себя период гусуку (XII – XV вв.), период правления Первой династии Сё (1429–1469), первую половину правления Второй династии Сё (1470–1609).

Период гусуку длился с XII в. до появления Первой династии Сё в 1429 г. Существует несколько версий происхождения слова «гусуку». Оно записывается иероглифом «сиро», который означает цитадель, укрепление, замок. Одни ученые полагают, что слово «гусуку» обозначало замок, в котором жили вожди-адзи, другие – что это слово означает каменную ограду, ограждение, построенное для защиты деревень. По другой версии гусуку происходит от двух слов «гу» и «суку», где «суку» означает священное место, где живет бог, а «гу» – ограждение [15,

р. 86]. В широком смысле слово «гусуку» стало употребляться в значении «замок, цитадель, укрепление».

Первые гусуку на Рюкю имели довольно примитивную форму и не отличались пышностью и изяществом, крыши крупных помещений и дворцов устилали соломой. В XIII в. началось строительство замков из камня, вокруг них возводились высокие каменные стены, крыши вместо соломы крылись черепицей. Замки стали выполнять не только политические, экономические и культурные, но и оборонительные функции [5, р. 14]. Всего на островах Окинавы, Мияко, Исигаки и Ириомотэ начитывается около 200 таких замков [6, р. 18].

Активизация торговых отношений с Китаем, Японией и собственно между островами архипелага дала Рюкю новый толчок к развитию. Именно в этот период интенсивно строились фортификационные сооружения, люди занимались сельским хозяйством, появились новые отрасли производства, в повседневной жизни стало активно применяться железо. Благодаря торговле на острова прибывали мастера и ремесленники, которые приносили с собой новый опыт и новые технологии производства керамики, орудий труда, строительства домов и т. д. [16, р. 89].

Одним из факторов активного развития Окинавы в период гусуку являлась торговля. С экономическим ростом улучшались социальные условия жизни людей. Это был период перехода от присваивающей экономики к производящей, главным образом, сельскохозяйственной с применением железных орудий труда. Люди начали строить постоянные поселения (*сюраку*) в глубине островов на равнинах, пригодных для сельского хозяйства [11, р. 259]. Постепенно *сюраку* превращались в большие населенные пункты. В этот период складываются первые государственные институты, происходит имущественное расслоение внутри общины, в которой возвышаются лидеры – вожди.

Влиятельных вождей или князей на Окинаве называли «адзи», иногда «андзи», «арудзи», «арудзу», «чяра». «Адзи» означает «хозяин», «господин». Самых крупных адзи также называли *о-оя* или *ё-но-нуси*. Предполагают, что адзи как политические и военные лидеры контролировали торговлю в центральной и южной частях о. Окинава. Затем они распространили свое влияние на север и близлежащие острова [8, р. 10].

В это время появляются первые упоминания о королях и военных лидерах Рюкю. По легенде

первого короля Рюкю звали Тэнсон. О деятельности королей этой династии историки знают крайне мало. Известно, что Тэнсон административно разделил Окинаву на три части, активно занимался строительством и способствовал развитию сельского хозяйства.

Согласно официальной хронологии первых королей Рюкю в анналах «Тюдзан Сэйфу» («Хроники королевства Тюдзан»), династия Тэнсон якобы правила «в течение 17 802 лет на протяжении 25 поколений» [22, р. 30], а последний король этой династии был убит своим слугой Рию, который пытался захватить власть, но был побежден войсками адзи Сютэн. В результате чего последний стал новым королем Рюкю и основал новую династию Сютэн [22, р. 31].

Считается, что Сютэн (1166–1237) был сыном самурая Минамото Тамэтомо (1139–1177), которого сослали на остров Идзуосима после поражения мятежа Хогэн в 1156 г. Затем он пытался бежать с острова, но штормом был заброшен в Накидзин, в северной части острова Окинава. После этого Тамэтомо прибыл на юг острова и женился на дочери адзи Одзато, которая родила ему сына. Спустя несколько лет он вернулся в Японию, оставив жену и сына, который стал королем Сютэн [13, р. 352].

В годы своего правления Сютэн особое внимание уделял экономическому и социальному развитию своей территории. Во время правления его сына, Сумба-Дзюнки (1185–1248), на Окинаве было начато строительство замка Сюри (ставшего впоследствии резиденцией королей Рюкю с XV–XIX вв.), начала использоваться письменность – китайские иероглифы и японская слоговая азбука *кана*, введены ранговая система чиновничества и ежегодные ритуалы поклонения богам [4, р. 50].

После смерти Сумба-Дзюнки его старший сын Гихон (1206 – ?) в 1249 г. взошел на трон. В это время на Окинаву обрушилась серия природных катаклизмов: тайфуны, голод, засуха. Не сумев справиться с тяжелым испытанием, король Гихон отрекается от трона и вскоре умирает. После его смерти новым королем и основателем новой династии становится Эйсо, который с 1253 по 1260 гг. был регентом при Гихон.

При правлении Эйсо (1260–1299) Окинава оправилась от голода и эпидемий, стабилизировалось экономическое положение. Он ввел административное деление острова на районы *магири*, во главе которых стояли лояльные ему адзи [19, р. 102]. Эйсо учредил *кубундэн*, по-

рядок распределения земли среди верных ему адзи, в 1264 г. ввел регулярную систему налогов с рисовых полей, подчинил своему влиянию близлежащие острова Кумэ, Кэрама и Ихэя, построил королевский склеп Урасоэ Ёдорэ на горе Гокуракусан возле замка Урасоэ [16, р. 90].

При короле Эйсо на Окинаву проникает буддизм. Однако за всю историю государственности на Рюкю буддизм так и не стал главенствующей идеологией и философией среди местной элиты и населения, так как большинство людей придерживались местных традиционных верований и синто в его рюкюском варианте.

После смерти Эйсо его сын Тайсэй (1247–1308) и его правнук Эйдзи (1268–1313) успешно продолжали политику своего предка. В 1314 г. на трон вступил Тамагусуку (1296–1336). К этому времени король теряет поддержку среди своих чиновников, многие адзи перестают подчиняться его власти. Ослабление центральной власти, прекращение выплаты дани в конечном итоге привело к разделу острова на три враждующих королевства. С этого момента начинается период Трех королевств (*Сандзан*): королевства Нандзан («Южные горы»), королевства Тюдзан («Центральные горы»), королевства Хокудзан («Северные горы»).

Значительных результатов в развитии достигло только королевство Тюдзан при правлении короля Сатто. При нем на Рюкю была введена ранговая административная система, заимствованная из Китая, расширилась международная торговля со странами Юго-Восточной Азии [17, р. 66]. Большим дипломатическим шагом для Тюдзан явилось установление вассальных отношений с Китаем в 1372 г., а также дипломатических отношений с такими странами, как Аннам, Чампа, Сиам, Корея и Япония. При принятии вассалитета от Китая король Сатто понимал, что, подчиняясь власти Китая, королевство теряет свою политическую власть, но получает уникальную возможность вести торговые отношения с самым мощным в то время государством в Восточной Азии. Также Сатто учитывал, что бюджет королевства зависел от морской торговли, а развитие выгодной для королевства торговли с Китаем позволит многократно пополнить казну и повысить благосостояние страны. В 1374 г. он послал своего младшего брата Тайки в Нанкин. Тот привез печать, символ доброй воли императора Китая, и документы, подтверждающие установление вассальных отношений королевства Тюдзан с Китаем [15, р. 14].

Вассальные отношения между Тюдзан, а позднее королевством Рюкю и Китаем продолжались почти 500 лет. Примеру Тюдзан последовали и два других королевства.

Признание вассалитета от Китая де-юре лишало Окинаву независимости, королевство обязано было два раза в год посылать в Китай миссии, принимать у себя китайских посланников, выполнять предписания китайских императоров. Однако де-факто эти отношения пошли Окинаве только на пользу. Будучи маленьким государством, Тюдзан (а затем королевство Рюкю) не имело сильной и боеспособной армии, его экономика полностью зависела от морской торговли. Не имея ни сил, ни средств, королевству было трудно выжить в условиях того времени. Признав вассалитет от Китая, король Сатто стремился использовать отношения с ним для получения максимальной прибыли и выгоды для Рюкю. После издания указа Китаем в 1394 г. о временном прекращении посольского обмена с заморскими странами привозить дань разрешалось только Рюкю, Камбодже и Сиаму [1, с. 80–81].

Посланники с Тюдзан везли с собой два вида товаров: предназначенные для дани и для свободной торговли. Первые посылались к императорскому двору от имени короля Тюдзан, последние предназначались для продажи в китайских портах, причем цены на них устанавливал император. Они были намного выше, чем у других торговцев. Благодаря этому рюкюские купцы получали баснословные прибыли.

Тюдзан поддерживало вассальные отношения с 1372 по 1406 гг., за это время в Китай было послано около 40 миссий, по две-три миссии в год. Нандзан торговал с 1380 по 1429 гг., было послано около 35 миссий, Хокудзан – с 1383 по 1415 гг., отправив около 15 миссий [17, р. 104].

В «Даминхуэйдянь» («Сборник законов Великой династии Мин»), изданном в 1509 г. и регулирующем правила и порядок торговли с Китаем, есть упоминания о торговых делах трех королевств. В этом документе перечисляется около 25 наименований рюкюского товара: лошади, мечи, золотая и серебряная посуда, драгоценные украшения, агат, слоновая кость, позолоченные веера, шелк, олово, перец, сера, полированные мечи из камней, *якогай*, лакированные изделия и др. Также известно, что среди этих товаров были и японские. Например, веера, чашечки для саке, наборы для каллиграфии и пр. Из Юго-Восточной Азии в больших объемах везли пряности.

Другим важным событием для истории Рюкю явилось прибытие китайских иммигрантов в 1392 г. Этих людей назвали «36 семей». Среди них были опытные мастера, ремесленники и ученые. Они жили в специально отведенном для них месте близ Сюри, в деревне Кумэ, обучали рюкюсцев классической китайской письменности, поэзии, музыке, искусству, градостроительству, навигации и кораблестроению, конфуцианской морали, традициям и обычаям, принятым в Китае. Можно говорить, что с этого момента начинает складываться собственно традиционная рюкюская культура аристократии и дворянства, расцвет которой пришелся на правление Второй династии Сё.

Принятие вассальных отношений означало не только возможность осуществления выгодной торговли, но и юридическое оформление Рюкю как государства и официальное его признание со стороны Китая на международной арене, что отразилось в названии самого Рюкю. Из многих вариантов написания слова «рюкю», существовавших в то время, за островами закрепилось то, которое дошло до наших дней (в написании «рюкю» используется два иероглифа «рю» – «изумруд, ляпис-лазурь» и «кю» – «шар, мяч, бусинка»). Официально королевский двор стал именоваться Тюдзан. Позже это название закрепилось для династий Сё. Кроме того, острова Рюкю до XIV в. не имели общего названия, а с установлением вассальных отношений создаются подробные карты и описания территории вассального королевства, за островами закрепляется общее название – «Большое Рюкю» (под «Малым Рюкю» понимался о. Тайвань).

После смерти потомков короля Сатто власть в королевстве Тюдзан взял в свои руки один из влиятельных адзи – Хаси, который объединил весь остров Окинава, захватив в 1410-х – 1420-х гг. королевства Хокудзан и Нандзан.

Следует упомянуть о происхождении самой фамилии Сё, сведения о которой можно почерпнуть из «Тюдзан Сэйкан». С 1423 по 1428 гг. король Хаси посылал в Китай миссии. Рюкюские послы успешно проводили переговоры с китайскими чиновниками, которые остались довольны прекрасным знанием придворного этикета, продемонстрированным приезжими гостями. В результате этого император Китая повысил в ранге китайское посольство в Тюдзан, пожаловал королю Хаси фамилию Сё (по-китайски Шань) и титул «Лючю Ван» («король Рюкю») [23, р. 41–42]. Таким образом, Сё Хаси был признан единым

правителем трех королевств на Окинаве, а его правление принято называть Первой династией Сё. Чтобы подчеркнуть свое решение, император выслал королю Хаси большую лакированную табличку, на которой были выгравированы иероглифы «Тюдзан», а также дорогие подарки из лака и богато вышитые церемониальные одежды. С этого времени все последующие короли Первой и Второй династий носили фамилию Сё как знак признания королевством Рюкю сюзеренитета и верности Китаю.

В период правления Сё Хаси расширилась торговля Рюкю со странами Юго-Восточной Азии. В 1439 г. в провинции Фуцзянь (Китай) была образована торговая фактория для купцов из Рюкю, которая просуществовала до 1875 г. На ее территории находились зал для официальных приемов, склады, жилые помещения. На протяжении долгих лет в эту маленькую окинавскую колонию прибывали молодые рюкюсцы, обучавшиеся в Китае.

Сё Хаси, объединив весь остров Окинава под своей властью, поставил точку в более чем столетней истории раздробленности королевства. После этого Сё Хаси сразу же отправил миссию в Китай, чтобы получить не только право на ведение торговых отношений с великим соседом, но и официальное легитимное право на власть. Объединение острова и образование единого королевства было выгодно и Китаю. Он мог получать больше дани, ему не приходилось отныне посылать сразу три миссии на один остров. Также Китай получил надежного торгового союзника в лице правителя единого государства. Кроме того, устранение соперничества и установление мира на Рюкю позволило Китаю спланировать более четкую политику в этом регионе, т. е. императору легче было вести дипломатические отношения с одним правителем, чем сразу с тремя враждующими на одном острове кланами.

Первая династия Сё впервые в истории Рюкю получает официальный королевский титул и китайскую фамилию Сё, которая передавалась при смене династий. Это резко повысило статус королевства в Юго-Восточной Азии, а также позитивно повлияло на развитие торговли и дипломатических отношений. Сё Хаси добился того, чего не удалось сделать королям предыдущих династий.

Получение титула короля именно представителями фамилии Сё юридически устраняло всякие притязания на трон со стороны других фамилий. Поэтому любой насильственный захват

власти не был бы признан ни аристократией Рюкю, ни китайскими послами. Это в конечном счете позволило королям Сё править в течение четырехсот лет без дворцовых переворотов.

В середине XV в. доверие к королевской семье со стороны влиятельных чиновников в правительстве Рюкю падает. Это было связано с политикой по расширению территории королевства, вызвавшей недовольство армии и дворянства, с ухудшением финансового положения страны в результате масштабного строительства храмов, ростом недоверия народа к королю и правительству. После смерти последнего короля Первой династии Сё (Сё Току) Совет высших чиновников, дворян и адзи предложили влиятельному чиновнику Канамару стать новым королем, который впоследствии основал Вторую династию Сё, правившую 409 лет.

Период с 1470 по 1879 гг. в истории королевства Рюкю известен как правление Второй династии Сё. Обычно его делят на две части: 1) с момента образования Второй династии до захвата Рюкю кланом Сацума (1470–1609 гг.); 2) после захвата Рюкю кланом Сацума до преобразования королевства в префектуру Окинава (1609–1879 гг.).

Основателем Второй династии Сё был Канамару. В 1470 г. он вступил на трон под именем Сё Эн. Его сестра стала верховной жрицей *норо*, чья линия просуществовала вплоть до XX в. Сё Эн объявил себя наследником Сё Току, что давало ему право взойти на трон. Официальное подтверждение законности власти король получил в 1472 г., когда на Окинаву прибыли китайские посланники *санно*. Они засвидетельствовали восхождение на престол нового короля.

Значительных успехов в период с 1470 по 1609 гг. добился сын короля Сё Эн – Сё Син, чье правление называют «Золотым веком» королевства Рюкю. Одним из первых его преобразований было введение системы *адзи-утти*. Согласно ей все адзи, которые руководили районами-*магири*, потеряли право на управление своими наделами. Им предписывалось переселиться в столицу Сюри. На их место назначались наместники короля – *адзи-утти*. Аналогичная система заложничества существовала и в Японии со времен периода *сэнгоку дзидай* (период «воюющих государств»), но окончательно она была сформирована в Японии только в 1634–1635 гг. при Токугава Иэмицу [2, с. 426].

Перемещение всех военных лидеров в Сюри позволило королю контролировать их. Такие

преобразования схожи с деятельностью сёгуна Токугава Иэясу в начале XVII в., также перемещавшего и смещавшего потенциальных противников даймё по своему усмотрению. Однако в отличие от сёгуна король не лишал адзи их земли и доходов. Им просто приходилось тратить больше средств на свое содержание в столице, что и подрывало их экономическое положение. Также они теряли связь со своими вассалами. Король делал это, чтобы укрепить свою власть и минимизировать возможность заговоров и антиправительственной деятельности. Все это в конечном итоге привело к централизации власти.

Нельзя обойти вниманием закон о запрете самоубийств, изданный в 1522 г. [12, р. 64]. Согласно ему, подчиненный больше не имел юридического права совершать самоубийство вслед за умершим господином, а также ценой своей жизни защищать своего вассала. Это позволяло контролировать не только влиятельных адзи, но и их подчиненных.

Другой важной реформой Сё Син было установление сословной системы. Все население было разделено на три класса – аристократия (*кидзоку*), военное сословие (*сидзоку*) и простой народ – *хэймин*. Аристократия была высшим классом, к ней относились королевская семья, адзи и уэката (дворянство). Военное сословие делилось на два вида: *фудай* и *синдзанси*. К *фудай* относились военные, которые были таковыми от рождения. Они жили в городах Наха, Сюри, Кумэ, Томарин. *Синдзанси* – это выходцы из класса *хэймин*, которые стали военными благодаря своим заслугам. Все остальные – простолюдины. Они делились на две группы: те, кто жил в городе (главным образом, Наха, Сюри и Томарин), занимавшиеся торговлей, и те, кто жил в сельской местности (*дзиката*), занимавшиеся сельским хозяйством и ремеслом. Их также называли *дзитю* – люди из *дзиката*. Эти люди не имели права менять место жительства [14, р. 652].

Была проведена и административная реформа, в результате которой королевство было разделено на острова, города и деревни. Деление архипелага на такие районы, как Окинава, Яэма, Мияко и Амами используется до сих пор.

Во второй половине XV в. активно развивается торговля в Восточной и Юго-Восточной Азии. В международной торговле Рюкю выступает как посредник между Китаем, который для ведения торговых отношений требовал установления вассальных отношений, и другими

странами региона, которые не хотели терять свою независимость. Например, активно велась торговля с Японией (на Рюкю ее называли «Ямато»). Она осуществлялась на официальном уровне (миссии в сёгунат Муромати) и на частном – через купцов из Сакаи, Хаката и Цусима. Из Рюкю в Японию поставляли китайский фарфор, изделия из шелка, специи и лекарственные препараты из Юго-Восточной Азии. Из Японии везли мечи, веера, изделия из лака.

Королевство не ограничивалось связями с близлежащими странами (Япония, Корея, Китай). Оно всегда стремилось расширить свою географию торговли. Во время правления первых королей Второй династии Сё Рюкю торговало с Малаккой (Малайзия), Явой (Индонезия), Палембангом (южная Суматра) и Сиамом. Из Рюкю в Юго-Восточную Азию вывозились китайский фарфор и шелк, сера, японские изделия. Из Юго-Восточной Азии ввозились высококачественные краски *собоку*, перец, спиртные напитки, слоновая кость и прочие драгоценные товары.

В начале XVI в. Рюкю было одним из самых богатых государств в регионе. О богатстве и славе Рюкю первыми из европейцев узнали португальские торговцы. Рюкю было известно под названием «Лекео» или «Горесу» [3, р. 128].

Сведения о первой встрече европейцев с рюкюсцами остались в «Дневнике путешествий по странам Востока», написанном Томэ Пирез в 1511 г.: «Людей Лекео называют Горесу. Они известны под обоими именами, но чаще всего употребляется слово Лекео. Король – язычник, как и весь его народ. Их король подчиняется китайскому императору и платит ему дань. Их острова большие, населения много. У них маленькие корабли своеобразной формы. У них также есть несколько китайских джонок... Кроме этого, у них нет других видов кораблей. Он торгуют с Китаем и Малаккой. На земле у лекеосцев есть мясо, собственное спиртное, рис и пшеница. Моря у них богаты рыбой... Они очень честные люди, не покупают рабов, они не продают своих людей в рабство. Они одеваются лучше, чем китайцы, горделивы», – отмечалось в источнике [18, р. 13].

Развитие торговли подтолкнуло рюкюсцев искать новые рынки сбыта товаров, открывать новые торговые пути и неизвестные страны. «Великая эра мореплавания» явилась золотым веком в истории Рюкю. Королевство поддерживало дипломатические и торговые отношения со многими странами Юго-Восточной Азии.

Вместе с развитием торговли рюкюосцы получили доступ к китайским знаниям. Они могли обучаться в Поднебесной, приносить на Рюкю новые технологии, новшества в медицине, науке, искусстве и т. д. По мере приобретения знаний рюкюосцы создавали свою собственную культуру и традиции. Несомненно, Китай дал мощный толчок развитию политической, социально-экономической и культурной сфер жизни островов.

Однако к концу XVI в. рюкюоская торговля в силу ряда причин приходит в упадок. Одна из главных – открытие портов Китая для торговли с иностранцами. После этого Рюкю перестало быть монополистом в посреднической торговле. В Юго-Восточной Азии появляется новый сильный конкурент – европейцы (португальцы и испанцы).

Другой причиной упадка торговли была деятельность японских пиратов вако, которые грабили торговые суда. В результате этого правительство Рюкю решает прекратить посылать торговые миссии в далекие страны. Из-за жесткой конкуренции и нашествий вако королевство потеряло былую экономическую мощь, вернуть которую уже никогда больше не удалось.

Таким образом, с конца периода кайдзука и до XVI в. формирование рюкюоского общества и государства происходило за счет торговых отношений и международных связей местных влиятельных вождей на Окинаве, а потом и королей, которые контролировали всю торговлю островов с остальными странами. Во время существования трех независимых государств произошёл первый известный официальный контакт государств Окинавы с Китаем, в результате чего сложились вассальные отношения Рюкю с Поднебесной, которые дали мощнейший политический, экономический и культурный толчок для развития всего архипелага. Объединение Окинавы под властью одного дома и укрепление своих позиций в вассальных отношениях с Китаем способствовали бурному экономическому росту королевства Рюкю и превращению его в ценного посредника в международной торговле в Юго-Восточной Азии. Используя свое преимущество, островное государство смогло не только успешно торговать с соседними странами, но и укрепить свой политический и дипломатический статус в регионе. Сделав главный упор на торговые отношения и дипломатию, Рюкю уделяло меньше внимания своей оборонительной политике и развитию вооруженных сил. Для Китая вассальные отношения в боль-

шей степени представляли как элемент престижа, авторитета и собственного превосходства над странами-вассалами и в меньшей степени – как обязательства по оказанию военной помощи вассалу-союзнику. Для Рюкю же могущество и сила Китая представлялись базой, на которую они могут рассчитывать в нужное время. Однако отмена Китаем запрета на морскую торговлю и открытие своих портов для иностранных кораблей шли вразрез с экономическими и торговыми интересами рюкюоского государства. Активная деятельность европейцев в Юго-Восточной Азии по завоеванию рынков, разбойничьи набеги японских пиратов на рюкюоские корабли и отсутствие должных вооруженных сил и флота у королей династий Сё подорвали экономическое благополучие Рюкю, что в свою очередь негативно сказалось на социально-политическом развитии государства в XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берзин Э.О. История Таиланда. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973.
2. История Японии (с древнейших времен до 1868 года) / под ред. А.И. Жукова. Т. 1. М.: Наука, 1999.
3. Beillevaire, P. ed., 2000. Ryukyu studies to 1854: Western encounter. Part 1. Vol. 1. Richmond; Tokyo: Curzon Press; Edition Synapse.
4. Kerr, G.H., 2000. Okinawa: the history of an island people. Boston: Tuttle Publishing.
5. Аой мэ га мита дайрюкю (Открытие великого Рюкю). Наха: Нирайся, 1987.
6. Араки Токою. Окинава но дзёсэки (Замки Окинавы). Наха: Нахасюппанся, 1977.
7. Кайдзё но мити: Окинава но рёкиси то бунка (Морской путь: история и культура Окинавы). Токио: Ёмиури симбунся, 1992.
8. Кисяба Кадзутака. Рюкю: Сё си но субэтэ (Рюкю: все короли династий Сё). Токио: Синдзинбуцуорай, 2000.
9. Кодама Масато. Рюкю то Окинава но мэйсё но хэнко (Изменения в названиях Рюкю и Окинавы). Наха: Рюкюсимпося, 2007.
10. Матаёси Синдзо. Рюкю рёкиси сого нэмпё (Общие хронологические таблицы по истории Рюкю). Наха: Нахасюппанся, 1988.
11. Нака Сёхатиро. Окинава но гусуку (Замки гусуку на Окинаве). Наха: Нахасюппанся, 1997.
12. Накаяма Морисигэ. Рюкю си но дзитэн (Словарь по истории Рюкю). Наха: Рюкюбункё-кёдзусё, 1969.

13. Нихон но рэкиси. Буси но тодзё (История Японии. Появление воинского сословия). Т. 6. Токио: Тюокоронся, 1966.

14. Окинава дайхякка дзитэн (Большая энциклопедия по Окинаве.). Т. 1. Наха: Окинаватай-мусуся, 1983.

15. Окинава рэкиси тидзу. Коко хэн (Исторический атлас по Окинаве. Археология). Токио: Касивасёбо, 1982.

16. Окинава сирё сюсэй: сидзэн, рэкиси, бунка, фудо (Сборник материалов по Окинаве: природа, история, культура, традиции). Наха: Гринлайф, 1975.

17. Окинава кэн но рэкиси (История префектуры Окинава). Токио: Ямакава сюппанся, 2004.

18. Рюкю ихо тэнсэки то сирё (Свидетельства и описания западных путешественников о Рюкю). Наха: Гэкканъокинавася, 1977.

19. Сюридзё: Рюкю офу (Замок Сюри: правительство королевства Рюкю). Токио: Гёсэй, 1993.

20. Такамия Хироэ. Окинава но сэнси исэки то бунка (Доисторические памятники и культура на Окинаве). Токио: Дайитисёбо, 1994.

21. Тома Сиити. Коко исэки ва катару (Говорят археологические памятники) // Синрюкю си. Корюкю хэн. Наха: Рюкюсимпося, 1998.

22. Тюдзан Сэйфу (Хроники «Тюдзан Сэйфу») // Рюкю сирё сосё. Т. 4. Токио: Иноуэсёбо, 1962.

23. Тюдзан Сэйкан (Хроники королевства Рюкю «Тюдзан Сэйкан») // Рюкю сирё сосё. Т. 5. Токио: Иноуэсёбо, 1962.

REFERENCES

1. Berzin, E.O., 1973. Istoriya Tailanda [The history of Thailand]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Zhukov, A.I. ed., 1999. Istoriya Yaponii (s drevneishikh vremyon do 1868 goda) [The history of Japan: from ancient times to 1868]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

3. Beillevaire, P. ed., 2000. Ryukyu studies to 1854: Western encounter. Part 1. Vol. 1. Richmond; Tokyo: Curzon Press; Edition Synapse.

4. Kerr, G.H., 2000. Okinawa: the history of an island people. Boston: Tuttle Publishing.

5. 青い目が見た大琉球 [The discovery of Great Ryukyu]. 那覇: ニライ社, 1987. (in Japanese)

6. 新城徳祐, 1977. 沖縄の城跡 [The fortresses of Okinawa]. 那覇: 那覇出版社. (in Japanese)

7. 海上の道: 沖縄の歴史と文化 [Sea route: Okinawa history and culture]. 東京: 読売新聞社, 1992. (in Japanese)

8. 喜舎場一隆, 2000. 琉球: 尚氏の全て [Ryukyu: all kings of the Sho dynasties]. 東京: 新人物往来. (in Japanese)

9. 小玉正任, 2007. 琉球と沖縄の名称の変遷 [Changes in the names of Ryukyu and Okinawa]. 那覇: 琉球新報社. (in Japanese)

10. 又吉真三, 1988. 琉球歴史総合年表 [General chronological tables on the history of Ryukyu]. 那覇: 那覇出版社. (in Japanese)

11. 名嘉正八郎, 1993. 琉球のグスク [Gusuku on Ryukyu]. 那覇: 那覇出版社. (in Japanese)

12. 中山盛茂, 1969. 琉球史辞典 [Historical dictionary of Ryukyu]. 那覇: 琉球文教図書. (in Japanese)

13. 日本の歴史. 武士の登場 [The History of Japan: the emergence of warriors]. 東京: 中央公論社, 1966. (in Japanese)

14. 沖縄大百科事典 [The encyclopedia of Okinawa]. Vol. 1. 那覇: 沖縄タイム社, 1983. (in Japanese)

15. 沖縄歴史地図. 考古編 [Historical atlas of Okinawa: archeology]. 東京: 柏書房, 1982. (in Japanese)

16. 沖縄資料集成: 自然、歴史、文化、風土 [Okinawa materials: nature, history, culture, traditions]. 那覇: グリーン・ライフ, 1975. (in Japanese)

17. 沖縄県の歴史 [The history of Okinawa Prefecture]. 東京: 山川出版社, 2004. (in Japanese)

18. 琉球: 異邦典籍と史料 [Descriptions and accounts of Ryukyu by Western travelers]. 那覇: 月間沖縄社, 1977. (in Japanese)

19. 首里城: 琉球王府 [Shuri castle: government of the Ryukyu Kingdom]. 東京: ぎょうせい, 1993. (in Japanese)

20. 高宮廣衛, 1994. 沖縄の先史遺跡と文化 [Prehistoric archeological sites and the culture in Okinawa]. 東京: 第一書房. (in Japanese)

21. 當間嗣一, 1998. 考古遺跡は語る [Archaeological sites speaking]. In: 新琉球史. 古琉球編. 那覇: 琉球新報社. (in Japanese)

22. 中山世譜 [Genealogy book of Chūzan]. In: 琉球史料叢書. Vol. 4. 東京: 井上書房, 1962. (in Japanese)

23. 中山世鑑 [Mirror of Chūzan]. In: 琉球史料叢書. Vol. 5. 東京: 井上書房, 1962. (in Japanese)

Р.В. Кулепанов*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯПОНИИ

В статье рассматривается процесс формирования идеологического базиса вооруженных сил императорской Японии в 1850-х – 1940-х гг., который складывался на основе синтеза элементов традиционной японской культуры (синтоизма, кодекса бусидо, культа божественного императора) и идей национализма, милитаризма и территориальной экспансии. Автор полагает, что именно глубокая укорененность милитаристской идеологии в традиционную культуру Японии обеспечила ее прочность и устойчивость в непростых условиях военного времени.

Ключевые слова: идеология, пропаганда, Вторая мировая война, вооруженные силы Японии, бусидо, синто, тэнноизм, кокутай

Ideological basis of the Imperial Japanese military forces. RUSLAN V. KULEPANOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article traces the formation of the ideological basis of the Imperial Japanese military forces from the 1850s to the 1940s. It was based on a synthesis of the elements of traditional Japanese culture (such as Shintoism, bushido, the cult of the divine emperor) and the ideas of nationalism, militarism, and territorial expansion. The author believes that it was the deep rootedness of the militaristic ideology in the traditional culture of Japan that ensured its strength and stability under difficult conditions of the wartime.

Keywords: ideology, propaganda, World War II, Japanese military forces, bushido, Shinto, Tennoism, kokutai

Одной из особенностей Второй мировой войны было участие в вооруженном конфликте идеократических режимов, мобилизовавших широкие слои населения на участие в боевых действиях с помощью массовой пропаганды. Наибольшей эффективности идеологическая обработка – как личного состава вооруженных сил, так и гражданского населения – достигла в Японии. Причиной этого являлось то, что обработка была основана на сочетании глубоких культурных традиций и современных средств пропаганды.

В настоящее время можно выявить четыре основные составляющие идеологического базиса вооруженных сил императорской Японии:

- традиционная религия синто, религиозный культ императорской власти – тэнноизм и идеологическая концепция кокутай;
- традиционная культура Японии, в первую очередь традиции средневекового воинского сословия буси;
- милитаристская идея территориальной экспансии в Юго-Восточной Азии – Великая

* КУЛЕПАНОВ Руслан Владимирович, старший лаборант отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: csword@yandex.ru

© Кулепанов Р.В., 2019

восточноазиатская сфера совместного процветания.

- пропагандистская работа представителей милитаристских кругов, в первую очередь идеологов политической группировки «Фракция императорского пути» («Кодоха»).

Важнейшей основой идеологии японской императорской армии являлась традиционная религия синто, принявшая форму государственной религии – идеологии после реставрации Мэйдзи. В конце XIX – начале XX вв. правительство приняло ряд мер по установлению жесткого контроля над религией. Была упорядочена обрядность, религиозные организации отданы под контроль правительства, святилища использовались для распространения официальной идеологии [4, с. 289–291]. Самым ярким проявлением стало строительство в 1869 г. храма Ясукуни. Храм, построенный в честь воинов, павших за императора, обладал особым статусом и в отличие от прочих святилищ, находившихся в ведении министерства внутренних дел, подчинялся военному министерству. Служители храма Ясукуни назначались военным ведомством, религиозные обряды проводили офицеры высокого ранга, охрану осуществляли военнослужащие военной полиции. Культ Ясукуни носил форму вызова душ воинов, погибших за императора. Изначально в храме были перечислены имена 3 858 участников гражданской войны Босин. К концу Второй мировой войны число обожествленных воинов, умерших за императора, превысило 2 466 000 [4, с. 293–294].

Культ божественного императора на протяжении всей истории Японии был частью традиционной религии японского народа. Концепция божественного происхождения императорской власти начала формироваться в рамках традиционной религии, одновременно с японской государственностью. Первые правители догосударственных объединений обосновывали свой статус путем выполнения функций верховного жреца [11, с. 8]. В ходе процесса формирования централизованного государства в VIII в. происходило закрепление статуса императора в письменных летописно-мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки». Сегуны из клана Токугава продолжили традицию возвеличивания императора, присвоения ему формальных религиозных функций с целью отдалить его от реального управления [11, с. 8–14].

В конце XVIII – начале XIX вв. в условиях кризиса феодальной власти сегуната Токуга-

ва активизируется деятельность сторонников восстановления императорского правления. Большое значение для идеологического обеспечения свержения власти Токугава имела философская школа Мито, выдвинувшая лозунг «Сонно дзёи» («почитание императора, изгнание варваров»). Одним из наиболее видных представителей школы Мито был Аидзава Сэйсисай, автор концепции кокутай. В своей работе «Синрон» («Новые тезисы»), написанной в 1825 г., он отстаивал единство императорской власти и синтоизма, подчеркивая происхождение императорской династии от богини Аматэрасу. Добавляя элементы конфуцианской этики, Аидзава Сэйсисай превозносил принцип лояльности и сыновней почтительности [15, с. 3]. Таким образом, объединяя синтоизм, культ императора и конфуцианство, Аидзава Сэйсисай сформулировал теорию «кокутай». Термин «кокутай» обычно переводится как «национальная сущность» и включает в себя идею господства института императорской власти, божественное происхождение императорской власти и самого государства, тесную мистическую связь императора с его подданными, а также особые ценности японского народа, воплощенные в моральных идеалах лояльности и почтительности [24, с. 7].

Идеи, высказанные Аидзава Сэйсисай, отражали настроения, получившие распространение в Японии в середине XIX в., и фактически стали идеологической основой реставрации Мэйдзи [7, с. 647]. Основные положения культа божественного императора нашли воплощение в законе об Императорском доме и в конституции Мэйдзи 1889 г. В связи с этим В.В. Савастеев отмечал: «Анализируя структуру японской конституции, можно сделать вывод о том, что по существу она была разделена на две части, равные по своей значимости: закон об Императорском доме и конституцию Мэйдзи. Оба документа являются высшими законами в стране, ни один из них не стоит выше другого» [12, с. 64]. Первый раздел конституции, включавший в себя 17 статей, определял статус императора, его права, привилегии и обязанности. Первая статья конституции гласила: «Японская империя управляется непрерывной императорской династией на вечные времена» [25, с. 382–383]. Согласно конституции, император сосредоточивал в своих руках всю полноту власти, в том числе верховное командование армией и флотом [25, с. 382–383]. «Конституция Мэйдзи

основана на принципе, по которому суверенитет принадлежит императору, точнее – непрерывной божественной линии императорского дома, – отмечал В.В. Совастеев. – Императорская линия (система) божественна по своему происхождению, поэтому никто, даже император, не вправе изменить ее» [12, с. 65].

Помимо конституции статус императора был зафиксирован в «Императорском указании для военнослужащих», изданном в 1882 г. Данный документ подчеркивал главенствующую роль императора в иерархии вооруженных сил: «Я являюсь главнокомандующим для вас – военных, и поэтому надеюсь, что вы будете моей лучшей опорой, и хочу, чтобы вы почитали меня, как своих родителей. Наша дружба должна быть особенно тесной. Я защищаю и контролирую страну в соответствии с милостью Неба, и смогу я или нет воздать благоденствие нашим предкам, зависит от того, как вы будете выполнять ваши обязанности» [2, с. 51]. Указание определяло лояльность императору как основной моральный принцип японского солдата: «Любой, кто родился в нашей стране, и не отдает ей свой долг, особенно если это человек, ставший военным, – бесполезный человек... Если войска в совершенстве освоили строевую подготовку, но не служат честно и преданно, они представляют собой лишь толпу бесполезных людей. Прежде всего армия защищает страну и поддерживает ее престиж и могущество. Состояние вооруженных сил определяет процветание либо упадок страны. Солдаты не должны вмешиваться в политику и вводиться в заблуждение ответственностью. Они должны всей душой хранить верность долгу, помня о том, что долг тяжелее горы, а смерть легче лебяжьего пуха. Утратив лояльность, вы потерпите поражение и запятнаете свою честь» [2, с. 51].

Летчик-камикадзе Я. Кувахара вспоминал: «Имперское предписание солдатам и матросам, отданное императором Мэйдзи в 1882 г., считалось практически священным. Это был документ, состоявший из нескольких страниц, которые каждый военный был обязан знать наизусть. Его сложные правила и философию требовалось поглощать через постоянную зубрежку и медитации. Каждый должен был быть готовым в любой момент процитировать его, полностью или по частям. Иногда японских бойцов заставляли повторять его наизусть полностью на каждой вечерней поверке. Распевное чтение длилось около четверти часа» [5, с. 60–61].

Еще одним важнейшим элементом в распространении идеологии тэнноизма был «Императорский рескрипт об образовании» 1890 г. Главной целью рескрипта было внедрение в образовательную систему концепции божественного императора тэнно: «Наши имперские предки основали нашу империю на широкой и постоянной основе и глубоко и непоколебимо установили добродетель. Наши подданные, объединенные лояльностью и сыновним благочестием, из поколения в поколение демонстрировали красоту этого. ... Вы, наши подданные, будьте почтительны с вашими родителями ... всегда уважайте Конституцию и соблюдайте законы; если возникнет любая чрезвычайная ситуация, смело предложите себя государству, и таким образом, охраняйте и поддерживайте процветание нашего императорского трона, ровесника Земли и Небес. Так вы будете не только верными подданными, но и прославите лучшие традиции ваших предков» [20, с. 29].

В справочнике, подготовленном управлением командующего военной полицией армии США, рескрипт об образовании характеризуется следующим образом: «Главная цель японского образования, выраженная в императорском рескрипте об образовании, выпущенном 30 октября 1890 г., заключается в том, чтобы подчеркнуть фундаментальные достоинства сыновнего благочестия и в то же самое время неразрывно связать эти достоинства с лояльностью к императорскому трону и судьбе Японии» [16, с. 5].

Наибольшее распространение идеология тэнноизма получила благодаря публикации в 1937 г. книги «Основные принципы кокутай» («Кокутай-но хонги»), являвшейся официальным идеологическим каноном японского авторитарного режима. «Кокутай-но хонги» публиковалась огромными тиражами и распространялась во всех образовательных учреждениях со специальной инструкцией о необходимости как можно более широкой пропаганды идей, содержащихся в книге [11, с. 39]. «Кокутай-но хонги» внедряла в сознание масс представления о качествах, присущих идеальному японцу – лояльность, патриотизм, сыновья почтительность, боевой дух. Рассматривалась угроза культурной и национальной идентичности японцев со стороны западной культуры и идеологии. Концепция тэнно была важнейшей составляющей в «Кокутай-но хонги»: «Великой Японской империей правит непрерывная

в веках династия императоров по повелению основателя государства. Это и есть извечная суть нашего государственного организма. Основываясь на этом великом принципе, весь <наш> народ, единый душой и сердцем как одна семья и повинующийся воле императора, исповедует священные добродетели верности и сыновнего почтения. ... Почитание императора подданными не есть просто долг как таковой и не подчинение силе; это естественное выражение их душевной и сердечной воли, проявление собственной преданности повелителю. Мы, подданные, испытываем глубокое благоговение перед императорской фамилией, не знающей себе равных в мире» [10, с. 339–340]. В тексте «Кокутай-но хонги» последовательно провозглашалась идея абсолютного служения императору: «Верность есть путь преданности императору как основе основ и повиновения ему. Повиновение есть отказ от своего “я” и всецелое служение императору. Следовать путем верности – вот единственный путь нашей жизни и источник нашей силы. Отдать жизнь за императора не значит “пожертвовать собой”, но лишь отказаться от собственного ничтожного “я” ради жизни в свете августейших милостей, ради подлинной жизни подданного» [10, с. 343].

В период Войны на Тихом океане культ тэнно был важнейшей идеологической основой императорской армии. В справочнике по вооруженным силам Японии, подготовленном военным департаментом США, отмечалось: «На индивидуальный взгляд японского солдата и отношение к жизни, естественно, влияет его домашняя жизнь, его учеба, его особая социальная среда с ее бесчисленными репрессирующими конвенциями и его военная подготовка. В японской социальной системе индивидуализму нет места. Эта система послушания и лояльности распространяется на сообщество и японскую жизнь в целом; она проникает вверх от семьи через соседские ассоциации, школы, фабрики и другие более крупные организации, пока, наконец, весь японский народ не проникнется духом самопожертвования, послушания и верности самому императору... На протяжении всей военной подготовки японскому солдату не разрешается забывать все, чему его учили дома, в школе или на заводе. Это вбивается в него снова и снова, пока его военная подготовка продолжается повторными лекциями командиров подразделений, которые даются под видом “духовного обучения”» [18, с. 8–9].

Примером идеологической обработки военнослужащих императорской армии является лекция, написанная неизвестным лейтенантом японской армии в середине 1943 г. Рассматривая причины побед японской армии, неизвестный офицер делал акцент на императорской власти как основе японского государства и источнике истинно японского боевого духа: «Императорская семья – это свет, жизнь, гордость Японии. По правде говоря, Япония является Японией, а японцы – японцами из-за императорской семьи. Из этого сознания рождается японский дух. Появляется лояльность, которая совершенно игнорирует безопасность дома и семьи – даже свою собственную жизнь – ради благосостояния императора и страны. Этот дух является чем-то уникально японским, совершенно отличным от американского, английского или китайского» [21, с. 45–46].

В вооруженных силах долг перед императором переносился на всю командную структуру. Беспрекословное выполнение любого приказа командира, в том числе и приказа совершить самоубийство, было обусловлено тем, что любой командир говорил от имени императора и выражал его волю: «Однако приказание императора подданный слышит в передаче стоящих между ним и императором посредников. “Он говорит от имени императора” – фраза, пробуждающая тью, и она, вероятно, обладает санкционирующей силой более мощной, чем та, которой располагает современное государство. Лори описывает инцидент, происшедший в мирное время на военных маневрах, когда один офицер вывел на них свой батальон и запретил солдатам пить воду из фляг без его разрешения. ... В тот день в пути от жажды и изнеможения двадцать человек лишились сил. Пятеро умерли. Когда заглянули в их фляги, то обнаружили, что они остались нетронутыми. “Офицер отдал команду. Он говорил от имени Императора”» [1, с. 93].

Идеология бусидо, в том виде, в котором она сложилась к 1930-гг., была тесно связана с государственной религией синто и культом божественного императора – тэнно. Осмысление традиций и культуры средневекового воинского сословия и внедрение этих традиций в идеологический базис японской армии активно происходило во второй половине XIX – начале XX вв. Изначально, единого, четко сформулированного кодекса воинского сословия, пригодного для распространения через образователь-

ную систему и внедрения в армейскую среду, не существовало. Основные постулаты самурайской этики не выходили за рамки народного фольклора и литературных источников периода эпохи Токугава и находились в поле зрения достаточно узкой группы историков, литературоведов и философов. Такие литературные произведения, как «Хагакуре», «Будосёсинсю», «Горинносё», не были интегрированы в идеологический базис государства.

Переосмысление термина «бусидо», придание ему нового содержания и использование в государственной идеологии происходило с середины XIX в. Одним из первых, кто начал интегрировать бусидо в идеологию государства, стал выдающийся политический деятель, философ, идеолог «реставрации Мэйдзи» Ёсида Сёин. В раннем возрасте Ёсида Сёин унаследовал должность преподавателя воинского искусства на основе трактатов конфуцианского идеолога и военного теоретика Ямага Соко [12, с. 24]. В историографии именно Ямага Соко называют одним из первых идеологов бусидо эпохи Токугава. Ёсида Сёин написал развернутые комментарии к работам Ямага Соко и неоднократно обращался к идеологии бусидо в своей пропагандистской и политической деятельности. Как отмечает Т.Г. Сила-Новицкая, представитель движения «императорских лоялистов» Ямага Соко «сумел органично соединить синтоистскую идею “почитания императора” с положениями морального кодекса самураев – “бусидо”, что в дальнейшем обусловило особое внимание националистических идеологов к его взглядам» [11, с. 14]. Огромное значение имело то, что идеи Ёсида Сёин определили путь развития Японии во второй половине XIX в. Среди его учеников были автор японской конституции, первый премьер-министр Ито Хиробуми, создатель императорской армии маршал Ямага-та Аритомо и другие видные политики. Ито Хиробуми так оценил роль Ёсида Сёин: «Он учил нас национализму, преданности монарху и этике бусидо с божественным воодушевлением» [12, с. 31]. Ёсида Сёин называют основоположником японского национализма и экспансионизма. В.В. Совастеев отмечал: «Внешнеполитическая программа, нарисованная Ёсида Сёин, была основана на такой логике: независимость – гарантия силы, экспансия – условие независимости... Он считал, что нужно оккупировать не только Хоккайдо и Рюкю, на которых Япония к этому времени не успела укрепиться, но впо-

следствии Корею, Маньчжурию и Китай и даже Индию» [12, с. 26].

После реставрации Мэйдзи, в условиях активной вестернизации, для Японии остро встал вопрос о значении традиционной культуры и религии, а также их взаимодействии с европейской культурой, религией, политическими традициями. Одной из реакций стало использование бусидо в качестве культурно-идеологического барьера на пути проникновения западных политических, культурных и религиозных ценностей. Закономерным результатом стал интерес к бусидо со стороны радикальных экспансионистских националистических кругов.

Тесное переплетение бусидо с японским национализмом и использование идеологии милитаристскими кругами происходило в работах Судзуки Тикара. Судзуки Тикара видел в бусидо комплекс ценностей, способный сохранить культуру и традиции японцев и поставить барьер проникающей в Японию европейской культуре, западному парламентаризму и христианству [13, с. 106]. Будучи помощником редактора газеты «Нироку Синпо», Судзуки Тикара с 1893 г. тесно сотрудничал с радикальными обществами «Гэнъёся» и «Кокурюкай». В 1893–1894 гг., в период восстания Тонхаков в Корее, Судзуки Тикара входил в состав радикальной группировки «Тен’ёкё», занимавшейся шпионажем на территории Кореи и организовывавшей силовые акции, направленные против войск Цинской империи [13, с. 99–100]. Судзуки Тикара подчеркивал необходимость внедрения элементов бусидо в образовательную систему, рассматривая это как основу экспансионистской внешней политики в Азии [13, с. 96–105].

Наибольшего развития идеология бусидо получила в начале XX в. В историографии этот период получил название «бум бусидо». На фоне победы Японии в Русско-японской войне интерес к феномену воинского духа проявили такие идеологи и философы, как Инадзо Нитобе и Тецудзиро Иноуэ [23, с. 108].

Пристальный интерес всего мира к Японии, заявившей о своих амбициях и одержавшей победу над крупной европейской державой, способствовал широкому распространению работы «Бусидо. Самурайская этика и душа Японии» писателя и просветителя Инадзо Нитобэ. Нитобэ рассматривал бусидо как неписанный кодекс средневекового воинского сословия, особо подчеркивая тот факт, что изначально кодекс не имел устного или письменного вы-

ражения, но обладал силой реального документа, определявшего жизнь многих поколений воинов. Источником бусидо Нитобэ называет синто, дзэн-буддизм, конфуцианство и учение Мэн-цзы. Главными составляющими кодекса были названы смелость, самообладание, справедливость, долг верности, стоицизм, сила духа. Детально рассматривался институт самоубийства как ритуала, позволяющего сохранить честь [8, с. 11].

Трактат Инадзо Нитобэ представляет собой идеализированный взгляд на кодекс, существовавший в прошлом, однако автор утверждал, что дух бусидо вышел далеко за рамки воинского сословия и глубоко укоренился во всех слоях японского общества. Успехи японской армии в Русско-японской войне обусловлены именно духом бусидо: «В боях при Ялу, в Корее и Маньчжурии победил дух наших отцов, который вошел нашими руками и бился в наших сердцах. Он не умер еще, этот дух наших воинственных предков. Имеющий глаза увидит его. Сотрите с японца налет передовых идей и в нем покажется самурай» [8, с. 125–126]. Инадзо Нитобэ призывал «сохранить это наследие, ни на йоту не убавив от древнего духа, в то время как будущее требует распространить его на все сферы жизни и отношения между людьми» [8, с. 126].

Если сочинение Инадзо Нитобэ получило широкое распространение за пределами Японии, то внутри страны наибольший вклад в распространение идеологии бусидо внес Тецудзиро Иноуэ. Иноуэ был тесно связан с правительственными кругами. Будучи профессором философии Токийского императорского университета, он мог широко пропагандировать свои взгляды среди студентов и преподавателей. Кроме того, он регулярно читал лекции для курсантов в армейской подготовительной школе [13, с. 177]. В период 1880–1940 гг. Тецудзиро Иноуэ написал десятки монографий, сотни статей, заметок и комментариев к работам других авторов. Он активно внедрял в общество идеи Ямага Соко и Ёсида Сёин [13, с. 181]. В своих работах Тецудзиро Иноуэ подчеркивал связь Ямага Соко, в качестве идеолога бусидо, с 47-ю ронинами, участниками т.н. «Инцидента Аки», ставшими образцом самурайской этики в Японии начала XVIII в. Дж. Такер отмечает: «В конце концов связка “Соко – ронины” служила важнейшим элементом, вокруг которого Иноуэ объединил такие мотивы, как бусидо, кокутай и сонно, или “почтение к императору”, в ча-

сто повторяющийся идеологический рассказ, поощряющий этику националистического, милитаристского и империалистического самопожертвования» [27, с. 41].

Одним из наиболее ярких проявлений деятельности Тецудзиро Иноуэ в деле пропаганды стало активное участие в дискуссии с профессором Университета Васэда Укита Касутами по вопросу о совершении самоубийства вместо сдачи в плен. Поводом стали события Русско-японской войны, когда 15 июня 1904 г. японские транспортные суда «Hitachi Maru», «Sado Maru», и «Izumi Maru» были уничтожены кораблями Владивостокского отряда крейсеров «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Тот факт, что большинство армейских офицеров отказались сдаваться в плен и покончили жизнь самоубийством, вызвал бурное обсуждение на страницах японской прессы. Сомнения Укита Касутами в необходимости совершения самоубийства для офицеров императорской армии вызвали резко негативную реакцию со стороны Тецудзиро Иноуэ, который рассматривал самоубийство на поле боя как проявление истинного духа Японии и обвинял своего оппонента в поклонении чуждым западным ценностям [13, с. 189].

Огромную роль в распространении идеологии бусидо сыграло самоубийство генерала Ноги Марасукэ в 1912 г. Взгляды Ноги Марасукэ и Тецудзиро Иноуэ на идеологию бусидо полностью совпадали. Генерал посещал лекции Иноуэ, выступал за создание общества Ямага Соко и сам написал несколько статей, в которых рассматривал вклад Ямага Соко в формирование идеологии бусидо [27, с. 48]. Тецудзиро Иноуэ высоко оценил самоубийство генерала Ноги Марасукэ и посвятил этому событию специальную лекцию: «Это был великолепный конец жизни буси, который удовлетворил бы генерала Ноги. На самом деле, если учесть мнение генерала Ноги, это было событие, достойное празднования. ... В любом случае самоубийство-дзюнси генерала Ноги действительно продемонстрировало большую силу бусидо нашей Японии» [цит. по: 13, с. 278].

Наибольшим вкладом Тецудзиро Иноуэ в дело продвижения идеологии бусидо в армейскую среду стало участие в создании в 1941 г. кодекса «Сенджин-кун» [13, с. 192]. Карманный справочник, выдававшийся всем военнослужащим, состоял из трех разделов, в которых подчеркивалось божественное происхождение власти императора, утверждалась незыблемость

армейской иерархии во главе с императором, превозносилось единство, стремление к победе и боевой дух. Перечислялись важнейшие качества и навыки, которыми должен был обладать военный служащий: благочестие, сыновья почтительность, скромность и сдержанность, чувство товарищества, беспрекословное подчинение вышестоящим офицерам, ответственность за выполнение приказа, бескорыстие, готовность пожертвовать жизнью и совершить самоубийство, чтобы избежать позора плена.

Таким образом, к 1930–1940 гг. термин «бусидо» получил новое содержание, тесно связанное с радикальным национализмом и экспансионизмом и из размытого литературного понятия превратился в действенный инструмент внутренней и внешней политики.

Одной из главных особенностей идеологии кокутай и концепции тэнно было то, что они были тесно связаны с внешнеполитической концепцией «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания», ставшей идеологической основой агрессивной внешней политики Японии. Основываясь на принципе иерархичности, ее идеологи утверждали, что Япония, как самое развитое государство в Азии, должна занять главенствующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Японский император должен был быть не только государственным, но и региональным лидером. Р. Бенедикт отмечала: «Японцы рассматривали в целом проблему международных отношений с точки зрения своего понимания иерархии, т. е. точно в том же свете, что и свои внутренние проблемы. В течение последнего десятилетия они видели свое место в мире на вершине пирамиды... В своих международных документах они постоянно заявляли о значении иерархии» [1, с. 34].

Создание «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания» подразумевало установление контроля над Маньчжурией, Китаем, французским Индокитаем, Филиппинами, Индонезией, Малайзией, островами Тихого океана. «Япония же считала, что нужно бороться за установление в мире иерархии – конечно же, во главе с ней, так как она одна представляет собой подлинно иерархичную сверху донизу нацию и поэтому понимает необходимость каждого народа занимать “должное место” в мире» [1, с. 18–19]. Основные положения концепции были сформулированы в докладе премьер-министра Хирота Коки на имя импе-

ратора от 15 августа 1936 г.: «Именно в соответствии с основополагающими принципами империи мы должны стремиться называться и фактически стать стабилизирующей силой для обеспечения мира в Восточной Азии, что в конечном итоге будет способствовать миру и благополучию человечества. Основополагающая национальная политика для Японии, продиктованная преобладающей внутренней и международной ситуацией, заключается в обеспечении прочной дипломатической и оборонительной позиции на Восточно-Азиатском континенте и распространении национального влияния на Южные моря» [19]. Официально концепция была провозглашена министром иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ 1 августа 1940 г. в официальном правительственном заявлении: «Основная цель национальной политики Японии заключается в твердом установлении мира во всем мире в соответствии с высоким духом “Хакко Итиу”, на котором была основана страна, и в строительстве, в качестве первого шага, нового порядка в Великой Восточной Азии, создав для этого солидарность Японии, Маньчжоу-го и Китая» [26].

Отстаивание принципа иерархичности было официально объявлено как одна из причин вступления в войну с США и Великобританией 7 декабря 1941 г.: «Императорское правительство ни в коем случае не может примириться с продолжением подобного положения, поскольку оно полностью противоречит принципам национальной политики империи, которая направлена на то, чтобы каждая страна смогла занять свое особое место в мире» [9, с. 392].

Таким образом, можно видеть, что идеологический базис японской императорской армии был основан на глубоких культурных традициях японского народа, он формировался на протяжении длительного периода времени. Окончательно идеология императорской армии оформилась при непосредственном участии радикальных милитаристских кругов. Итоги Первой мировой войны, экономические трудности, сокращение армии вели к росту политической активности офицерского состава вооруженных сил. Наиболее радикальными взглядами отличалась группировка «Фракция императорского пути» («Кодоха»), во главе которой стоял генерал-лейтенант Араки Садао [22, с. 21]. Заняв пост военного министра в 1931 г., Араки Садао развернул массовую пропагандистскую кампанию, нацеленную на повышение «боево-

го духа» японской нации. Одним из элементов пропагандистской кампании стал случай с майором Куга Нобору. Попав в плен к китайцам, после освобождения он покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать позора. Военный министр Араки широко использовал этот пример в милитаристской пропаганде [14].

Еще одним событием, использованным в массовой пропаганде, стала гибель трех японских солдат – Такэдзи Эсита, Иносукэ Сакуэ, Удзуру Китагава – при попытке взорвать бангалорской торпедой проволочное ограждение перед китайскими позициями во время уличных боев в Шанхае в 1932 г. Рядовой эпизод уличных боев получил широкое освещение в японской прессе. Утверждалось, что их смерть была осознанным выбором, символизировавшим истинный японский дух. Погибшие военнослужащие стали национальными героями. Их имена были нанесены на бронзовые таблички в храме Ясукуни. Портреты и художественные изображения подвига многократно тиражировались, выставлялись в общественных местах. Об этом событии снимались фильмы и записывались песни. Скульптурные изображения солдат были созданы в нескольких городах Японии [17, с. 76–77].

Араки Садао принял участие в создании шести из двенадцати эпизодов пропагандистского фильма «Япония в чрезвычайное время», вышедшего на экраны в 1933 г. Садао стремился внушить зрителям идею о «божественной миссии» Японии в Юго-Восточной Азии, а также подчеркивал необходимость противостоять западным странам не только в области внешней политики, но и в области идеологии. Исследователь Г. Бикс приводит точку зрения Араки Садао на взаимоотношения императора и японских вооруженных сил, отражающую влияние концепции кокутай: «Наши вооруженные силы – одновременно вооруженные силы императора и национальные вооруженные силы. Поэтому, они... – главное воплощение нашего национального достоинства. Так как мы осуществляем императорский путь, проявленный в трех императорских регалиях, переносим из императорского пути дух основания вооруженных сил. Дух японских вооруженных сил проявляет священный дух его величества, которое командует японскими вооруженными силами. Я полагаю, что наш дух выражает сердце императора, которое проявляется в том, почему имперские силы двигаются только по команде императора» [14].

Завершающим этапом установления идеологии стало подавление оппозиционных течений в политике и общественной жизни и установление тоталитарного режима, не допускавшего никакого инакомыслия. В 1940 г. в Японии окончательно сформировалась «новая политическая структура». Все политические партии заявили о самороспуске. 17 августа 1940 г. была опубликована «Программа новой структуры», которая предполагала «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях» и базировалась на «единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору» [3, с. 69].

Таким образом, к началу 1930-х гг. в Японии сформировалась охватывающая все общество идеология, созданная милитаристскими кругами, главной особенностью которой было то, что она была основана на традиционной культуре и религиозных верованиях японского народа. Именно глубокие корни милитаристской идеологии делали ее носителей столь стойкими к любым внешним воздействиям. Японскую милитаристскую идеологию не смогли пошатнуть ни крах японской военной машины, ни разрушение промышленности, ни потеря территорий. Более того, одна из ключевых идей милитаристской концепции кокутай – идея божественного происхождения императора – стала важнейшим фактором в прекращении войны и создании новой политической системы демократической Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

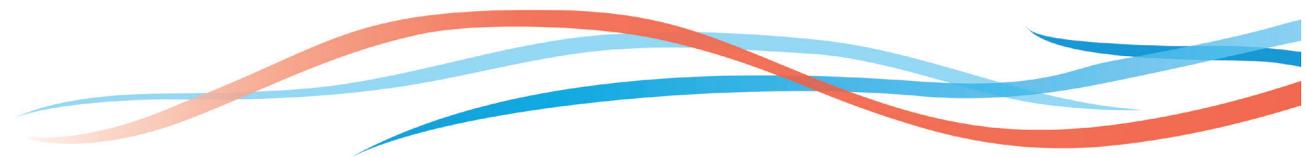
1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
2. «Гундзин тэкую» («Императорское указание военнослужащим») как памятник военной истории Японии // Письменные памятники Востока. 2006. № 1. С. 46–53.
3. История войны на Тихом океане: в 5-ти т. Т. 3. Первый период войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
4. Комаровский Г.Е. Государственный синто // Синто – путь японских богов: в 2-х т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 261–311.
5. Кувахара Я., Оллред Г.Т. Камикадзе. Эскадрилья летчиков-смертников. М.: Центрполиграф, 2004.
6. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007.

7. Молодяков В.Э. Синто и японская мысль // Синто – путь японских богов: в 2-х т. Т. I. Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 634–688.
8. Нитобэ И. Японский воин. М.: Центрполиграф, 2009.
9. Нота Соединенным Штатам Америки от 8 декабря 1941 г. // История войны на Тихом океане: в 5-ти т. Т. 3. Первый период войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 386–394.
10. Основные принципы кокутай // Синто – путь японских богов: в 2-х т. Т. II. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 335–357.
11. Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрина, политика. М.: Восточная литература, 1990.
12. Совастеев В.В. Политическая культура Японии во второй половине XIX – XX в. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003.
13. Benesch, O., 2011. Bushido: the creation of a martial ethic in late Meiji Japan. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
14. Bix, H.P., 2009. Hirohito and the making of modern Japan. New York: Perennial.
15. Brownlee, J.S., 2000. Four stages of the Japanese Kokutai [national essence]. Paper for University of British Columbia: JSAC Conference. URL: <http://www.adilegian.com/PDF/brownlee.pdf>
16. Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944.
17. Earhart, D.C., 2008. Certain victory: images of World War II in the Japanese media. Armonk; London.
18. Handbook on Japanese military force. Technical manual TM–E30–480. Washington: Government Printing Office, 1944.
19. Hirota cabinet's national and foreign policies (informally reported to the Emperor on 15 August 1936). URL: <http://www.ibiblio.org/pha/timeline/144app01.html>
20. Imperial rescript on education. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944. P. 29.
21. Intelligence bulletin, Vol. II, no. 9, 1944.
22. Munderloh, M., 2012. The Imperial Japanese army as a factor in spreading militarism and fascism in prewar Japan. M.A. dissertation, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich.
23. Oshiro, G.M., 1985. Internationalist in prewar Japan: Nitobe Inazo, 1862–1933. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
24. Redekop, W.B., 1964. Education for loyalty in prewar and postwar Japan. M.A. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
25. The constitution of the Empire of Japan. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 2: Government and administration. Washington: Government Printing Office, 1945.
26. The Greater East Asia co-prosperity sphere. The official statement of the Japanese government, August 1, 1940. URL: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Japan/Japan-1940.htm>
27. Tucker, J.A., 2002. Tokugawa intellectual history and prewar ideology: the case of Inoue Tetsujiro, Yamaga Soko, and the forty-seven Ronin. Sino-Japanese Studies, no. 14, pp. 35–70.

REFERENCES

1. Benedict, R., 2004. Khrizantema i mech: Modeli yaponskoi kul'tury [The Chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
2. «Gundzin tyokuyu» («Imperatorskoe ukazanie voennosluzhashim») kak pamyatnik voennoi istorii Yaponii [«Gunjin Chokuyu» («Imperial rescript to soldiers and sailors») as a source of Japan's military history], Pis'mennye pamyatniki Vostoka, no. 1, 2006, pp. 46–53. (in Russ.)
3. Istoriya voiny na Tikhom okeane: v 5-ti t. T. 3. Pervyi period voiny [The history of the Pacific War: in 5 volumes. Vol. 3. The first period of war]. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958. (in Russ.)
4. Komarovskiy, G.E., 2002. Gosudarstvennyi sinto [State Shinto]. In: Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2-kh t. T. I. Ocherky po istoriy sinto. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 261–311. (in Russ.)
5. Kuwahara, Y. and Allred, G., 2004. Kamikadze. Eskadri'i letchikov-smertnikov [Kamikaze. Suicide squadrons of pilots]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
6. Molodyakov, V.E., Molodyakova, E.V. and Markaryan, S.B., 2007. Istoriya Yaponii. XX vek [History of Japan. XXth century]. Moskva: IV RAN; Kraft+. (in Russ.)
7. Molodyakov, V.E., 2002. Sinto i yaponskaya mysl' [Shinto and Japanese thought]. In: Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2-kh t. T. I. Ocherki po istorii sinto. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 634–688. (in Russ.)
8. Nitobe, I., 2009. Yaponskii voyn [Japanese soldier]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
9. Nota Soedinennym Shtatam Ameriki ot 8 dekabrya [Japanese note to the United States of America. December 8, 1941]. In: Istoriya voiny na

- Tikhom okeane: v 5-ti t. T. 3. Pervyi period voyny. Moskva: Izdatelstvo inostranoi literatury, 1958, pp. 386–394. (in Russ.)
10. Osnovnye printsipy Kokutai [Basic principles of Kokutai]. In: Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2-kh t. T. II. Teksty sinto. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 335–357. (in Russ.)
11. Sila-Novitskaya, T., 1990. Kul't imperatora v Yaponii: mify, istoriya, doktrina, politika [Cult of Emperor in Japan: myths, history, doctrine, and politics]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
12. Sovasteev, V.V., 2003. Politicheskaya kul'tura Yaponii vo vtoroi polovine XIX – XX vv. [Political culture of Japan in the late XIXth – XXth century]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dalnevostochnogo univ'eriteta. (in Russ.)
13. Benesch, O., 2011. Bushido: the creation of a martial ethic in late Meiji Japan. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
14. Bix, H.P., 2009. Hirohito and the making of modern Japan. New York: Perennial.
15. Brownlee, J.S., 2000. Four stages of the Japanese Kokutai [national essence]. Paper for University of British Columbia: JSAC Conference. URL: <http://www.adilegian.com/PDF/brownlee.pdf>
16. Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944.
17. Earhart, D.C., 2008. Certain victory: images of World War II in the Japanese media. Armonk; London.
18. Handbook on Japanese military force. Technical manual TM–E30–480. Washington: Government Printing Office, 1944.
19. Hirota cabinet's national and foreign policies (informally reported to the Emperor on 15 August 1936). URL: <http://www.ibiblio.org/pha/timeline/144app01.html>
20. Imperial rescript on education. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944. P. 29.
21. Intelligence bulletin, Vol. II, no. 9, 1944.
22. Munderloh, M., 2012. The Imperial Japanese army as a factor in spreading militarism and fascism in prewar Japan. M.A. dissertation, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich.
23. Oshiro, G.M., 1985. Internationalist in prewar Japan: Nitobe Inazo, 1862–1933. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
24. Redekop, W.B., 1964. Education for loyalty in prewar and postwar Japan. M.A. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
25. The constitution of the Empire of Japan. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 2: Government and administration. Washington: Government Printing Office, 1945.
26. The Greater East Asia co-prosperity sphere. The official statement of the Japanese government, August 1, 1940. URL: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Japan/Japan-1940.htm>
27. Tucker, J.A., 2002. Tokugawa intellectual history and prewar ideology: the case of Inoue Tetsujiro, Yamaga Soko, and the forty-seven Ronin. Sino-Japanese Studies, no. 14, pp. 35–70.

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 39: 930.85

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/36-45

С.В. Березницкий*

КОНЦЕПЦИЯ МАРШАЛЛА САЛИНЗА ОБ ЭТНИЧЕСКОМ КОМФОРТЕ И ЕЕ АПРОБАЦИЯ НА МАТЕРИАЛАХ ПРОМЫСЛОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА

Знаменитый американский антрополог Маршалл Салинз разработал концепцию этнического комфорта на основе исследования хозяйства ряда народов, занимающихся рыболовством, охотой и собирательством. Ученый предложил две основные модели приобретения конкретным этносом условий комфортной жизни. В рамках первой требуется постоянное увеличение объема необходимых для общества продуктов питания, материалов для производства жилищ, одежды, орудий труда и т. п. Другая модель предусматривает максимальное ограничение в желаниях и довольствование самым малым, критически необходимым для выживания социума. На основе анализа современных промысловых технологий коренных народов Сахалина (нивхов, уйльта, эвенков) в статье представлена попытка апробации этих теоретических концепций. Основой жизнедеятельности нивхов всегда было рыболовство и морской зверобойный промысел. Уйльта и эвенки являются оленеводами и прежде добывали все нужное для жизни, используя безотходные технологии, связанные с разведением домашних оленей.

Ключевые слова: М. Салинз, этнический комфорт, промысловые технологии, нивхи, уйльта, эвенки, Сахалин

Marshall Sahlins' concept of the original affluent society and its application to the forms of subsistence of the indigenous peoples in Sakhalin. SERGEY V. BEREZNITSKY (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography)

In his book «Stone age economics», the famous American anthropologist Marshall Salins developed the concept of the original affluent society. Based on the analysis of modern forms of subsistence of the indigenous peoples in Sakhalin (Nivkhs, Uilta, Evenks), the article presents an attempt to test this concept and to reveal the ethnocultural features of their use of energy. The author concludes that to ensure a comfortable life the indigenous peoples of Sakhalin try to provide themselves with energy resources as much as possible, using the surrounding nature.

Keywords: Marshall Sahlins, affluent society, forms of subsistence, Nivkhs, Uilta, Evenks, Sakhalin

* БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

E-mail:svbereznitsky@yandex.ru

© Березницкий С.В., 2019

Этнический комфорт в самом широком смысле слова означает удовлетворение этноса благоприятными природными и культурными условиями жизни, дающими оптимальную возможность для сохранения, развития и трансляции материальных и духовных ценностей.

Цель данного исследования заключается в выявлении этнокультурных особенностей получения и использования разных видов энергии в качестве основы комфортной системы жизнедеятельности современными коренными народами Сахалина – нивхами, уйльта, эвенками. В теоретическом плане нами использовались методологические разработки американского антрополога Маршалла Салинза, который высказал тезис о том, что культурная эволюция представляет собой процесс движения энергии от меньших форм трансформации к большим, процесс движения общества к более высокой степени интеграции и адаптационной возможности [18, р. 38]. В труде «Экономика каменного века» (1973) М. Салинз на конкретных примерах исследования современных народов, в основе жизнедеятельности которых лежал первый хозяйственно-культурный тип, рассмотрел их поведение в процессе решения хозяйственных задач. При этом он доказал, что в архаическом обществе люди тратили гораздо меньше времени на получение необходимых для комфортной жизни энергетических ресурсов, чем цивилизованный мир XX в. [10, с. 19–20, 30, 34, 36–38 и др.]. Ученый высказал важную мысль о том, что энергетическое изобилие может быть достигнуто двумя основными путями. Первый заключался в производстве большого объема необходимых для комфортной жизни компонентов пищи, одежды и т. п., второй предусматривал максимальное ограничение этноса в таких желаниях и соответствующих технологиях.

Именно эти мысли М. Саллинза были взяты за основу для анализа процесса получения и использования энергии, выработки специфических этнокультурных механизмов создания комфортных условий существования на этнографических материалах современных коренных народов Сахалина (Полевые материалы автора, далее – ПМА)¹. В процессе работы анализиро-

вались данные о современных способах добычи и потребления биологических ресурсов нивхами, уйльта, эвенками, о способах хозяйствования нивхов (рыболовный промысел), уйльта и эвенков (оленоводство), об этнокультурных особенностях расчета оптимального объема и методах заготовки продуктов питания впрок, их энергетической ценности, об особенностях подготовки к предстоящей лососевой путине одного из наиболее экономически эффективных нивхских родовых хозяйств, об условиях адаптации якутских оленей, перевезенных в 2018–2019 гг. на Сахалин, в родовом оленеводческом хозяйстве уйльта/эвенков.

В июне 2019 г. на Сахалине в пгт. Ноглики проживал 931 представитель коренных малочисленных народов Севера (КМНС), из этого числа нивхи составляли 847 человек, уйльта – 32, эвенки – 36; в селе Вал – 191 человек (из них 46 детей), из этого числа уйльта (ороки) составляли 1 человек, орочен² – 98, эвен-

ние ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В.Н. Давыдов). Эти данные служили также сравнительным материалом для этнографических сведений, собранных автором на Сахалине в тех же населенных пунктах в 1990-х гг. [2, с. 15–72; 3, с. 291–415].

² Процесс возникновения и бытования эндо – и экзоэтнонимов одного из коренных народов Сахалина, известного в советское время как ороки, представляет собой до сих пор до конца не решенную проблему. В самом общем и упрощенном виде можно представить такую схему: до 1945 г. южная часть Сахалина находилась под временным протекторатом Японии и ороки получили японские фамилии и имена. В советское время в графу «национальность» в их паспортах было ошибочно записано «орочи», от искаженного, но широко распространенного на многие оленеводческие этносы названия «орочоны/орочёны/орочены», то есть «люди, владеющие оленями». В трудах же советских лингвистов и этнографов они назывались ороками. В 1990-х гг. по инициативе наиболее активных представителей этого народа ороки были официально переименованы в «уйльта». Сами себя люди называли и в 1990-х гг., и в наши дни также в нескольких вариантах: ороки, ульта, уйльта, ороchon, орочен. Последний термин активно используется в документообороте местных администраций. Известный дальневосточный этнограф А.Ф. Старцев скрупулезно, с использованием огромного массива полевых, архивных источников, опубликованных документов, материалов, трудов отечественных и зарубежных ученых, этнографов, лингвистов, филологов, историков, исследовал этот вопрос и пришел к определенным выводам, которые вызвали бурную дискуссию исследователей, продол-

¹ Этнографические исследования проводились в июне 2019 г. в Сахалинской области, в Ногликском и Тымовском районах (пгт. Ноглики, села Вал, Чир-Унвд, Чайво, Ныйво). Финансирование экспедиции осуществлялось из средств гранта РНФ № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использова-

ки – 56, нивхи – 34, нанайцы – 2; в Тымовском городском округе (пгт. Тымовское, села Иркир, Арги-Паги, Адо-Тымово, Славы, Молодежное, Восход, Кировское, Красная Тымь, Воскресеновка, Чир-Унвд) на 1 июня 2019 г. проживало 327 представителей КМНС, из них нивхов в с. Чир-Унвд 238 человек (98 мужчин и 140 женщин). Главное назначение этих поименных списков – служить основанием для выделения права на нормовую рыбу. Раньше такие списки составлялись в сельском совете по предъявлению паспорта, откуда и выписывалась этническая принадлежность. Теперь такой графы в паспортах нет (к сожалению, как подчеркивают все опрошенные представители КМНС), и данные заносятся в списки из свидетельств о рождении, где имеется указание на этническую принадлежность.

В настоящее время КМНС Ногликского и Тымовского городских округов имеют реальные возможности заниматься традиционными промыслами. Для этого они объединены в 22 территориальные, родовые и семейные общины³ КМНС, имеющие юридические и все остальные законно утвержденные права на осуществление традиционной хозяйственной деятельности: рыболовство, охота, морской зверобойный промысел, оленеводство, сбор дикоросов для технических, лекарственных, пищевых и других нужд. Кроме того, некоторые отрасли хозяйства, в частности рыболовство, для нивхов является не только основой современной модели питания, но и важным компонентом их духов-

жающуюся до настоящего времени [16, с. 174–180; 13, с. 143–151; 14, с. 199–217; 17, с. 56–62; 15, с. 102–109; 12, с. 168–181; 4, с. 88–96; 5, с. 15–22; 7; 8; 9, с. 79–83]. А между тем ороков/уйльта в администрации с. Вал по-прежнему называют терминами «орочены/орочоны». По крайней мере, так они были обозначены в списках на получение права на добычу биоресурсов, на получение нормовой рыбы.

³ Национально-производственный кооператив – родовое хозяйство «Лиманзо», «Кекр-во»; общество с ограниченной ответственностью – нивхское родовое хозяйство «Вени-во нгун», «Гевва»; крестьянско-фермерское хозяйство – территориально-соседская община коренных малочисленных народов Севера «Нин-миф», «Лунь-во»; нивхская родовая община «Аборигены», «Рассвет», «Нивхинка», «Удача», «Миф-чах»; семейная родовая община «Нивхи», «Тылгу», «Рувгу», «Тухш», «Ызн-ларш»; территориальная соседская община коренного малочисленного народа «Юктэ», «Пила нивнгун», «Север», «Лагуна», «Тыми».

ной культуры, языка, этнической идентичности и возрождающегося самосознания [6, с. 79–94].

Для занятий традиционными промыслами (круглогодичное рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство) у коренных народов Сахалина имеется выделенная им в вечное пользование родовая территория в районе Ныйского залива, на косе Пластун, в окрестностях бывшего нивхского поселения Ный-во. В своей деятельности общины активно пользуются законодательством, регулирующим права КМНС в сфере промысловой деятельности, промысловых технологий, в частности, федеральным законом 1999 г. «О гарантиях прав КМНС РФ», по которому народы Севера, в целях защиты традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов имеют право безвозмездного пользования в местах своей традиционной хозяйственной деятельности землей и полезными ископаемыми. Они имеют право контролировать мероприятия властей по охране окружающей среды при промышленном освоении природных ресурсов, получать от различных организаций РФ и международных материальные и финансовые средства, необходимые для их дальнейшего развития и защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, технологий хозяйствования и промыслов. КМНС имеют право создавать хозяйственные товарищества для занятий традиционными промыслами; соблюдать свои традиции и совершать обряды, охранять культовые места, бесплатно заготавливать древесину для своих нужд.

Находиться на указанной территории родовых общин могут только представители этих общественных объединений и представители различных силовых ведомств и министерств (ФСБ, МВД, Национальной гвардии и др.), которые осуществляют контроль за выловом КМНС биоресурсов. Исключение составляет только время ежегодного ритуала кормления воды, благодарения духов-хозяев местности, когда общинниками приглашаются многочисленные гости: представители иных этносов, чиновники администрации, корреспонденты местных газет, радио и телевидения, представители сахалинских нефтедобывающих компаний «Сахалин – 1», «Сахалин-2».

Для проверки теоретических разработок концепции М. Салинза об этническом комфорте и особенностях энергетической составляющей культуры на примере сахалинских этносов

было выбрано нивхское родовое хозяйство К.Б. Лиманзо на косе Пластун в Ныйском заливе восточного Сахалина. Это хозяйство находится в пятнадцати минутах езды на моторной лодке от пристани пгт. Ноглики. В этой местности, под условным названием «МРС» (малый рыбо-ловецкий сейнер), расположены две организации: национально-производственный кооператив – родовое хозяйство «Лиманзо» и семейная (родовая) община коренного малочисленного народа «Нивхи Сахалина». Отличаются эти организации формой собственности и возможностями реализации добытой продукции (биоресурсов), но обе имеют все необходимые юридические документы, определяющие права нивхов на добычу биоресурсов и все необходимые разрешительные документы на производства лова в конкретной местности. Общины базируются в пяти жилых домах, оборудованных дровяными печами, канализацией с очистными сооружениями, водопроводом (вода добывается из скважин электрическими насосами), цифровым телевидением (20 каналов), всеми условиями для приготовления и приема пищи, отдыха, развлечения (имеется даже самодельный силовой тренажер). Здания питаются электричеством от дизельного электрогенератора.

Таким образом, инфраструктура данного промышленного участка максимально комфортна для круглогодичного проживания и занятий традиционными промыслами. Имеется несколько технических сооружений для хранения мощных японских лодочных моторов, рыболовных снастей, ГСМ, запасных частей, инструментов, спецодежды и спасательных жилетов. Имеются также столы для разделки рыбы, морских животных, вешала и сеточные столы для вяления и приготовления разных сортов юколы, морозильники, погреба для хранения продукции. Для спуска лодок на воду имеется специальное техническое приспособление на колесах, на которое лодка загружается, а затем автомобилем сталкивается в воду. Парк автомобилей включает в себя высокопроходимый грузовик, несколько джипов и легковых автомобилей.

В июне путина еще не наступила, и промысловики общины активно готовились к приходу нерестовой горбуши. В качестве промышленной базы у общины имелись пять деревянных баркасов щелевиков⁴ от пяти до десяти ме-

тров длиной, семь непотопляемых пластиковых лодок «Yamaha» морского типа. Все лодки оборудованы мощными японскими моторами «Yamaha» (от 30 до 80 л. с.). Для ловли рыбы в заливе и в море имелись ставные сети и невода, закидные невода. Снасти соответствовали требуемым нормам, установленным приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 21 октября 2013 г. № 385 «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна». Ставные сети были длиной 30 м, глубиной 3 м, размер ячеи для ловли горбуши 55x55 мм, кеты – 70x70 мм. Ловушки на навагу изготавливались из сеток самостоятельно, также по установленным требованиям. У каждого из общинников имелся график приливов-отливов в данной местности. Точное знание времени этих природных явлений необходимо не только для ловли рыбы (1–2 часа между приливом и отливом), но и для перевозки грузов, в том числе и добычи, на автомобиле по косе.

В целом работа родовых общин была направлена на оптимальный вылов рыбы лососевых пород и ее дальнейшую переработку в виде заморозки в холодильных ларях объемом 300 кг, вяления нескольких сортов юколы, копчения красной рыбы, засолки красной рыбы (в среднем 50 штук на семью), засолки лососевой икры. В соответствии с разрешенными нормами, каждый представитель КМНС на Сахалине имеет право заготавливать для собственных нужд 300 кг рыбы: 195 кеты и 105 кг горбуши. Эта норма распространяется даже на новорожденных младенцев⁵.

того, чтобы рыба не пропала, в баркас через щели поступала морская вода, и рыба более суток оставалась живой. По рассказам рыбаков, в советские времена, когда рыбы в море было гораздо больше, чем сейчас, бригады ждали своей очереди для сдачи рыбы на завод несколько суток. Все это время рыба находилась в щелевиках.

⁵ Для того, чтобы получить и освоить эти лимиты нужно пройти очень долгий, сложный, утомительный процесс оформления заявки. Начинается эта работа с заявками в январе, чтобы получить их в августе. Готовые заявки сдаются в Сахалинско-Курильское территориальное управление (СКТУ). Каждый член семьи должен оформить такую заявку, даже младенец. Поэтому представителям Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, сотрудникам администраций приходится помогать людям разбираться в этих бюрократических сетях, учить их пользоваться интернетом, изучать приказ

⁴ Щелевик – деревянный рыболовный баркас, на котором перевозили пойманную неводами и сетями рыбу на берег для ее дальнейшей обработки. Для

Таким образом, каждая семья заготавливала в достаточном количестве для себя и для городских родственников высококалорийную белковую пищу, которой хватало до следующей путины. Объем вылавливаемой рыбы зависел прежде всего от установленных норм, качества работы надзирающих органов, от уровня экологического воспитания конкретного рыбака, от удачи, от климатических условий, от влияния нефтяных компаний на экологию региона и даже от степени влияния аварий на атомных станциях соседних стран (в частности станции в г. Фукусима в Японии). Чаще всего на вопрос о норме добычи информанты отвечали, что сразу определяют необходимый запас на всю семью на год, а большего не требуется, так как нет никакого смысла тратить энергию на добычу излишнего объема продукции, которую не сможешь использовать по прямому назначению. Если даже промысловик найдет на острове того, кому он сможет продать излишки своей добычи, это, скорее всего, будет разовая акция, так как об этом сразу же станет известно общественности и сотрудникам силовых ведомств.

Добыча нерпы с помощью огнестрельного орудия не требует больших энергетических затрат, этим промыслом занимаются даже женщины. Регулируется добыча нерпы лишь гастрономическими вкусами людей, желанием

использовать в пищевом рационе мясо и жир нерпы. Кроме того, нерпичий жир имеет свойство быстро прогоркать и отличается очень специфическим запахом. С учетом всех этих факторов заготовка нерпы ведется лишь после полной утилизации предыдущей туши.

Оленина в настоящее время появляется на столе коренных народов Сахалина гораздо реже, чем в советское время, когда была развита сеть оленеводческих совхозов. Уменьшение доли оленины в пищевом рационе связано с практически полным истреблением диких северных оленей и резким снижением поголовья домашних до такого уровня, что сегодня домашние олени уже не в состоянии самостоятельно воспроизвести потомство и оленеводам приходится покупать оленей в Якутии. С адаптацией якутских оленей связаны определенные проблемы (карантин, другой фенотип и т. п.). Выбранное для исследования оленье стадо (40 голов) на косе Чайво принадлежало семейной общине Г.Б. Макаровой. Глава этой общины сразу же подчеркнула, что сейчас заниматься оленеводством экономически невыгодно, так как домашних оленей на Сахалине очень мало, всего около 100–120 голов, поэтому нет биологического и генетического разнообразия. Нет хороших пастбищ, но есть огромное количество голодных медведей и еще более агрессивных браконьеров. Еще одна проблема этой традиционной отрасли заключается в нехватке кадров, ветеринаров. Но самое главное – молодежь не желает заниматься тяжелым и некомфортным трудом в тундре, поэтому сегодняшним немногочисленным оленеводам некому передавать свой опыт, что порождает социальную апатию. Оленеводческий календарь полностью зависит от оленей. Весной они мигрируют с западного побережья Сахалина на восточное, а летом идут на север, к заливу Пильтун, где кормятся и набираются сил. В апреле-мае происходит отел на косе Чайво. Оленеводы ухаживают за важенками, которых привязывают к кустам кедрового стланика, а оленята кормятся молоком матерей. К июлю-августу оленята достаточно окрепнут, чтобы стадо кочевало на север, на Пильтун. Привезенные из Якутии олени находятся на карантине на р. Горомай. Для бригады оленеводов в десять человек глава общины покупает на квартал за 100 тыс. руб. продукты и оборудование по областной программе КМНС: макароны, рис, мука, масло растительное и сливочное, тушенка говяжья, рыбные консервы, сайра,

Министерства сельского хозяйства РФ от 25.07.2019 № 442 о том, что Сахалино-Курильское территориальное управление Росрыболовства информирует юридических лиц и индивидуальных предпринимателей об установлении процедуры заключения договора пользования рыболовным участком для промышленного рыболовства в отношении анадромных видов рыб, для традиционного рыболовства КМНС, для промышленного рыболовства во внутренних водных объектах и организации любительского и спортивного рыболовства. Нужно знать, что этот приказ вступает в силу с 26 августа 2019 г. Именно поэтому с этой даты и начнется прием заявлений от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В конце декабря каждого года СКТУ делает приказ по управлению и нем четко указывает номер документа, все разрешенные лимиты для каждого представителя КМНС. В январе наступившего года в рыбоохране люди должны лично получить листы учета, даже если речь идет о младенцах. Человек подписывает документ, подпись заверяют печатью. Затем этот лист учета нужно взять с собой на рыбную ловлю и записывать в него каждую пойманную рыбу, что контролирует пограничная служба ФСБ. Затем до 20 декабря заполненный лист вылова рыбака должен сдать в СКТУ.

печень, спички, чай, кофе – по желанию. Генераторы постоянно ломаются, поэтому оленеводы обязательно закупают много парафиновых свечей для освещения палатки, батарейки для радиоприемников (советского производства). Оленеводы активно пользуются мобильными телефонами, так как стадо всегда ставится там, где есть сотовая связь, вышки с антеннами. Рацией пользоваться невыгодно, так как это очень дорого. Денег же у пастухов нет, так как зарплату они не получают, а работают за еду. Нередко спецодежду пастухов община приобретает за счет спонсорской помощи нефтяных компаний.

В связи с указанными трудностями кочевого оленеводства некоторые представители уйльта, эвенков планируют поменять тип хозяйствования и перевести оленей на стойловое содержание в коралях. Кормить животных планируют комбикормом, который будут закупать в Тымовске на фабрике по производству этого питания для крупного рогатого скота, а также солью «лизунец». Единственной проблемой для такой формы хозяйства оленеводы видят угрозу возникновения «копытки»⁶.

В настоящее время подавляющее большинство представителей КМНС Сахалина имеют небольшие огороды, приусадебные участки, садово-дачные участки, придомовые теплицы (отапливаемые и неотапливаемые). На этих участках выращивают в первую очередь картофель (используя в качестве удобрения часть рыбьей тушки – селедки, лосося), овощи (капусту, морковь, кабачки, патиссоны, редис, лук, чеснок, укроп), в теплицах – огурцы, помидоры и даже виноград. Огородничество для современных КМНС является важным подсобным занятием промысловой деятельности.

Следует особо выделить новое явление современной промысловой деятельности коренных народов Сахалина – батрачество. Эта

⁶ Копытка – народное название опасного заболевания некробациллез. Если олени будут долго находиться на одном месте, то они быстро вытаптывают тонкий растительный покров тундры. В образовавшейся жидкой грязи быстро размножаются бактерии, которые поражают копыта оленей и даже внутренние органы. Эта инфекция приносит огромный ущерб стаду, потому что распространяется мгновенно. Степень поражения животных зависит от их физического состояния. Если олени хорошо питаются, то они смогут легче перенести копытку, а если истощены, то неизбежно наступает летальный исход. Прежде всего, заболевают телята, у которых нежное тело.

форма социальных отношений имеет свою печальную страницу в истории нашей страны. Сегодня во многих родовых и семейных хозяйствах (рыболовецких и оленеводческих) нанимаемые работники становятся фактически батраками, так как за своей труд они не получают заработанную плату, а довольствуются едой, местом для ночлега и одеждой. «...Так поступали раньше китайские купцы. И вот теперь как будто это время снова вернулось в наши края. Людей просто обманывают, а тем некуда деваться, потому что другой работы в районе нет. Все места захвачены давно и стоит живая очередь...» (ПМА).

В законе 1999 г. «О гарантиях прав КМНС РФ» сказано, что родовые, семейные общины КМНС, занимающиеся традиционными отраслями хозяйствования, освобождаются от уплаты налогов на землю, на доходы от реализации продукции, полученной в результате ведения традиционных видов промысла, на пользование водными объектами при добыче (вылове) водных биоресурсов для удовлетворения личных нужд в пределах установленных лимитов (квот). Однако эта налоговая льгота не распространяется на оплату труда наемных работников. Именно это исключение и привело к появлению в последние годы категории «батраков» из числа представителей КМНС, которые работают в многочисленных родовых и семейных общинах без получения заработной платы. Их труд оплачивается частью добываемой продукции (рыба, мясо, дикоросы и т. п.). Европейский стереотип уклонения от уплаты налогов был быстро адаптирован в деятельности ряда родовых хозяйств КМНС разных форм собственности, но со своей этнокультурной спецификой.

Необходимо подчеркнуть инициативу отдельных информантов, которые прилагают огромные усилия для возрождения традиционных отраслей хозяйства, в частности упряжного собаководства. Так, у нивха А.Ю. Нхиргука идея о собственной собачьей упряжке появилась еще в детстве, когда он общался со своими дедами, один из которых был знаменитым на весь Сахалин каюром, а другой – не менее известным рыбаком. Они учили его охотиться и ловить рыбу в заливе Набиль, комфортно обустроившись на промысле в избушке, грести на лодке, заготавливать дрова, правильно (то есть без ущерба для природы) собирать стланик, пилить морской плавник, угощать духов-хозяев местности перед выездом на про-

мысел и на самом промысле, обращаться к духам-хозяевам на нивхском языке. В 2007 г. А.Ю. Нхиргук создал в Луньском заливе общину «Кеност» («Восход солнца») для ловли рыбы, а в 2016 г. – семейно-родовую общину «Луньво» в Луньском заливе для возрождения нивхского собаководства. Стал писать в разные инстанции, просить помощи, подавать заявки на гранты в нефтяные компании. Постепенно у него появилось четыре собаки породы хаски. Потом компания «Сахалин энерджи» выделила деньги на покупку двух маламутов в Корсакове и в Хабаровском крае на собачьей выставке в питомнике. Технология выращивания и воспитания ездовой собаки А.Ю. Нхиргука основана на терпении и любви к собакам, которых в детстве он кормил геркулесом, гречневой сечкой, отварной рыбой (бычок, навага, кунжа, горбуша). Рыбу резал на кусочки и варил с крупой с добавлением небольшого количества соли. Летом давал собакам несоленую юколу. До двух месяцев щенки жили в доме, после шести месяцев их переселили в закрытый вольер. Там есть собачья кухня, внутренний дворик с деревянными полами. Первый год своей жизни собаки жили вольно, постепенно учились понимать простые команды на русском языке. Потом их стали приручать к упряжке, к работе в нарте. По словам А. Нхиргука, ему помогала природа животных: хаски сами любят тянуть нарту, это собаки скоростные, любящие создавать темп бега, настроение в упряжке, а маламуты – сильные собаки, хорошо тянут груз, но тяжеловесны. Нарта у А. Нхиргука пока алюминиевая, так как традиционная, деревянная стоит на заказ 70 тыс. руб. Постромки тоже не нивхские, а заказаны через интернет из Хабаровска. Постромки изготовлены из полипропилена, они прочные и удобные, не обмерзают и не «дубеют» при низких температурах, не намокают, к ним не пристаёт грязь. Раньше нивхи делали постромки из нерпичьей кожи.

А. Нхиргук участвует в различных заседаниях, слетах, советах, конференциях, чтобы знать политическую обстановку в стране, законы, их изменения. Самое главное для него – знать, что требуется для нивхской культуры, чтобы человек чувствовал себя в ней комфортно. В качестве основных причин возрождения упряжного собаководства, которое на Сахалине не бытует уже около 50 лет, А. Нхиргук назвал (по степени важности для него) следующие: красота, патриотизм, родная культура, энергетическая

выгодность по сравнению с такими видами транспорта, как снегоход или автомобиль. Есть перспектива в будущем заняться этническим экологическим туризмом: «...В будущем я планирую возить на собаках туристов на залив. Там есть что показать. Например, как гнездятся орланы. Это огромные, красивые птицы. Шуметь там нельзя. Поэтому нельзя использовать моторную лодку или снегоход, а на собачьей упряжке можно...» (ПМА).

Собранные в этнографической экспедиции на Сахалине материалы в целом подтвердили распространенное в трудах о народах Севера представление о том, что одной из самых характерных особенностей их промыслов является щадящее отношение к хрупкой северной природе, бережное расходование ее даров: дикоросов, животных, птиц, рыбы т. п. Подтверждением устойчивого бытования этого стереотипа является комплекс мифологических и космогонических воззрений, промысловых культов, верований и ритуалов. Однако в этом комплексе компонентов духовной и промысловой культуры можно выявить амбивалентный образ охотника. С одной стороны, общество старается возвращать удачливого промысловика, способного прокормить результатами своей деятельности не только себя и свою семью, но и сородичей, не имеющих возможности охотиться: стариков, больных, инвалидов, вдов, сирот. Для этого с младенчества используется промысловая магия: над колыбелью вешаются амулеты, изготовленные из когтей или черепов промысловых зверей, чтобы их качества передались будущему охотнику и рыбаку. С.А. Арутюнов на основе изучения многих этносов мира, находящихся на традиционном уровне социально-экономического развития и проживающих в различных климатических условиях, пришел к выводу о том, что в хозяйственно-культурном комплексе любого этноса присутствуют экофильные и экофобные компоненты, причем последние нередко преобладают [1, с. 375]. Народная педагогика коренных народов Сахалина полна примерами того, что мальчика с детства учили быть удачливым охотником, знатоком промысла, местности, повадок зверей, рыбы, путей их миграции; девочка с малых лет осваивала приемы быстрой обработки добычи, не допуская ее порчи, технологию изготовления удобной и прочной промысловой одежды и обуви, училась ухаживать за собаками или оленями. С другой стороны, промысловая этика гласит, что ни-

когда нельзя было добывать зверей, птиц, рыб, морских животных, съедобных или лекарственных растений больше необходимой нормы. За нарушение этого предписания в традиционной культуре неизбежно следовало осуждение сородичей, рекомендации старейшин об изменении промысловой технологии, наказание со стороны многочисленных духов-хозяев местности (тайги, тундры, моря, рек, озер, болот, скал, утесов, ущелий и т. п.), сверхъестественных существ, дарующих человеку промысловую удачу, фарт, мифических предков, выступающих в образе медведя, различных птиц, душ предков, ушедших в верхние миры.

Нивхи, уйльта, эвенки Ногликского и Тымовского городских округов принимают активное участие в работе фольклорных ансамблей «Пила Кен» («Большое солнце»), «Тамарелкаш» («Непоседы»), «Ари ла миф» («Земля северного ветра»), «Кех» («Чайка»), «Морошечка», «Мэнгумэ Илга» («Серебряные узоры»). Стараются быть участниками спортивных праздников, фестивалей, выставок декоративно-прикладного искусства, конкурсов этнической пищи, организуют и проводят традиционные ритуалы кормления воды, угощения духов-хозяев, праздник «День оленевода», фестиваль «Наследники традиции», областные детско-юношеские фестивали художественного творчества КМНС. Выступают с программами: «Легенды Севера», «Гуде дуннэ» («Красивая земля»), исполняют номера на этнических музыкальных инструментах. Большой интерес вызывают выставки конкурсов декоративно-прикладного творчества: соревнований мастеров по изготовлению изделий из бересты, из рыбьей кожи, по изготовлению традиционного костюма из меха и кожи, игрушек, по вышивке, по резьбе по дереву и кости.

Большую финансовую помощь в организации родовых праздников оказывают нефтяные компании Сахалина, которые выделяют гранты, оказывают спонсорскую поддержку, привозят на праздник продукты, подарки, спортивное оборудование, призы и т. п.

Люди, без учета возраста, социального положения, не думая о наградах и призах, азартно соревнуются в одиночку и семьями в различных спортивно-развлекательных состязаниях: гонки верхом на оленях, бросание топора на дальность, бросание маута на оленя на точность, прыжки через нарты, прохождение по бревну, бег с собакой по пересеченной местности, бег на скорость, удерживая теннисный шарик на ра-

кетке и т. п. Большой интерес вызывают состязания в установке чума на скорость, в скорости вылова рыбы и мастерстве приготовления из нее ухи, качество которой тут же оценивают гости и судейская комиссия. По словам информантов, участие в перечисленных мероприятиях на долгое время заряжает их позитивной энергией, которая помогает адаптироваться к современным жестким условиям рыночной экономики, новым формам социальных отношений.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выяснены основные аспекты современной культуры коренных народов Сахалина – нивхов, уйльта, эвенков, методы, механизмы и технологии промысловой деятельности, оленеводства, быта, духовной культуры. Выявлены этнокультурные особенности использования энергии коренными народами Сахалина, что проявляется в способах добычи даров природы (мясо и шкура рыбы лососевых и частиковых пород, нерпы, технические, лекарственные и съедобные дикоросы), в способах использования их в пищевой модели, в быту, в комплексе одежды и обуви, механизмы получения комфортных условий жизни с применением современных средств транспорта и связи. Анализ собранного материала о современных промыслах коренных народов Сахалина (рыболовство, охота, оленеводство) показал, что концепция Маршалла Салинза работает только в ее первом пункте. Коренные народы Сахалина для обеспечения комфортной жизни и быта стараются максимально обеспечить себя энергетическими ресурсами, используя окружающую природу. При этом они твердо убеждены в том, что имеют на это полное право, так как на Сахалине испокон веков жили их предки, ловили рыбу, нерпу, разводили оленей, охотились на диких животных и птиц, шили из их шкур одежду и обувь, изготавливали жилища, музыкальные инструменты, родная природа давала им вдохновение для создания мифологической картины мира, сочинения песен и других форм фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Культуры, традиции, их развитие и взаимодействие. Люистон: Издательство Эдвин Меллен Пресс, 2002.
2. Березницкий С.В. История и культура коренных народов Дальнего Востока. Духовная культура орочей, ороков и др. Традиции и современность. Этнографические исследования 1989–1990 гг. Владивосток, 1990 // Архив Института истории, археологии и этнографии на-

родов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 355. С. 15–72.

3. Березницкий С.В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1998 г. Владивосток, 1999 // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. С. 291–415.

4. Вртанесян Г.С. Орокский фольклор: общее и особенное // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 1. С. 88–96.

5. Вртанесян Г.С., Озолина Л.В. Медвежий праздник ороков-уйльта: общее и особенное // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 15–22.

6. Гашилова Л.Б. Рыба как основной компонент традиционной кухни нивхов // Системы питания коренных народов Арктики – роль традиционных знаний для устойчивого развития: сборник трудов / отв. ред. Матисен С.Д., Гашилова Л.Б. Чернышева С.Л. и др. М.: Издательский дом Паулсен, 2018. С. 79–94.

7. Миссонова Л.И. Лексика уйльта как историко-этнографический источник. М.: Наука, 2013.

8. Озолина Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: ГЕО, 2013.

9. Подмаскин В.В. Новая гипотеза о происхождении этнонима «ороки» и «уйльта» // Восьмые Гродековские чтения: материалы международной научно-практической конференции. Т. 3. Хабаровск, 2015. С. 79–83.

10. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

11. Старцев А.Ф. Анализ этнических названий: к проблеме происхождения народов низовьев Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 199–217.

12. Старцев А.Ф. История появления и функционирования этнонимов ороков Сахалина // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 168–181.

13. Старцев А.Ф. К проблеме происхождения уйльта Сахалина // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история Саха: материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева (г. Якутск, 24–26 окт. 2012 г.). Новосибирск: Наука, 2014. С. 143–151.

14. Старцев А.Ф. Ороки – орочены, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015.

15. Старцев А.Ф. Распространение понятия орочены-оленево́ды у тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока // Евразийский Союз ученых: XIV Международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований». № 5. Ч. 6. М., 2015. С. 102–109.

16. Старцев А.Ф. Этногенетические проблемы: этническая основа уйльта Сахалина // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 174–180.

17. Старцев А.Ф. Этнонимы ороков Сахалина и их этимология в отечественной этнографической литературе // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4. Ч. 5. С. 56–62.

18. Sahlins, M.D. and Service, E.R. eds., 1960. Evolution and culture. Ann Arbor: University of Michigan Press.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A., 2002. Kul'tury, traditsii, ikh razvitie i vzaimodeistvie [Cultures, traditions, their development and interaction]. Lewiston: Edwin Mellen Press. (in Russ.)

2. Bereznitsky, S.V., 1990. Istoriya i kul'tura korennykh narodov Dal'negο Vostoka. Dukhovnaya kul'tura orochei, orokov i dr. Traditsii i sovremennost'. Etnograficheskie issledovaniya 1989–1990 gg. [History and culture of the indigenous peoples of the Russian Far East. Spiritual culture of Orochs, Oroks, etc. Traditions and modernity. Ethnographic studies of 1989–1990], arkhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'negο Vostoka DVO RAN (Vladivostok). F. 1. Op. 2. D. 355. Pp. 15–72. (in Russ.)

3. Bereznitsky, S.V., 1999. Etnokul'turnye kontakty, etnicheskaya istoriya i dukhovnaya kul'tura korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnograficheskie issledovaniya 1998 g. [Ethnocultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies of 1998], arkhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'negο Vostoka DVO RAN (Vladivostok). F. 1. Op. 2. D. 416. Pp. 291–415. (in Russ.)

4. Vrtanesyan, G.S., 2018. Orokskii fol'klor: obshchee i osobennoe [Orok folklore: general and special features], Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri, no. 1, pp. 88–96. (in Russ.)

5. Vrtanesyan, G.S. and Ozolina, L.V., 2015. Medvezhii prazdnik orokov-uil'ta: obshchee i osobennoe [Bear festival of Oroks-Uilta: general and special features], Sibirskii filologicheskii zhurnal, no. 4, pp. 15–22. (in Russ.)

6. Gashilova, L.B., 2018. Ryba kak osnovnoi komponent traditsionnoi kukhni nivkhov [Fish as the main component of the traditional cuisine of the Nivkhs]. In: Matisen, S.D., Gashilova, L.B., Chernysheva, S.L. et al. eds., 2018. Sistemy pitaniya korennykh narodov Arktiki – rol' traditsionnykh znaniy dlya ustoichivogo razvitiya: sbornik trudov. Moskva: Izdatel'skii dom Paulsen, pp. 79–94. (in Russ.)
7. Missonova, L.I., 2013. Leksika uil'ta kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Uilta vocabulary as a historical and ethnographic source]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
8. Ozolinya, L.V., 2013. Grammatika orokskogo yazyka [Grammar of the Orok language]. Novosibirsk: GEO. (in Russ.)
9. Podmaskin, V.V., 2015. Novaya gipoteza o proiskhozhdenii etnonima «oroki» i «uil'ta» [A new hypothesis of the origin of «Oroks» and «Uilta» ethnonyms]. In: Vos'mye Grodekovskie chteniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. T. 3. Khabarovsk, pp. 79–83. (in Russ.)
10. Sahlins, M., 1999. Ekonomika kamennogo veka [Stone age economics]. Moskva: OGI. (in Russ.)
11. Startsev, A.F., 2015. Analiz etnicheskikh nazvanii: k probleme proiskhozhdeniya narodov nizov'ev Amura i Sakhalina [The analysis of ethnic names: towards the issue of the origin of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 199–217. (in Russ.)
12. Startsev, A.F., 2018. Istoriya poyavleniya i funktsionirovaniya etnonimov orokov Sakhalina [History of emergence and functioning of the ethnonyms of Sakhalin Oroks], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 168–181. (in Russ.)
13. Startsev, A.F., 2014. K probleme proiskhozhdeniya uil'ta Sakhalina [Towards the issue of the origin of Sakhalin Uilta]. In: Vsadniki Severnoi Azii i rozhdienie etnosa: etnogeneza i etnicheskaya istoriya Sakha: materialy Vserossiiskoi interdistitsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 125-letiyu G.V. Ksenofontova i 100-letiyu L.N. Gumilyova (g. Yakutsk, 24–26 okt. 2012 g.). Novosibirsk: Nauka, pp. 143–151. (in Russ.)
14. Startsev, A.F., 2015. Oroki – orocheny, a ne uil'ta! K probleme etnogeneza orokov Sakhalina [Oroks are Oroqens, not Uiltas! On the problem of ethnogenesis of Sakhalin Oroks]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
15. Startsev, A.F., 2015. Rasprostranenie ponyatiya orochoy-olenevody u tungusoman'chzhurskikh etnosov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The spread of the concept of reindeer Oroqens among the Tungusic ethnic groups of Siberia and the Far East]. In: Evraziiskii Soyuz uchenykh: XIV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Sovremennye kontseptsii nauchnykh issledovaniy». No. 5. Ch. 6. Moskva, pp. 102–109. (in Russ.)
16. Startsev, A.F., 2013. Etnogeneticheskie problemy: etnicheskaya osnova uil'ta Sakhalina [Ethnogenetic problems: the ethnic basis of the Uiltas of Sakhalin], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 174–180. (in Russ.)
17. Startsev, A.F., 2015. Etnonimy orokov Sakhalina i ikh etimologiya v otechestvennoi etnograficheskoi literature [Ethnonyms of Sakhalin Oroks and their etymology in Russian ethnographic literature], Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh, no. 4, part 5, pp. 56–62. (in Russ.)
18. Sahlins, M.D. and Service, E.R. eds., 1960. Evolution and culture. Ann Arbor: University of Michigan Press.

А.В. Табарев, Т.А. Гаврилина*

ТРАДИЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ В СОСУДАХ
В ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Традиция погребений в керамических сосудах – одна из эффектных и наиболее информативных погребальных традиций в древних культурах островной части Юго-Восточной Азии. Ее происхождение связано с периодом неолита (около 4000–3500 л.н.) и распространением на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии технологии гончарства, которая представила альтернативу ранее существовавшим практикам погребения в плетеных циновках и контейнерах. Расцвет традиции приходится на рубеж эр («Металлический век»), а отдельные проявления продолжают сохраняться вплоть до колониальной эпохи и настоящего времени. В рамках традиции в островной части Юго-Восточной Азии по особенностям труположения, манипуляций с частями скелета и морфологии сосудов выделяется несколько «ареалов», а погребальный инвентарь демонстрирует тесные торгово-обменные контакты с соседними территориями континентальных частей Юго-Восточной и Восточной Азии.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, неолит, металлический век, погребальная практика, сосуды

Jar burial tradition in the island Southeast Asia. ANDREY V. TABAREV (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), TATIANA A. GAVRILINA (Novosibirsk State University)

The tradition of jar burials is among the most spectacular and most informative burial traditions in the ancient cultures of the island Southeast Asia. Its origin dates back to the Neolithic period (4000–3500 BP) and is connected to the spread of the pottery-making technology in the Philippines, Indonesia, and Malaysia, which provided an alternative to pre-existing burial practices making usage of organic containers and mats. The heyday of jar burial tradition falls on the turn of the eras («Metal Age»), while its single manifestations continued until the colonial period and even modern times. Several local variations of this tradition in island Southeast Asia can be identified based on the distinctive features of burial types, manipulations with skeleton parts,

* ТАБАРЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: olmec@yandex.ru

ГАВРИЛИНА Татьяна Александровна, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: tanyaesler@gmail.com

© Табарев А.В., Гаврилина Т.А., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-09-00010.

Авторы искренне признательны профессору Б. Селлато (Французский национальный центр научных исследований, г. Париж, Франция), доктору Н. Куэвас (Национальный музей Филиппин, г. Манила, Филиппины) и к.и.н. С.В. Лаптеву (Музей Михо, г. Шигараки, Япония) за помощь с литературой, фотографиями и ценные комментарии по сюжетам данной работы.

and vessel morphology. In its turn, the burial goods demonstrate close trade-exchange connections with the neighboring territories of inland Southeast Asia and East Asia.

Keywords: Southeast Asia, Neolithic, Metal Age, burial practice, jar burials

Введение

Юго-Восточная Азия – обширный регион, связующее звено между Евразией и Океанией, Индийским и Тихим океанами. Географически она подразделяется на континентальную часть (Mainland Southeast Asia, MSEA), которая включает территории Камбоджи, Мьянмы, Лаоса, Таиланда, Вьетнама и Западной Малайзии, и островную (Island Southeast Asia, ISEA), к которой относятся Восточная Малайзия, Бруней, Сингапур, Филиппины, Индонезия и Восточный Тимор. Островную часть также называют Малайским архипелагом. Сам термин «Юго-Восточная Азия» (Southeast Asia) впервые появился в 1839 г. в книге американского пастора Говарда Малкольма «Путешествия в Юго-Восточной Азии» [25]. В исторической и научно-популярной литературе можно встретить вышедшие ныне из употребления названия отдельных частей Юго-Восточной Азии, которые отражают колониальную эпоху ее истории – Британская Малайя, Голландская Ост-Индия, Французский Индокитай и т. д.

Древняя история этого региона исключительно интересна и насыщена, а особенности ключевых событий культурогенеза (первоначальное заселение, появление земледелия, гончарства, металлургии и т. д.) представляют уникальную исследовательскую перспективу для антропологов и археологов. Одна из причин этих особенностей – тропический характер климата, растительности и животного мира: вся Юго-Восточная Азия расположена между тропиками Рака и Козерога, поэтому и сами археологические исследования отличаются «тропическими особенностями».

Археология континентальной части Юго-Восточной Азии известна российским специалистам в первую очередь по серии работ П.И. Борисовского, который в начале 1960-х гг. в ходе нескольких командировок производил раскопки памятников во Вьетнаме и обобщил практически весь доступный для того времени материал по каменному веку (палеолит-неолит) по региону в целом [2; 3]. Контакты российских и вьетнамских археологов продолжились в формате

обмена визитами и публикаций по материалам памятников палеолита [1], а с 2010 г. – в рамках совместной российско-вьетнамской археологической экспедиции под эгидой Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) [4]. Островная же часть Юго-Восточной Азии традиционно представляла интерес исключительно в рамках проблем антропогенеза, среднего и позднего палеолита, тогда как последующие этапы (неолит, бронзовый и железный века) никогда не были объектами специального изучения, и до настоящего времени российские археологи на территории островной части Юго-Восточной Азии никогда не работали. Так, например, в книге О.Ю. Левтоновой «История Филиппин» неолиту Филиппинского архипелага отведено всего три абзаца, а материалам рубежа эр – два [6].

В последние годы наблюдается заметный рост интереса отечественных археологов ко всем периодам древней истории Юго-Восточной Азии. Это проявляется в активном участии в научных форумах на территории региона, в организации тематических проектов, а также в появлении целого ряда публикаций по проблематике неолита и палеометалла [7; 8].

Цель настоящей работы – системное изложение современного состояния изученности одной из наиболее ярких погребальных традиций в островной части Юго-Восточной Азии – «погребений в сосудах» (jar burials, urn burials) – и ее культурно-хронологическое соотнесение с аналогичными проявлениями ритуальной деятельности на соседних территориях.

Происхождение традиции, вопросы хронологии и периодизации

Общей археологической периодизации для всей Юго-Восточной Азии не существует, тем не менее, в силу очевидного влияния европейской школы, практически на всех территориях используются термины «палеолит» (ранний, средний поздний, финальный) и «неолит» (ранний, средний, поздний). При этом для континентальной части по набору признаков, локализации и хронологии выделяются отдельные

«археологические культуры», а для островной – только комплексы, группы памятников и, в единичных случаях, «традиции» [20].

С терминами, применяемыми для различных периодов эпохи металла, ситуация значительно сложнее – для континентальной части выделяются как «бронзовый» (Bronze Age), так и «железный» (Iron Age) века. Начало бронзового века определяется временем XI/X вв. до н. э., а железного – V/IV вв. до н. э. В островной же части Юго-Восточной Азии металлы (медь/бронза, железо/сталь, золото, серебро) появляются практически одновременно, поэтому в археологической литературе время рубежа III/II вв. до н. э. – V/VI вв. н. э. обозначается как «металлический век» (Metal Age) или даже «мульти-металлический век» (Multi-metallic Age).

В рамках этих периодизаций традиция погребений в керамических сосудах (урнах) впервые проявляется для островной части (Филиппины, Индонезия, островная Малайзия) в позднем неолите, ее расцвет приходится на металлический век, а отдельные элементы сохраняются вплоть до настоящего времени (Рис. 1).

Относительно происхождения традиции погребений в сосудах в Юго-Восточной Азии в целом существует несколько версий: одни исследователи связывают ее с практикой погребения детей и новорожденных, известной по неолитическим памятникам на юго-востоке Китая и на Тайване, и привнесенной на территорию островной части вместе с австронезийской миграцией около 4 тыс. л.н.; другие указывают на ее достаточно раннее проявление как в континентальной, так и в островной частях, и возможность местного генезиса; третьи делают акцент на том, что традиция не обязательно могла распространяться в ходе миграций, а, скорее, в формате культурных контактов и обмена [12; 13; 14; 16; 30].

К наиболее ранним (неолитическим) находкам погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии специалисты относят следующие комплексы:

– четыре небольших сосуда с вторичными погребениями и следами охры в пещере Арку (северная часть о. Лусон, Филиппины) с датой 471±80 (ISGS-495) л. до н. э.;

– отдельные части сосуда вперемешку с фрагментами человеческих костей без каких-либо сопровождающих артефактов в гроте Далан Серкот (северная часть о. Лусон, Филиппины),

которые датируются по радиоуглероду 1581±34 (Wk-15648) л. до н. э. [16];

– в пещерах Табон (о. Палаван, Филиппины) – т. н. «Зал А» и «Зал В» [19]. В первом из них был обнаружен знаменитый погребальный сосуд «Манунгул». Его высота 66,5 см, максимальная ширина – 51 см, крышка сосуда увенчана скульптурной композицией, изображающей двух умерших, которые на ритуальной лодке перемещаются в мир мертвых. Ритуальную урну сопровождали изделия из нефрита, агата и раковин, а также несколько мелких керамических сосудов. Для этого комплекса имеются даты 891±80 USLA-992A и 711±80 USLA-992B л. до н. э.;

– 12 погребений у Западного входа пещеры Ниа (штат Саравак, Восточная Малайзия, о. Борнео). Они составляют лишь 10% от числа всех неолитических погребений, изученных для этого участка комплекса, и датируются в широком диапазоне 3200–2500 л. н. Сосуды варьируют по высоте (от 13 до 70 см), по сохранности (от целых до сильно фрагментированных), содержат кремнированные или частично сохранившиеся останки детей и взрослых, как индивидуальные, так и нескольких умерших (например, части скелетов 2 женщин и 3 детей в одном сосуде), отличаются крайне скудным инвентарем (кусочки охры, единичные украшения из раковин) [21];

– 13 одиночных погребений (по большей части частичных, без черепа) в сосудах на памятнике Пэйн Хака (восточная часть о. Флорес). Все, за исключением одного, сосуды представлены сферическими формами с красным ангобом, часть из них имеет прочерченный орнамент, в одном случае зафиксировано украшение верхней частью тулова сосуда аппликациями в виде человеческих лиц, в другом – изображением ящериц. В качестве сопроводительного материала найдены подпрямоугольные тесловидные орудия из камня и раковин, браслеты, бусы и подвески из раковин, шип морского ската. Изделия из металла в комплексе отсутствуют, радиоуглеродные датировки определяют возраст некрополя в пределах 3000–2100 л.н. [22].

В континентальной части Юго-Восточной Азии наиболее ранние проявления погребений в сосудах известны для культуры сахюинь (Центральный и Южный Вьетнам) (2500–1800 л.н.), а точнее на начальном этапе этой культуры, которую в литературе предварительно определяют как «пре-сахюинь» и датируют 2900–2500 л.н. В первую очередь речь идет о комплексах на

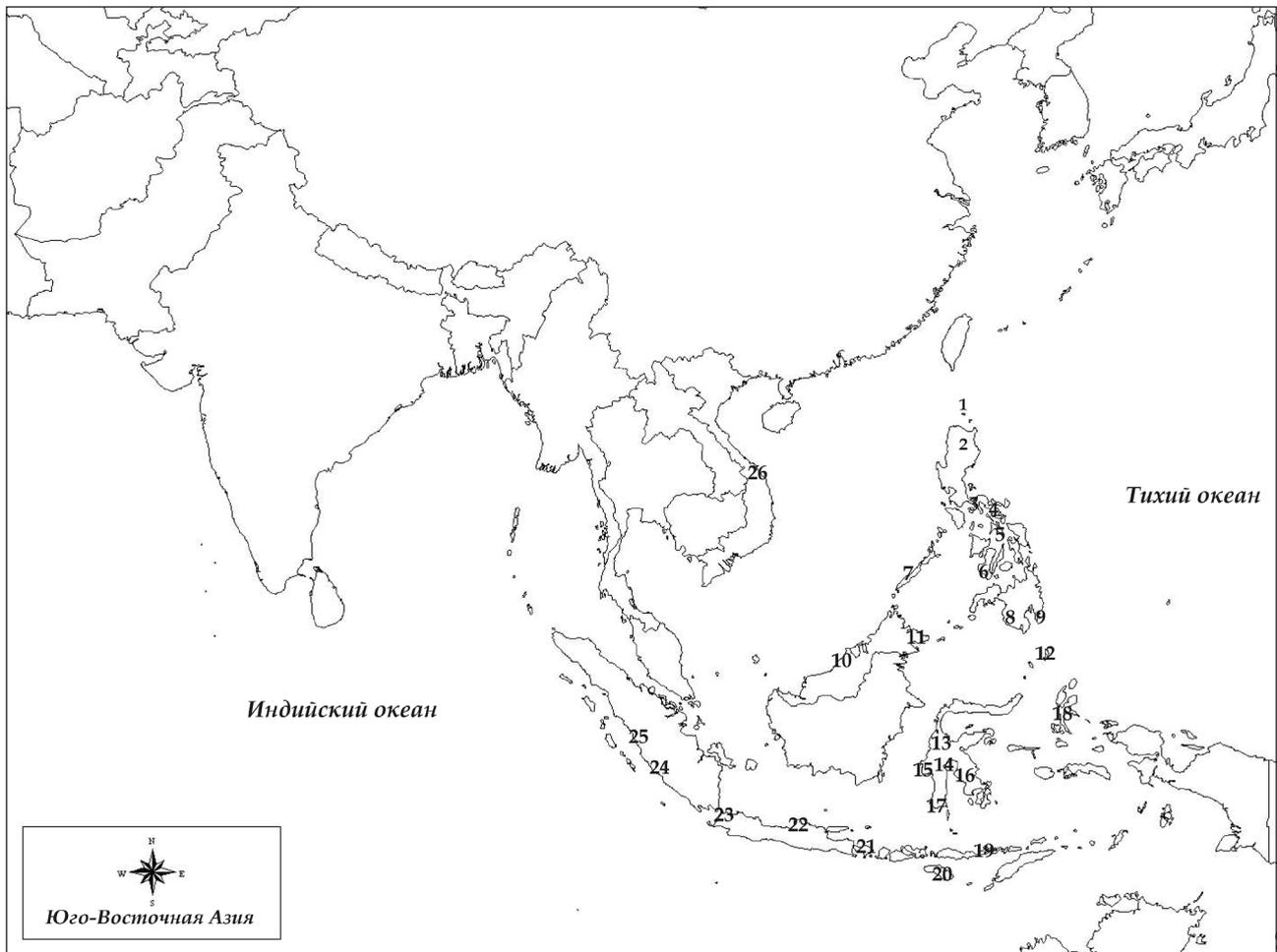

Рис. 1. Островная часть Юго-Восточной Азии.

Наиболее важные памятники с погребениями в сосудах, упомянутые в статье:

1. Дипнай Супуан (о-ва Батанес); 2. Арку, Далан-Серкот, Нагсабаран (северная часть о. Лусон);
3. Сан-Нарцисо; 4. Бато; 5. Каланай; 6. Масухот (о. Негрос); 7. Табон (о. Палаван);
8. Аюб, Сагель, Семинохо (о. Минданао); 9. Асин; 10. Ниа, Келабит (о. Борнео);
11. Пусу Саманг Тас, Пусу Лумут, Хагон Байло; 12. Леанг Буидане (о. Талуд);
13. Долина Бада (о. Сулавеси); 14. Саббанг Лоанг; 15. Букит Пантараан; 16. Гуа Лампетиа;
17. Тайле-Тайле; 18. Уаттамди (Молуккские о-ва); 19. Пэйн Хака (о. Флорес); 20. Мелоло (о. Сумба);
21. Гилиманук, Пакунг (о. Бали); 22. Плаванган (о. Ява); 23. Аньер Лор; 24. Педанг Сепан (о. Суматра);
25. Лебанг Бандунг; 26. памятники культуры сахюинь (Вьетнам)

небольших островах Ку Лао Чам (провинция Куанг Нам) и Лу Сон (провинция Куанг Нгай) в прибрежной части Вьетнама. Так, на памятнике Ксом Ок (о. Лу Сон) были выделены два культурных горизонта, в нижнем из которых погребения в небольших раскрашенных черной и красной красками сосудах датируются возрастом 2900–2850 л.н. [24].

Памятники с погребениями в сосудах на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии

Как уже упоминалось выше, наибольшее распространение и разнообразие традиция погребений в сосудах демонстрирует начиная с III в. до н. э. в рамках металлического века.

На островах Филиппинского архипелага эта традиция сохраняется вплоть до колониального времени, а в ряде случаев и до современности. Если же говорить о наиболее ярких и информативных комплексах рубежа эр, то они присутствуют на всей территории архипелага – от островов Батанес на севере до островов Сулу на юге [31].

Так, например, небольшой, но исключительно интересный памятник Дипнай Супуан с погребениями в сосудах был раскопан на о. Итбят (Батанес). Он представлен всего двумя погребальными контейнерами, закопанными на глубину около 120 см. Каждый состоит из двух вертикально поставленных сосудов с широкой горловиной – в первом случае высо-

та нижнего 60 см, а верхнего 61,3 см; во втором – нижнего 57,3 см и верхнего – 60 см. Верхние сосуды перевернуты вверх дном и служат крышкой. Оба контейнера содержат одиночные первичные погребения. Для погребения во втором контейнере выполнено предварительное антропологическое определение – мужчина, примерно 25–26 лет, ростом 173–174 см [18]. Подобная конструкция с двумя соединенными горловинами сосудами является весьма редкой для Филиппин, ее аналоги отмечены в северном направлении – на Тайване, а также в южной части Японского архипелага (Кюсю), где они сопровождают культуру яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.) [23]. Еще более ранние проявления практики погребений в сосудах известны в среднем и позднем периодах эпохи дзёмон (5000–2300 л.н.) [5].

В центральной части Филиппинского архипелага (о-ва Лусон, Масбате, Негрос, Себу) раскопки комплексов с погребениями в сосудах производились начиная с 1950-х гг. К числу наиболее известных памятников относятся Нагсабаран, Сан-Нарцисо, Магсухот, пещеры Бато и Каланай.

На памятнике Нагсабаран (Северный Лусон), который датируется временем около 2000 л.н., была отмечена интереснейшая деталь погребального обряда – отделение черепа от скелета (по-

гребение в скорченном положении) и помещение его в небольшой керамический сосуд [16].

В Сан-Нарцисо У. Солхейм выделил две разновидности погребений: первичные погребения в крупных круглодонных цилиндрических сосудах и вторичные погребения (преимущественно детские) в небольших сосудах сферической формы. В качестве сопроводительного инвентаря отмечены наконечники из железа, стеклянные бусины и браслеты [27]. Находки в пещере Каланай, в свою очередь, позволили У. Солхейму предложить версию о существовании на рубеже эр т. н. «Керамического комплекса Каланай» (или «Сахюинь-Каланай»), памятники которого зафиксированы как на Филиппинах, так и в прибрежной части Вьетнама [28; 29].

Памятник Магсухот (южная часть о-ва Негрос) исследовался в 1974–1975 гг. Его материалы иллюстрируют иной вариант погребальной традиции. На памятнике присутствуют простые и два «сложных» погребальных комплекса. В одном из них на вымощенной плоскими фрагментами керамики площадке 2 x 1 м были расположены три крупных погребальных сосуда (пустых!) (Рис. 2), которые сопровождалась целым ансамблем из более чем 80 мелких керамических сосудов, антропоморфных и зооморфных скульптурок, дополнительным погребением женщины и двух детей, а также одиночным

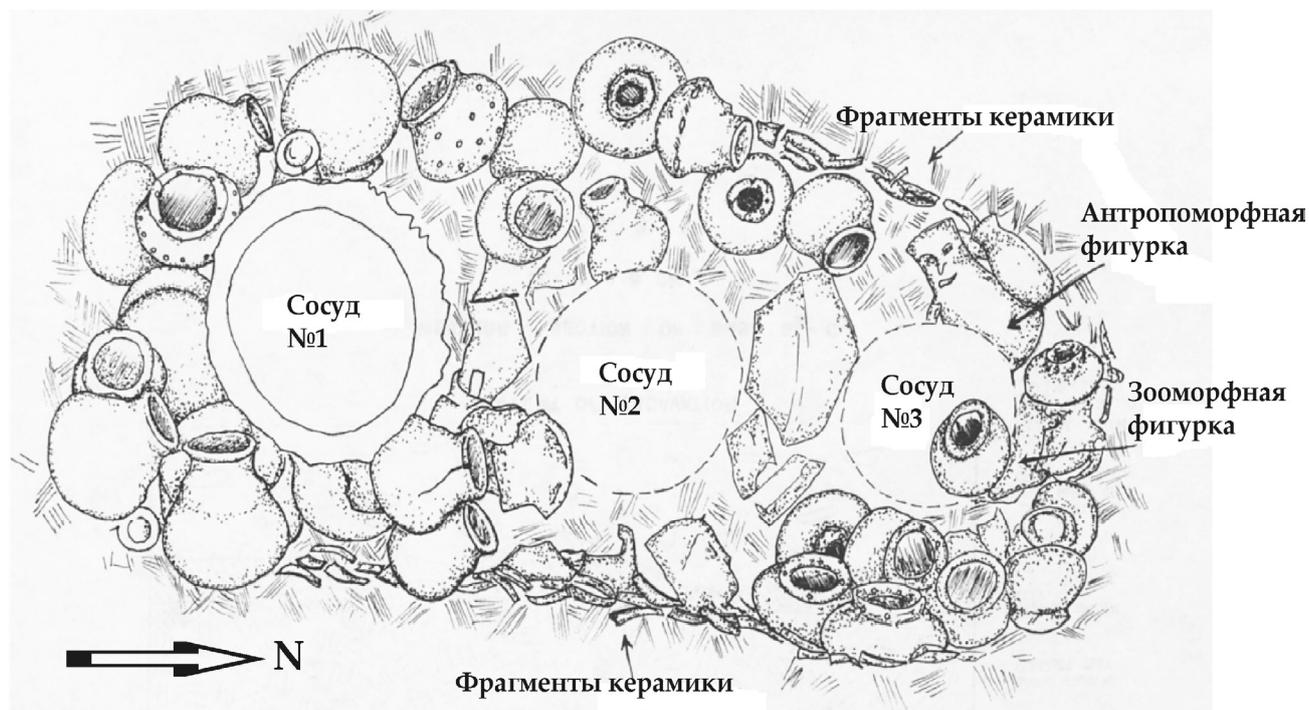

Рис. 2. Комплекс погребальных урн на памятнике Магсухот (остров Негрос) (адаптировано по: [32, p. 139, fig. 2])

каменным блоком весом около 500 кг [32]. Назначение этого «мегалита» загадочно, часть археологов склоняется к версии о том, что он мог использоваться как «скамейка у погребения». Не менее важно и то, что в сложных погребениях прослеживается два уровня инвентаря: непосредственно вокруг погребальных сосудов и поверх тонкого, перекрывающего погребальные сосуды слоя. Что же касается простых комплексов, то они выполнялись в один уровень и сопровождалась более скромным набором инвентаря – не более 25–30 мелких сосудов.

Исключительно разнообразны проявления традиции погребений в сосудах на территории южной части Филиппин (о. Минданао) – так, в пещере Асин обнаружено около 20 больших погребальных сосудов, в которых были помещены черепа и части скелетов, которые сопровождалась комплексом из более чем 80 мелких сосудов и мисок; в пещерах Аюб и Семинохо погребальные сосуды выполнены в исключительно оригинальной антропоморфной модификации с фигурными крышками и богатым сопроводительным инвентарем. Примечательно также, что в соседней пещере Сагель, относящейся к тому же времени, антропоморфных погребальных сосудов нет. Кроме того, если в Аюб преобладают групповые погребения, то в Сагель – исключительно одиночные [17]. Все это указывает на вариативность деталей погребального обряда в рамках единой традиции.

Первые сведения о находках погребений в урнах (керамических или каменных) на территории Индонезии относятся еще к концу XIX – началу XX вв. Наиболее яркие из них (такие как Мелоло на о. Сумба, Тайле-Тайле и Бада на о. Сулавеси) скрупулезно перечислил Х.Р. ван Геекерен в своей работе «Бронзовый-железный век Индонезии» [35].

На сегодняшний день разновременные (от рубежа эр до XIV–XV вв.) комплексы с погребениями в сосудах известны практически на всех индонезийских островах – Суматре, Яве, Бали, Сулавеси, Флоресе, Сумбе и даже на Молуккских островах [15; 16; 26]. В последнем случае речь идет о памятнике Уатамди (грот Уатамди), где были найдены два погребальных сосуда с черепами в сопровождении стеклянных бусин и фрагментов железных и бронзовых изделий, которые датируются первыми веками нашей эры.

Памятник Мелоло (о. Сумба) представляет собой «поле погребальных урн», на котором

найден несколько сотен больших сосудов сферической формы с крышками, в которых, как правило, находились лишь черепа или – реже – черепа с добавлением нескольких длинных костей. Среди сопроводительных материалов (украшения из раковин, каменные топорики, бусы, керамические пряслица, изделия из стекла и бронзы) особо выделяется серия сосудов (тип *kendi*) в форме фляжек или чайников с рельефными или прочерченными контурами человеческих лиц (Рис. 3). Учитывая присутствие аналогичных изделий в комплексах на других индонезийских островах (Ява, Флорес, Ломбок и др.), специалисты рассматривают их в качестве надежного хронологического маркера для периода металла.

На территории о-ва Сулавеси наиболее интересные находки связаны с памятниками Букит Пантараан (три сосуда, украшения из железа, бронзы, золота, стекла и полированного камня), Саббанг Лоанг (комплекс из 12 сосудов), а также грот Гуа Лампетиа (крупный сосуд высотой более 60 см с крышкой и останками пяти взрослых и одного подростка). Для сосуда и крышки имеются термолюминесцентные даты: 1140 ± 60 г. н. э. и 1050 ± 120 г. н. э. соответственно [16].

В случае с островом Бали чаще всего упоминают два памятника – Пакунг и Гилиманук. На первом прослежена интересная практика срезания верхней части сосуда для того, чтобы уложить там части скелета ребенка и череп взрослого. После этого сосуд был закрыт плоской керамической крышкой. Памятник датируется рубежом эр. Особенностью комплекса Гилиманук является то, что в погребальных сосудах находились останки лишь младенцев, детей и подростков, следов погребения взрослых не зафиксировано. Кроме того, здесь отмечены погребения в двух сосудах, соединенных горловинами, в сопровождении еще одного погребения (под сосудами), характер которого указывает на ритуальное жертвоприношение [9].

Комплекс Аьер Лор на острове Ява известен благодаря одному из самых крупных (76 см высотой) погребальных сосудов, в котором находилось одно частичное и одно вторичное погребение взрослых, а также бусы из карнеола. Там же, на Суматре, на памятнике Плаванган найдена целая серия погребальных сосудов цилиндрической формы (22–60 см высотой и до 90 см в обхвате). Одно из погребений находилось в керамической емкости, состоящей из двух сосудов. Все погребения вторичные, сопровожда-

ются изделиями из стекла, карнеола, бронзы и железа. В южной части одного из самых крупных островов – о. Суматра – зафиксировано полтора десятка комплексов с погребениями в сосудах (Лебанг Бандунг, Педанг Сепан и др.), все они датируются в диапазоне от VI/VII до XV вв. н. э. По мнению ряда исследователей,

это совпадает со временем распространения на территории Суматры традиции возведения различных мегалитических сооружений [16].

И, наконец, на малазийской части острова Борнео (Калимантан), кроме уже упоминавшегося раннего комплекса в пещере Ниа, погребения в сосудах известны на памятниках Хагоп

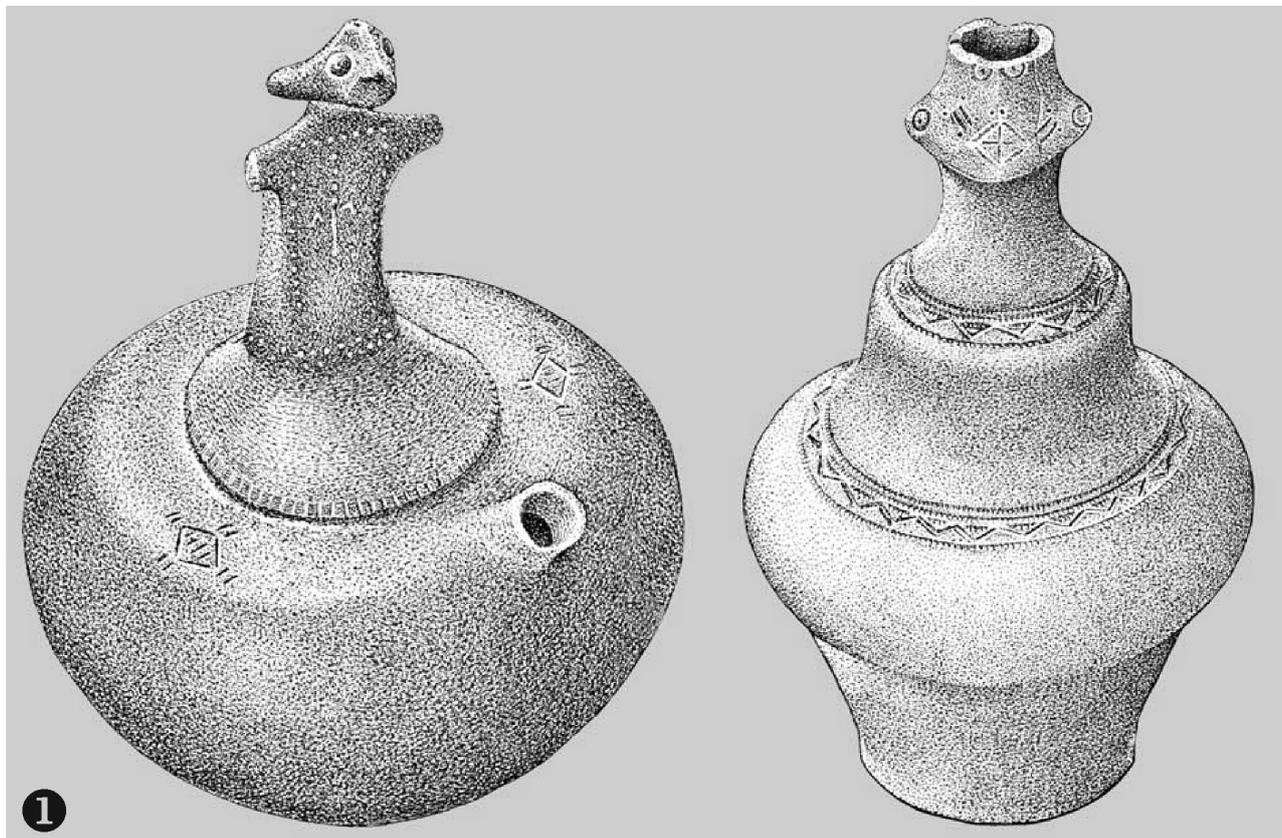

Рис. 3. Памятник Мелоло (о. Сумба). 1. Сосуды с антропоморфной символикой; 2. Положение скелета и элементов погребального инвентаря (фляга «кенди») [35, fig. 24–25]

Байло (V–IX вв. н. э.), Пусу Лумут (X–XV вв. н. э.) и Пусу Саманг Тас (XI в. н. э.) [12].

В современной археологической литературе весь массив памятников с погребениями в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии в целях упорядочивания часто группируют по «ареалам». Всего на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии по особенностям погребальных комплексов (морфология сосудов, их расположение, инвентарь, датировки) выделяются 14 таких ареалов. Их размеры варьируются от нескольких островков (например, острова Батанес на севере от Филиппин) или группы памятников (комплекс Ниа на о. Борнео) до обширных территорий (вся внутренняя часть о. Борнео, восточная часть о. Суматра, о. Ява и о. Бали). В случае с островом Сулавеси ситуация еще более сложная – на его территории выделены четыре частично перекрывающихся друг друга ареала. Безусловно, это лишь временная, рабочая схема, отражающая нынешнее состояние изученности.

Традиция погребений в сосудах прослеживается по целой серии памятников рубежа эр как в континентальной части Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Таиланд), так и на соседних территориях Южной и Восточной Азии (Индия, Шри Ланка, Китай, Корейский полуостров, Японский архипелаг). Исключительно важной чертой этого регионального феномена является не столько внешнее сходство, сколько свидетельство активных торгово-обменных связей и контактов, которое прослеживается по многочисленным элементам погребального инвентаря – бусам (из стекла, халцедона, карнеола, агата, оникса и нефрита), изделиям из раковин (браслеты, подвески, тесла), украшениям и элементам вооружения из железа и бронзы.

Наиболее удаленные проявления традиции погребения в сосудах известны на сегодняшний день на островах Вануату (Меланезия). Исследования на памятнике Теума (о. Эфате), которые производились там с 2004 г., принесли сенсационные результаты – на площади около 400 кв. м было раскопано 68 погребальных комплексов, в которых зафиксированы останки более чем 80 индивидуумов (Рис. 4: 1). Все они принадлежат носителям культуры лапита, визитной карточкой которой является керамическая посуда с характерным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. В некрополе Теума преобладают вторичные и частичные погребения, присутствует также и обряд кремации [11]. Как минимум

три погребения относятся к типу погребений в сосудах: Погребение № 17 (фрагменты костей женского черепа в богато орнаментированном сосуде с крышкой и перстнем из раковины в качестве сопроводительного инвентаря) (Рис. 4: 2–3); Погребение № 22 (вторичное захоронение частей скелета подростка в сосуде, венчик которого украшен фигурками птиц) и Погребение № 45 (вторичное захоронение частей скелета взрослого мужчины в вертикально поставленном сосуде со сложной орнаментацией). Примечательно, что все погребения в сосудах были расположены вместе с другими погребениями, а не локализованы на каком-то специальном участке вне пределов основной площади некрополя [33; 34].

Представительная серия радиоуглеродных датировок указывает на то, что наиболее ранние погребения могли появиться на памятнике в диапазоне 3110–2930 л.н., а самые поздние – 27070–2710 л.н. В любом случае, погребения в сосудах на о. Эфате иллюстрируют одно из самых ранних проявлений этой традиции в Пасифике и подтверждает версию о том, что зарождение (около 4,5–4 тыс. л.н.) культуры лапита может быть связано с юго-восточным побережьем Китая и о. Тайвань, откуда она достаточно динамично распространяется на северную часть Филиппинского архипелага (о. Лусон), на Марианские острова и далее – в Меланезию и Полинезию.

Заключение

Таким образом, погребения в сосудах представляют одну из многочисленных погребальных традиций, существовавших на территории островной и континентальной частей Юго-Восточной Азии в древности и сохранившуюся в виде отдельных элементов и ритуалов до настоящего времени. Благодаря хорошей сохранности керамических сосудов (погребальных контейнеров, урн) у специалистов появляется больше возможностей для изучения деталей погребального обряда и содержания сопровождающего инвентаря.

Эта традиция, с одной стороны, имеет явное «неолитическое» происхождение, связанное с появлением и развитием на территории Юго-Восточной Азии технологии гончарства и введением в культурный контекст разнообразных емкостей из обожженной глины, обладавших прочностью, долговечностью и возможностями реализации самых разных декоративных

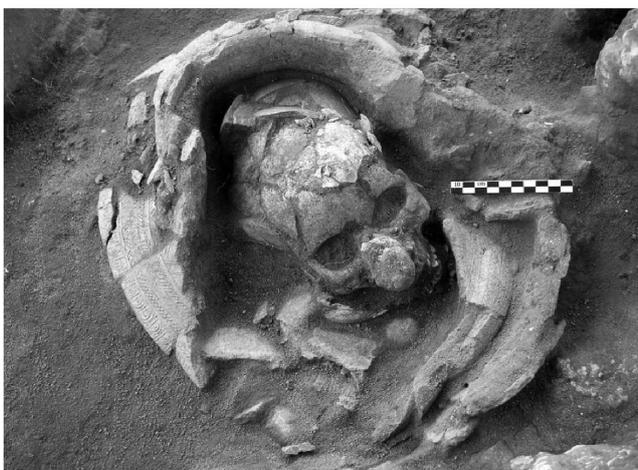
замыслов [10]. С другой стороны, следует согласиться с теми исследователями, которые указывают на связь практики погребения в сосудах с существовавшей ранее «донеолитической» (или «докерамической») традицией первичных, вторичных и частичных погребений, которые

были упакованы в плетеные циновки, корзины или иные емкости.

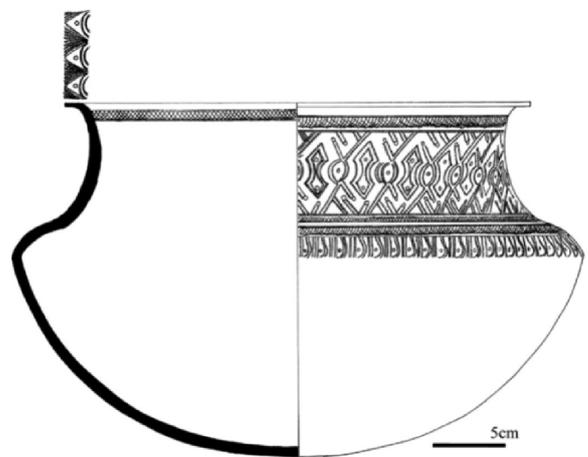
Разделение погребений в сосудах на ранние (неолитические) и поздние (век металлов) производится как на основе радиоуглеродных датировок, так и по наличию/отсутствию изделий

1

2

3

Рис. 4. Некрополь Теума (о. Эфате, Вануату). Погребальный сосуд (Погребение № 22), украшенный изображениями птиц [11, p. 13, fig. 3]

из бронзы или железа. Однако на практике исследователи часто сталкиваются с тем, что в одном и том же комплексе (слое, горизонте) могут быть погребения как в сопровождении металлических изделий, так и без них. Встречается и другая ситуация, когда в погребениях с датами, которые относят комплекс к веку металла, металлических изделий нет.

На обширной территории островной и континентальной частей Юго-Восточной Азии у погребальных комплексов в сосудах есть как сходные черты, так и явные различия. К сходствам относятся закономерности локализации (как правило, в прибрежных зонах), намеренное расширение горловин сосудов, а также обязательное присутствие сопровождающего погребального инвентаря (керамика, камень, металл, стекло). В то же время, различий гораздо больше – первичный или вторичный тип погребений; форма и размеры сосудов; использование крышки или ее отсутствие; одиночный, парный или групповой (некрополи), а также разовый или разновременный характер комплекса и т. д. Эти различия и позволяют специалистам интерпретировать погребения в сосудах в рамках отдельных «культур», «ареалов» или «традиций».

В качестве материала для погребальных урн чаще всего использовалась керамика, есть единичные (в силу разрушительной для органики кислотности тропических почв) случаи нахождения деревянных контейнеров. Как самостоятельное направление этой традиции следует рассматривать изготовление каменных сосудов – от небольших (высотой до 30–35 см) до «мегалитических» высотой до двух метров и весом в несколько тонн («Долина Бада» на острове Сулавеси, «Долина погребальных сосудов» в Лаосе и т. д.).

У погребений в сосудах вообще существует явная связь с мегалитами, на это обращали внимание еще археологи середины XX в. Так, Х. ван Геекерен писал: «...Интересно отметить, что урны чаще всего были найдены вблизи мегалитов, и идея о том, что эти два культурных элемента могут быть связаны друг с другом представляется резонной...» [35, р. 80]. Эта связь проявляется и в другой форме – на целом ряде памятников в островной части Юго-Восточной Азии (например, комплекс Магсухот на о. Негрос, Филиппины) рядом с погребальными урнами встречены отдельные крупные блоки известняка или базальта.

Не менее интригующую перспективу представляет разработка сюжета об антропоморфных погребальных сосудах или антропоморфных элементах в орнаментике или украшении сосудов, которая прослеживается от прибрежных районов Юго-Восточного Китая до Океании. Это может быть связано как с весьма древними мифологическими образами австронезийского пласта, так и с проявлениями оригинальных локальных погребальных практик и ритуалов (например, на Филиппинах). Исключительно интересным, на наш взгляд, является и обращение к максимально широкому кругу аналогий в пределах тихоокеанского бассейна – это и погребения в культурах неолита – бронзового века в прибрежной части Вьетнама, и многочисленные данные о погребениях в сосудах в среднем и позднем дзёмоне Японского архипелага, и свидетельства ритуальной практики в Меланезии и Полинезии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисюткин Н.К., Тимофеев В.И. Каменные изделия из пещеры Тхамкуэн на севере Вьетнама // Археологические вести. 2004. № 11. С. 13–21.
2. Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.-Л.: Наука, 1966.
3. Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
4. Деревянко А.П., Шу Н.Х., Цыбанков А.А., Дой Н.З. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016.
5. Иванова Д.А., Попов А.Н., Табарев А.В. Вторичные погребения в глиняных сосудах в культуре дзёмон на территории Северной Японии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Вып. 12. № 5. С. 146–156.
6. Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979.
7. Табарев А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 2. С. 54–57.
8. Табарев А.В., Патрушева А.Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1. С. 165–179.

9. Aziz, F.A., 2012. Archaeology-demography studies at Gilimanuk site (Bali). In: Sedyawati, E. and Ardika, I.W. eds., 2012. Recent studies in Indonesian archaeology. Delhi: B.R. Publishing Corporation, pp. 17–48.
10. Barker, G. and Richards, M., 2013. Foraging-farming transitions in island Southeast Asia. *Journal of Archaeological Method and Theory*, Vol. 20, no. 2, pp. 256–280.
11. Bedford, S., Spriggs, M., Regenvanu, R., Macgregor, C., Kuautonga, T. and Sietz, M., 2007. The excavation, conservation and reconstruction of Lapita burial pots from the Teouma Site, Efate, Central Vanuatu. *Terra Australis*, Vol. 26, pp. 223–240.
12. Bellwood, P., 1997. Prehistory of the Indo-Malaysian archipelago. Honolulu: University of Hawaii Press.
13. Bellwood, P., 2017. First islanders: prehistory and human migration in island Southeast Asia. Victoria: Wiley-Blackwell.
14. Beyer, H.O., 1947. Outline review of Philippine Archaeology by islands and provinces. Manila: Bureau of Printing.
15. Bintarti, D.D., 2000. More on urn burials in Indonesia. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 19, pp. 73–77.
16. Bulbeck, D., 2017. Traditions of jars as mortuary containers in the Indo-Malaysian archipelago. *Terra Australis*, Vol. 45, pp. 141–164.
17. Cuevas, N. and de Leon, A., 2008. Archaeological investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines. *Hukay*, Vol. 13, pp. 1–24.
18. Faylona, M.G., 2003. The Dipnay Supuan jar burials in Batanes. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 1, no. 1/2, pp. 119–129.
19. Fox, R.B., 1970. The Tabon Caves: archaeological explorations and excavations on Palawan Island, Philippines. Manila: National Museum of the Philippines.
20. Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York: Springer-Verlag, 2017.
21. Harisson, T., 1974. Early «jar burials» in Borneo and elsewhere. *Asian Perspectives*, Vol. 17, no. 2, pp. 141–144.
22. Galipaud, J.-C., Kinaston, R., Halcrow, S., Foster, A., Harris, N., Simanjuntak, T., Javelle, J. and Buckley, H., 2016. The Pain Haka burial ground on Flores: Indonesian evidence for a shared Neolithic belief system in Southeast Asia. *Antiquity*, Vol. 90, no. 354, pp. 1505–1521.
23. Kaneko, E.A., 1966. Review of Yayoi period burial practices. *Asian Perspectives*, Vol. 9, pp. 1–26.
24. Lam, T.M.D., 2009. Sa Huynh regional and inter-regional interactions in the Thu Bon Valley, Quang Nam Province, Central Vietnam. *Bulletin of Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 29, pp. 68–75.
25. Malcolm, H., 1839. Travels in South-Eastern Asia: embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China; with notices of numerous missionary stations, and a full account of the Burman empire. Boston: Gould, Kendall and Lincoln.
26. Ono, R. et al., 2017. The development of pottery making traditions and maritime networks during the Early Metal Age in Northern Maluku Islands. *AMERTA*, Vol. 35, no. 2, pp. 109–122.
27. Solheim, W.G., 1951. Archaeological fieldwork in San Narciso, Tayabas. *University of Manila Journal of East Asiatic Studies*, Vol. 1, no. 1, pp. 72–76.
28. Solheim, W.G., 1957. The Kalanay pottery complex in the Philippines. *Artibus Asiae*, Vol. 20, no. 4, pp. 279–288.
29. Solheim, W.G., 1964. Further relationships of the Sa-Huynh-Kalanay pottery tradition. *Asian Perspectives*, Vol. 8, no. 1, pp. 196–211.
30. Solheim, W.G., 1970. Prehistoric archaeology in eastern mainland Southeast Asia and the Philippines. *Asian Perspectives*, Vol. 13, pp. 47–58.
31. Stamps, R., 1980. Jar burials from the Lobusbussan site, Orchid (Botel Tobago) Island. *Asian Perspectives*, Vol. 23, no. 2, pp. 181–192.
32. Tenazas, R.C.P., 1974. A progress report on the Magsuhot excavations in Bacong, Negros Oriental, summer 1974. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 2, no. 3, pp. 133–155.
33. Valentin, F., Bedford, S., Buckley, H. and Spriggs, M., 2010. Lapita burial practices: evidence for complex body and bone treatment at the Teouma cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific. *Journal of Island and Coastal Archaeology*, Vol. 5, no. 2, pp. 212–235.
34. Valentin, F., Choi, J.-I., Lin, H., Bedford, S. and Spriggs, M., 2015. Three-thousand-year-old jar-burials at the Teouma cemetery (Vanuatu): a Southeast Asian–Lapita connection? In: Sand, C., Chiu, S. and Hogg, N. eds., 2015. The Lapita cultural complex in time and space: expansion routes, chronologies and typologies. Noumea: Institut d’archeologie de la Nouvelle-Caledonie et du Pacifique, pp. 81–101.
35. Van Heekeren, H.R., 1958. The Bronze-Iron Age of Indonesia. The Hague: M. Nijhoff.

RERERENCES

1. Anisyutkin, N.K. and Timofeev, V.I., 2004. Kamennye izdeliya iz peshchery Tkhamkuen na severe V’etnama [Stone artifacts from Thamkuen

- cave in Northern Vietnam], *Arkheologicheskie vesti*, no. 11, pp. 13–21. (in Russ.)
2. Boriskovskii, P.I., 1966. *Pervobytnoe proshloe V'etnama* [The prehistory of Vietnam]. Moskva-Leningrad: Nauka. (in Russ.)
 3. Boriskovskii, P.I., 1971. *Drevnii kamennyi vek Yuzhnoi i Yugo-Vostochnoi Azii* [Old Stone Age of Southern and Southeast Asia]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
 4. Derevyanko, A.P., Shu, N.Kh., Tsybankov, A.A. and Doi, N.Z., 2016. *Vozniknovenie bifasial'noi industrii v Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii* [The origin of bifacial industry in Eastern and Southeast Asia]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (in Russ.)
 5. Ivanova, D.A., Popov, A.N. and Tabarev, A.V., 2013. *Vtorichnye pogrebeniya v glinyanykh sosudakh v kul'ture dzyomon na territorii Severnoi Yaponii* [Secondary burials in clay vessels in Jomon culture, Northern Japan], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, Vol. 12, no. 5, pp. 146–156. (in Russ.)
 6. Levtonova, Yu.O., 1979. *Istoriya Filippin. Kratkii ocherk* [History of the Philippines: a short overview]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
 7. Tabarev, A.V., Ivanova, D.A. and Patrusheva, A.E., 2017. *Drevnie kul'tury Filippinskogo arkipelaga: klyuchevye syuzhety i problematika issledovaniia* [Ancient cultures of the Philippine archipelago: key research topics and issues], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, pp. 54–57. (in Russ.)
 8. Tabarev, A.V. and Patrusheva, A.E., 2018. *Neolit ostrovnoi chasti Yugo-Vostochnoi Azii: osobennosti, gipotezy, diskussii* [The Neolithic of the island Southeast Asia: peculiarities, hypothesis, and discussions], *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniia*, no. 1, pp. 165–179. (in Russ.)
 9. Aziz, F.A., 2012. *Archaeology-demography studies at Gilimanuk site (Bali)*. In: Sedyawati, E. and Ardika, I.W. eds., 2012. *Recent studies in Indonesian archaeology*. Delhi: B.R. Publishing Corporation, pp. 17–48.
 10. Barker, G. and Richards, M., 2013. *Foraging-farming transitions in island Southeast Asia*. *Journal of Archaeological Method and Theory*, Vol. 20, no. 2, pp. 256–280.
 11. Bedford, S., Spriggs, M., Regenvanu, R., Macgregor, C., Kuautonga, T. and Sietz, M., 2007. *The excavation, conservation and reconstruction of Lapita burial pots from the Teouma Site, Efate, Central Vanuatu*. *Terra Australis*, Vol. 26, pp. 223–240.
 12. Bellwood, P., 1997. *Prehistory of the Indo-Malaysian archipelago*. Honolulu: University of Hawaii Press.
 13. Bellwood, P., 2017. *First islanders: prehistory and human migration in island Southeast Asia*. Victoria: Wiley-Blackwell.
 14. Beyer, H.O., 1947. *Outline review of Philippine Archaeology by islands and provinces*. Manila: Bureau of Printing.
 15. Bintarti, D.D., 2000. *More on urn burials in Indonesia*. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 19, pp. 73–77.
 16. Bulbeck, D., 2017. *Traditions of jars as mortuary containers in the Indo-Malaysian archipelago*. *Terra Australis*, Vol. 45, pp. 141–164.
 17. Cuevas, N. and de Leon, A., 2008. *Archaeological investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines*. *Hukay*, Vol. 13, pp. 1–24.
 18. Faylona, M.G., 2003. *The Dipnay Supuan jar burials in Batanes*. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 1, no. 1/2, pp. 119–129.
 19. Fox, R.B., 1970. *The Tabon Caves: archaeological explorations and excavations on Palawan Island, Philippines*. Manila: National Museum of the Philippines.
 20. *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York: Springer-Verlag, 2017.
 21. Harrison, T., 1974. *Early «jar burials» in Borneo and elsewhere*. *Asian Perspectives*, Vol. 17, no. 2, pp. 141–144.
 22. Galipaud, J.-C., Kinaston, R., Halcrow, S., Foster, A., Harris, N., Simanjuntak, T., Javelle, J. and Buckley, H., 2016. *The Pain Haka burial ground on Flores: Indonesian evidence for a shared Neolithic belief system in Southeast Asia*. *Antiquity*, Vol. 90, no. 354, pp. 1505–1521.
 23. Kaneko, E.A., 1966. *Review of Yayoi period burial practices*. *Asian Perspectives*, Vol. 9, pp. 1–26.
 24. Lam, T.M.D., 2009. *Sa Huynh regional and inter-regional interactions in the Thu Bon Valley, Quang Nam Province, Central Vietnam*. *Bulletin of Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 29, pp. 68–75.
 25. Malcolm, H., 1839. *Travels in South-Eastern Asia: embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China; with notices of numerous missionary stations, and a full account of the Burman empire*. Boston: Gould, Kendall and Lincoln.
 26. Ono, R. et al., 2017. *The development of pottery making traditions and maritime networks during the Early Metal Age in Northern Maluku Islands*. *AMERTA*, Vol. 35, no. 2, pp. 109–122.

27. Solheim, W.G., 1951. Archaeological fieldwork in San Narciso, Tayabas. University of Manila Journal of East Asiatic Studies, Vol. 1, no. 1, pp. 72–76.
28. Solheim, W.G., 1957. The Kalanay pottery complex in the Philippines. *Artibus Asiae*, Vol. 20, no. 4, pp. 279–288.
29. Solheim, W.G., 1964. Further relationships of the Sa-Huynh-Kalanay pottery tradition. *Asian Perspectives*, Vol. 8, no. 1, pp. 196–211.
30. Solheim, W.G., 1970. Prehistoric archaeology in eastern mainland Southeast Asia and the Philippines. *Asian Perspectives*, Vol. 13, pp. 47–58.
31. Stamps, R., 1980. Jar burials from the Lobusbussan site, Orchid (Botel Tobago) Island. *Asian Perspectives*, Vol. 23, no. 2, pp. 181–192.
32. Tenazas, R.C.P., 1974. A progress report on the Magsuhot excavations in Bacong, Negros Oriental, summer 1974. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 2, no. 3, pp. 133–155.
33. Valentin, F., Bedford, S., Buckley, H. and Spriggs, M., 2010. Lapita burial practices: evidence for complex body and bone treatment at the Teouma cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific. *Journal of Island and Coastal Archaeology*, Vol. 5, no. 2, pp. 212–235.
34. Valentin, F., Choi, J.-I., Lin, H., Bedford, S. and Spriggs, M., 2015. Three-thousand-year-old jar-burials at the Teouma cemetery (Vanuatu): a Southeast Asian–Lapita connection? In: Sand, C., Chiu, S. and Hogg, N. eds., 2015. *The Lapita cultural complex in time and space: expansion routes, chronologies and typologies*. Noumea: Institut d’archéologie de la Nouvelle-Calédonie et du Pacifique, pp. 81–101.
35. Van Heekeren, H.R., 1958. *The Bronze-Iron Age of Indonesia*. The Hague: M. Nijhoff.

Д.А. Иванова*

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ДЗЁ:МОНА НА ОСТРОВЕ ХОНСЮ**

В статье представлены данные о внешних и внутренних факторах, повлиявших на увеличение числа поселений раннего дзё:мона на территории острова Хонсю. При характеристике внешних факторов автор уделяет внимание изменениям климата и разнообразию растительных источников пищи. Благоприятные условия, сложившиеся в результате этих перемен, привели к увеличению населения и необходимости создания новой системы организации жилого и ритуального пространства. Важный атрибут материальной культуры эпохи дзё:мон – многообразие стилей керамики – отмечен исключительно в контексте временной и территориальной принадлежности археологических памятников.

Ключевые слова: Японский архипелаг, о. Хонсю, ранний дзё:мон, климатические изменения, раковинные кучи, поселения

The influence of external and internal factors on the early Jōmon settlements of Honshu Island. DARYA A. IVANOVA (Far Eastern Federal University)

The article explores external and internal factors that influenced the increase in the number of settlements during the Early Jōmon period on Honshu Island. Characterizing external factors, the author pays attention to climate change and diversity of plant food sources. Favorable conditions resulting from these changes have led to an increase in Jōmon population and the need to create a new system for organizing residential and ritual space. Such an important attribute of the Jōmon material culture as the diversity of pottery styles is noted only in connection with the dating and location of particular archaeological sites.

Keywords: Japanese archipelago, Honshu Island, Early Jōmon, climate change, shell midden, settlement

На протяжении последних десятилетий обсуждением различных аспектов жизни древнего населения на территории Японского архипелага во времена эпохи дзё:мон активно занимаются как японские специалисты, так и их коллеги из других стран – американские,

канадские, новозеландские, австралийские, европейские, российские. Написано и опубликовано множество статей и книг, посвященных проблемам социальной организации общества, классификации и систематизации керамического и орудийного комплексов, погребальной

* ИВАНОВА Дарья Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, старший преподаватель Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: ivanova.dale@dvfu.ru

© Иванова Д.А., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект №19-18-00003.

практике и ритуальной атрибутике, украшениям и средствам гендерной дифференциации, реконструкции диеты и вариантов адаптаций. В частности, за последние пять-десять лет коллективом авторов из г. Новосибирска раскрыты особенности материальной культуры эпохи в целом и отдельных ее этапов, среди которых акцент делался, прежде всего, на период среднего дзё:мона (5,3–4,4 тыс. кал. л.н.) [23, р. 438; 4, с. 9–10]. Средний дзё:мон всегда привлекал интерес научного сообщества, поскольку это важнейший этап, определивший характер всей эпохи. Это время наивысшего расцвета материальной культуры, который проявился в обилии памятников и разнообразии объектов, в количестве стилей керамики и вариаций декоративных элементов, информативности и диверсификации археологического материала. Тем не менее, значимые изменения, явившиеся толчком к формированию «цивилизации» и оказавшие серьезное влияние на мировоззрение людей эпохи дзё:мон, формируются на протяжении предшествующего этапа – раннего дзё:мона.

В данной работе, опирающейся на итоги многолетних исследований японских археологов и данные археологических отчетов, предлагается характеристика внешних и внутренних факторов, которые повлияли на создание новой систем организации жилого и ритуального пространства. В качестве внешних причин нами выбраны климатические изменения (потепление и похолодание), колебания уровня мирового океана и изменение береговой линии, а также разнообразие продовольственных ресурсов и вариативность адаптаций. Важным фактором внутренних изменений стал рост населения и необходимость расширения территории поселения с последующим строительством новых объектов жилого, общественного и ритуального назначения. В силу того, что объем имеющейся на сегодняшний день информации велик, мы решили начать с описания климатических изменений и их последствий, основываясь на данных климатических и палеоботанических исследований и, собственно, на материалах самих памятников. Сведения о росте населения представлены в работе С. Коямы с использованием статистических данных о количестве памятников и жилищ. Анализ метаморфоз, происходивших внутри поселений раннего дзё:мона, проведен на базе отчетов и археологических коллекций по регионам Тохоку, Канто и Тюбу. Рассмотрение археологических материалов характеризуется

динамикой (принцип историзма) и гибкостью (принцип альтернативности), а также стремлением опираться в первую очередь на систему разнообразных фактов, изложенных в специальной научной литературе (принцип объективности и достоверности). Важную роль в нашем исследовании играет сопоставление и сравнение комплексов раннего и среднего дзё:мона.

Ранний дзё:мон датируется в интервале 7–5,3 тыс. кал. л.н. [23, р. 438]. Изменения, которые начинают происходить в это время, связаны с улучшением природно-климатических условий, вызванных «климатическим оптимумом» (ок. 7–4 тыс. л.н.) – самым теплым этапом постледникового времени. Если совместить временную шкалу «климатического оптимума» с периодизацией эпохи дзё:мон, то на территории о. Хонсю он совпадет с периодами раннего и среднего дзё:мона. На протяжении этого времени северная часть острова (регион Тохоку) была покрыта лесами с преобладанием теплолюбивых лиственных пород, среди которых бук (*Fagus*), дуб (*Quercus*), вяз (*Ulmus*), дзельква (*Zelkova*), липа (*Tilia*), орех (*Juglans*), береза (*Betula*), ольха (*Alnus*). Для центральной части характерны вечнозеленые широколиственные леса (бук, вечнозеленый дуб (*Cyclobalanopsis*), каштан (*Castanopsis*), орех, дзельква, вяз, ольха). На юге и юго-западе острова получили распространение вечнозеленые субтропические леса, состоящие из дуба, камелии (*Camellia*), криптомерии (*Cryptomeria japonica*), дзельквы, вяза, каштана, тсуги (*Tsuga*) и пихты (*Abie*) [23, р. 203–205; 19, р.70–72]. Расширение широколиственных умеренных лесов в северной и центральной части острова и улучшение качества почвы в постледниковый период способствовали росту количества съедобных орехов и клубней. Находки пыльцы, карбонизированных семян, костей животных и птиц в заполнениях котлованов жилищ, хозяйственных ям, раковинных кучах и на стенках горшков (нагар) позволили японским специалистам реконструировать палеодиету дзё:монского населения и составить представление о флоре и фауне. Наиболее детальные данные о диете представлены по материалам раковинных куч, внутри которых найдены остатки 345 видов моллюсков, 71 вида рыб, 35 видов птиц, 70 видов млекопитающих и более 60 видов растений, в том числе культурных [20, р. 24; 18, р. 105].

Глобальные климатические изменения рубежа плейстоцена-голоцена оказали существен-

ное влияние на уровень океана. Хотя изостатические изменения в разных частях Японского архипелага отличались локальной динамикой, большинство исследователей согласны с тем, что уровень океана достиг своего максимума в течение климатического оптимума и пришелся на временной отрезок 6,5–6 тыс. л.н. [4, с. 55]. Данный феномен получил название атлантическая или дзё:монская трансгрессия. По общим подсчетам, уровень океана в разных частях архипелага был выше современного на 2–6 метров [16, р. 45].

В интервале 12 – 6,5–6 тыс. л.н. начался интенсивный подъем уровня океана (от – 80 м до +3 м от современного). Данный процесс совпал с периодом начального дзё:мона (11,5–7 тыс. кал. л.н.) [21, р. 438], ко времени которого относятся первые свидетельства использования в пищу морских моллюсков и формирование раковинных куч. Многие низменные районы в данный временной промежуток представляли собой расчлененное побережье с множеством ингрессионных заливов и бухт. На территории равнин Хатинохе (залив Хатинохе, преф. Аомори), Сэндай (залив Мацусима, преф. Мияги), Канто (Токийский залив и оз. Касумигаура, преф. Сайтама, Тиба, Токио, Канагава), Уцуми (залив Микава, преф. Айти) были открыты раковинные кучи начального, раннего, среднего, позднего (4,4–3,3 тыс. кал. л.н.) и финального дзё:мона (3,3–2,8 тыс. кал. л.н.). Более 80% памятников со скоплением раковин локализованы вдоль побережья Тихого океана. В прибрежных районах Японского моря (преф. Аомори, Акита, Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуй) памятники данной категории встречаются реже. Подавляющее большинство раковинных куч было обнаружено на расстоянии до 50–70 км вглубь суши от современной береговой линии [4, с. 55; 17; 21, р. 438].

В целом на территории Японского архипелага зафиксировано более 2 410 памятников с раковинными кучами, относящимися к эпохе дзё:мон. Примерно 60% расположено на территории региона Канто (1361 ед.), свыше 400 комплексов известно по материалам региона Тохоку, и более 120 памятников характерно для региона Тюбу [17, с. 28]. Именно в этих трех районах ранним и средним дзё:моном датировано наибольшее количество поселений с мощным слоем раковин. Основными промысловыми видами моллюсков были тихоокеанская устрица (*Crassostrea gigas*), меретрикс (*Meretrix lusoria*),

рапана (*Rapana venosa*), петушок (*Ruditapes philippinarum*), анадара (*Anadara subcrenata*), корбикула (*Corbicula japonica*), пафия (*Paphia undulate*). Устрицы и моллюски вида анадара преобладают на раковинных кучах начального и раннего дзё:мона, а меретрикс, рапана и пафия встречаются в большом количестве начиная со среднего периода [4, с. 66–67].

Если говорить об отдельных районах, то по данным региона Тохоку ранним дзё:моном датировано более 130 раковинных куч. Также отмечается резкий рост числа жилищных конструкций (до 880 ед.) и поселений (86 ед.) по сравнению с начальным периодом, для которого выделено около 54 раковинных куч, 38 поселений и примерно 172 жилищных котлована. В среднем дзё:моне их количество увеличивается в несколько раз и достигает 2 503 жилищных котлованов, 239 поселений и 129 раковинных куч. В позднем и финальном дзё:моне на территории региона Тохоку наблюдается постепенный спад роста количества обозначенных объектов [17, р. 22].

В западной части Токийского залива во второй половине раннего дзё:мона отмечается резкий рост числа крупных поселений с небольшими раковинными кучами. Однако уже на рубеже раннего и среднего дзё:мона для всей территории Канто характерен период деградации, который отразился в уменьшении числа памятников. Причиной культурного упадка стало похолодание в конце атлантической фазы голоцена и падение уровня моря на 6–7 м. Этот поворотный момент в древней истории обитателей архипелага получил название «среднедзё:монская малая регрессия» или «регрессия кэмигава» и соотносится с интервалом 4,7–4,3 тыс. л.н. В результате произошел отток дзё:монского населения от прибрежных районов вглубь острова (северо-западная часть Канто и Тюбу) [10; 8, с. 143]. Последующий расцвет комплексов с раковинными кучами приходится на периоды среднего (145 ед.) и позднего (160 ед.) дзё:мона [17, р. 22]. По данным Кимио Сузуки, моллюски были одним из наиболее важных и стабильных источников животного белка для позднедзё:монских обитателей побережья. Проанализировав данные по раковинной куче Исараго (поздний дзё:мон, г. Токио), исследователь предположил, что максимальная суточная норма калорий получаемых из моллюсков, составляла около 133,5 ккал, то есть примерно 7–9% от средней дневной нормы [16, р. 73–74]

Среди небольшого количества памятников региона Тюбу наибольший интерес представляет раковинная куча Торихама (пос. Вакаса, преф. Фукуй), датируемая изначально – ранним дзё:моном (12,6–5,6 тыс. кал. л.н.). Памятник открыт в 1962 г., а в период с 1975 по 1986 гг. на нем были проведены масштабные археологические работы. Размеры раковинной кучи – 60×100 м, толщина слоя варьируется от 3 до 7 метров. Большая часть комплекса оказалась затоплена из-за расположения на берегу оз. Миката. Во время раскопок 1975 г. на площади в 184 м² обнаружено массивное скопление органических материалов, среди которых макроботанические остатки более 20 видов растений (перилла (*Perilla frutescens* var. *japonica*), бутылочная тыква (*Lagenaria* sp.), каштан (*Castanea crenata*)), кости млекопитающих, раковины речных и морских моллюсков, кости рыб, фрагменты керамики и каменные орудия, лакированные и текстильные изделия, копролиты. Находки флоры и фауны, зафиксированные внутри раковинной кучи, имели важное научное значение и легли в основу реконструкции палеоэкологической ситуации эпохи дзё:мон. В 1981 г. было найдено каноэ, вырезанное из половины ствола криптомерии (общая длина 6 м, ширина 63 см, толщина 3,5–4 см). В настоящее время каноэ из раковинной кучи Торихама является самым ранним экземпляром на территории Японского архипелага [23, р. 89; 16, р. 236; 17, р. 23].

В целом раннедзё:монские раковинные кучи отличаются небольшими размерами. В рамках среднего и позднего периода их площадь начинает постепенно увеличиваться. Скопления ракушек обычно располагались в земляных ямах или в покинутых жилищах внутри либо вокруг поселения. Размер и толщина слоя раковин напрямую зависели от количества жилищных структур. На многих памятниках участки с раковинами использовались в погребальных целях. Во времена позднего и финального дзё:мона раковинные кучи были маркерами объектов специального назначения – ритуальных комплексов [15] или производственных площадок по добыче соли [16, р. 231–233]. Некоторые из них достигают более 100 м в диаметре и имеют округлую или подковообразную форму. Наиболее ярким примером монументального сооружения, созданного из отработанных раковин, является раковинная куча Касори, расположенная в г. Тиба одноименной префектуры. Общая площадь памятника составляет более 13,4 га, а

высота слоя раковин достигает 18 м. Комплекс представлен двумя объектами – северной кучей Кита Касори в форме кольца (диаметром 130 м, средний дзё:мон) и южной кучей Минами Касори в форме полукольца (диаметром более 170 м, поздний дзё:мон) [15; 16, р. 73].

Собирательство наземных растений и их плодов, наряду с эксплуатацией морских ресурсов, является одной из важнейших характеристик дзё:монской продовольственной экономики. Неотъемлемой структурной единицей поселений эпохи дзё:мон были земляные хранилища (хозяйственные ямы) глубиной до 1,5–2 м, вмещающие сотни килограммов орехов. Самый ранний прецедент использования ям для хранения припасов известен по материалам памятника Хигаси Куроцутида (г. Сибуси, преф. Кагосима, о. Кюсю), который датируется 13,4 тыс. кал. л.н., что соответствует периоду изначального дзё:мона [7]. В хозяйственной яме диаметром 40 см и глубиной 25 см был найден большой запас желудей семейства *Quercus serrata* (дуб пильчатый, или конара).

На протяжении эпохи дзё:мон использовались хозяйственные ямы нескольких типов. В настоящее время выделяют два основных варианта: сухие (dry-type) и влажные (wet-type). Ямы сухого типа преобладают в северной и центральной Японии. Они располагались на возвышенных террасах в хорошо дренированных отложениях илистого суглинка, внутри и вокруг поселений. Их создавали главным образом для хранения японского каштана (*Castanea crenata*), грецкого ореха (*Juglans seiboldiana*) и конского каштана (*Aesculus turbinata*). Среди сухих ям для хранения припасов распространение получили ямы, форма которых в разрезе напоминает колокол (bell-shaped) или флягу (flask-shaped). Ямы влажного типа появляются в заболоченных районах западной части архипелага в непосредственной близости к ручьям и источникам вдали от жилой зоны. Благодаря хорошей сохранности органики в таких ямах фиксируются не только орехи и желуди (семейства *Quercus gilva* и *Quercus glauca*), но и изделия из растительных материалов (плетеные корзины) [22, р. 293–294]. Существует мнение, что ямы влажного типа сооружались специально для вымывания ядовитой дубильной кислоты из желудей путем замачивания их в воде. Эта теория имеет этнографическое подтверждение. Кроме того, внутри некоторых ям встречаются фрагменты деревянных контейнеров, которые могли

применяться для этих целей. В частности, фрагменты деревянной емкости обнаружены в яме № 56 на памятнике Курибаяси (средний – поздний дзё:мон, г. Накано, преф. Нагано). Другие специалисты полагают, что влажные ямы использовались для предотвращения прорастания орехов и желудей [16, р. 64–70].

Наряду с изложенными способами использования земляных хранилищ в конце раннего – первой половине среднего дзё:мона в регионе Тохоку появляется новый вид погребальной практики – *тэньё:бо*, при котором умершего хоронили в хозяйственной яме в разрезе, имеющей форму колокола или фляги. К раннему этапу относится захоронение на памятнике Фуруясики (пос. Ситинохе, преф. Аомори), средним периодом датированы единичные и коллективные погребения на комплексах Саннай Маруяма (г. Аомори, преф. Аомори) и Уэно (пос. Итинохэ, преф. Иватэ) [4, с. 160–161].

Постепенное увеличение количества земляных ям для хранения припасов начинается во второй половине раннего дзё:мона и достигает своего пика во времена среднего дзё:мона. Если говорить о территориальной принадлежности, то расширение объема (в среднем около 2 м³) и увеличение числа ям для хранения припасов характерно в рамках региона от южных районов о. Хоккайдо и до северной части Канто. Крупные кластеры, включающие более 100 ям, известны по материалам поселений Икэнай (г. Одатэ, преф. Акита), Сугисавадай (г. Носиро, преф. Акита) и Хатанай (г. Хатинохе, преф. Аомори). В западной части архипелага памятники с масштабными скоплениями хозяйственных ям встречаются реже. В этой части Японии лучше всего исследована раковинная куча Собата (г. Уто, преф. Кумамото, о. Кюсю), на территории которой раскопано 62 ямы овальной формы диаметром 90–140 см и глубиной 20–65 см [22, р. 299].

Важным внутренним фактором, который оказал существенное влияние на эволюцию поселений раннего периода, стал демографический рост, связанный с благоприятными условиями климатического оптимума. Оседлый образ жизни, теплый климат, изменения растительности и доступность широкого спектра продовольственных ресурсов способствовали высокой рождаемости. Во второй половине XX в. в японской научной среде появляется серия работ, посвященных вычислению плотности дзё:монского населения. Широкою известность, особенно

среди англоязычных специалистов, получила работа Сюдзо Коямы «Образ жизни и население эпохи дзё:мон» [20, р. 52–54]. В качестве источников информации С. Кояма использовал данные о количестве и местоположении памятников эпохи дзё:мон в каждой префектуре, сведения о численности памятников в префектурах региона Канто с периода Кофун по период Хэйан (250–1150 гг., период Хадзи) и базу данных о населении региона Канто в VIII в. В результате сопоставления имеющихся сведений автор предположил, что численность населения в отдельно взятый период эпохи дзё:мон могла быть следующей: начальный дзё:мон – 20 100 чел.; ранний дзё:мон – 105 500 чел.; средний дзё:мон – 261 300 чел.; поздний дзё:мон – 160 300 чел.; финальный дзё:мон – 75 800 чел. Общая плотность населения в среднем дзё:моне составляла 0,89 чел/км², а в районах с наибольшим числом памятников (Канто и Тюбу) – 2,89 и 2,40 чел/км² соответственно. Самыми густонаселенными регионами были северная и центральная часть о. Хонсю (Тохоку, Канто и Тюбу), покрытые широколиственными лесами. С другой стороны, юго-западные районы архипелага (Кинки, Тюгоку, о-ва Сикоку и Кюсю) были заселены менее плотно [16, р. 46–49]. Во многом это связано с недостаточной степенью изученности западных территорий. Кроме того, в научных кругах существует мнение, что немногочисленность дзё:монских поселений в юго-западной части Хонсю была вызвана негативными факторами окружающей среды в результате извержения подводного вулкана Кикай (7,3 тыс. кал. л.н., преф. Кагосима, о. Кюсю) и произрастанием вечнозеленых субтропических лесов, которые были менее благоприятны для проживания [4, с. 57–58, 69; 8, с. 146–147]. Однако, принимая во внимание данные о плотности населения, предложенные С. Коямой, следует учитывать, что на момент написания работы (1978 г.) общее число памятников эпохи дзё:мон достигало 27 996. По данным на 2013 г., на территории Японского архипелага раскопано и изучено более 90 530 памятников эпохи дзё:мон, из которых 81,5% находятся на территории о. Хонсю [3, с. 27].

В 1960 и 1964 гг. вышли работы Тёсукэ Сэридавы и Сугао Яманути, в которых была дана общая оценка дзё:монского населения. По мнению Т. Сэридавы, на территории о. Хонсю проживало 75 тыс. человек, в то время как общая численность населения на территории ар-

хипелага достигала 120 тыс. человек. В основу концепции С. Яманути легли исследования коренного населения Калифорнии, проведенные американским антропологом Мартином Баумхоффом. Сравнив площадь Калифорнии с площадью Японии, С. Яманути предположил, что численность населения в эпоху дзё:мон была аналогична коренному населению Калифорнии и варьировалась в пределах 150–250 тыс. человек [16, р. 46–49].

Вышеизложенные обстоятельства явились предпосылкой к инновационным изменениям организации жилого, общественного и ритуального пространства аборигенов Японского архипелага. Дальнейшее изложение будет посвящено непосредственно характеристике поселений и их внутреннего урегулирования, основанной на данных археологических исследований.

Ранний дзё:мон стал переходным периодом, когда начался процесс изменения численности и размеров поселений. Как и во времена среднего дзё:мона, комплексы раннего периода встречаются практически на всей территории о. Хонсю (Рис. 1). Если говорить о количестве и размерах памятников (поселений, могильников, ритуальных комплексов), разнообразии археологических объектов и обилии артефактов, особенностях керамического производства и формировании крупных стилистических зон (Энто:, Дайги, Мороисо, Дзю:санбодай), важное территориальное значение отводится регионам Тохоку, Канто и Тюбу.

В конце начального – начале раннего дзё:мона наблюдается тенденция к поэтапному увеличению площади поселений, которые чаще всего располагаются на поверхности крупных террас. Среднее число жилищных структур на памятниках начального дзё:мона региона Тохоку достигало в среднем 8–10 объектов. Самым крупным поселением этого времени считается памятник Усигасава № 4 (г. Хатинохе, преф. Аомори), в состав которого входят 22 котлована. На протяжении первой половины раннего дзё:мона среднее количество жилищ внутри поселений варьируется от 30 до 60 единиц.

Начиная с середины раннего периода в составе поселений появляются новые структуры – крупные жилища и свайные конструкции (*хоттатэбасира татэмоно*) на четырех и шести опорных столбах. Постепенно изменяется форма и размер жилищ. Наряду с круглыми и овальными котлованами на многих памятниках

фиксируются жилища квадратной и прямоугольной формы. Размеры котлованов разделяются на маленькие (около 4 м), средние (около 4–6 м), большие (*о:гата дзю:кё*, более 10 м) и жилища «исключительно крупных размеров» (*тё:о:гата дзю:кё*, более 20 м). На памятнике Савада I (пос. Ямада, преф. Иватэ) раскопано шесть котлованов типа *о:гата дзю:кё* овальной формы и 66 средних котлованов квадратной формы. Размеры самого крупного достигают 20 м в длину, при этом котлован имеет прямоугольную форму. В заполнении жилища найдена керамика стиля Дайги 2 (фазы «а» и «б»), что соответствует первой половине – середине раннего дзё:мона [12, с. 57].

На протяжении второй половины раннего и среднего дзё:мона на территории от региона Тохоку до района Хокурику широкое распространение получают жилища «исключительно крупных размеров», или *тё:о:гата дзю:кё*. В регионе Тохоку известно 33 памятника, в составе которых зафиксированы жилища данного типа, всего около 90 объектов. Для жилищ типа *тё:о:гата дзю:кё* характерен котлован прямоугольной с закругленными углами или овальной формы. Самые крупные объекты известны по материалам трех памятников: Итиносака (43,5×4 м, ранний дзё:мон, г. Йонедзава, преф. Ямагата), Сугисавадай (31×8 м, ранний дзё:мон) и Саннай Маруяма (32×10 м, ранний – средний дзё:мон) (Рис. 2: а, в). Чаще всего подобные строения ассоциируют с местами (домами) общего пользования или резиденцией вождя [16, р. 119]. В случае с памятником Итиносака общее количество артефактов, обнаруженное в заполнении котлована площадью 550 м², составило 2 042 405 единицы, в том числе 11 129 фрагментов керамики стиля Камикавана (ранняя фаза), 1 539 каменных орудий, более 15 тыс. пластин и свыше 2 млн. отщепов. Вероятно, данный объект использовался в качестве производственной мастерской. Помимо жилища типа *тё:о:гата дзю:кё* на памятнике Итиносака общей площадью 13,5 тыс. м², было раскопано 24 жилищных котлована квадратной формы, девять из которых расположены в линию друг за другом, т.н. «непрерывные дома» (*рэнбо:-гата татэана дзю:кё*) общей протяженностью 49 м, шириной около 3,5 м (Рис. 2: б, г), 7 грунтовых могил, 4 скопления камней, большое количество столбовых ямок и очажных ям. Общее число артефактов составило более 2,2 млн. единиц [5].

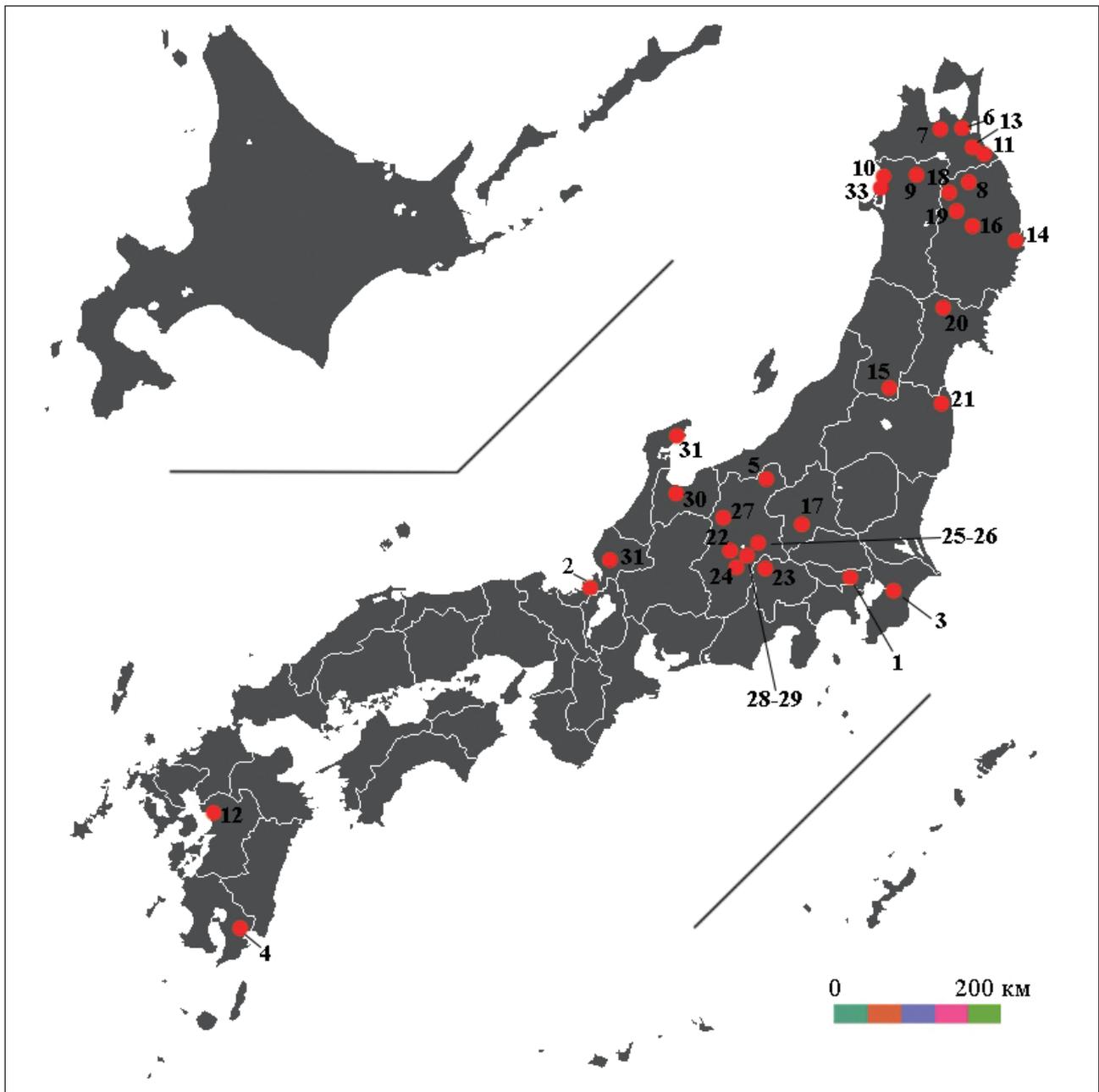

Рис. 1. Карта расположения памятников, упомянутых в статье:

1. Раковинная куча Исараго (г. Токио); 2. Раковинная куча Торихама (пос. Вакаса, преф. Фукуй);
3. Раковинная куча Касори (г. Тиба, преф. Тиба); 4. Хигаси Куроцутида (г. Сибуси, преф. Кагосима, о. Кюсю);
5. Курибаяси (г. Накано, преф. Нагано); 6. Фуруясики (пос. Ситинохе, преф. Аомори);
7. Саннай Маруяма (г. Аомори, преф. Аомори); 8. Уэно (пос. Итинохе, преф. Иватэ);
9. Икэнай (г. Одатэ, преф. Акита); 10. Сугисавадай (г. Носиро, преф. Акита);
11. Хаганай (г. Хатинохе, преф. Аомори); 12. Раковинная куча Собата (г. Уто, преф. Кумамото, о. Кюсю);
13. Усигасава № 4 (г. Хагинохе, преф. Аомори); 14. Савада I (пос. Ямада, преф. Иватэ);
15. Итиносака (г. Йонедзава, преф. Ямагата); 16. Нисида (пос. Сива, преф. Иватэ);
17. Наканоя Мацубара (г. Аннака, преф. Гумма); 18. Тё:дзя Ясики (г. Хатимантай, преф. Иватэ);
19. Камиягита № 1 (г. Мориока, преф. Иватэ); 20. Раковинная куча Какура (г. Курихара, преф. Мияги);
21. Даннохара «В» (г. Сома, преф. Фукусима); 22. Ягути (г. Сиодзири, преф. Нагано);
23. Тэндзин (г. Хокуто, преф. Яманаси); 24. Накакоси (пос. Мияда, преф. Нагано);
25. Акю: (пос. Хара, преф. Нагано), 26. Акю:дзири (пос. Хара, преф. Нагано);
27. Ваппара (г. Омати, преф. Нагано); 28. Сакадайра (пос. Фудзими, преф. Нагано);
29. Дзю:ниноки (г. Сува, преф. Нагано); 30. Раковинная куча Одакэ (г. Тояма, преф. Тояма);
31. Маваки (пос. Ното, преф. Исикава); 32. Кувано (пос. Канадзу, преф. Фукуй);
33. Уэнояма (г. Носиро, преф. Акита)

В середине – второй половине раннего дзёмона наблюдается формирование базовой системы внутреннего урегулирования дзёмонских поселений – концентрической структуры (*кандзё:сю:раку*) с центральной площадью, небольшими скоплениями камней и грунтовыми могилами, со следами свайных конструкций и жилищами, расположенными вокруг, хозяйственными ямами, очагами под открытым небом и мусорными кучами (Рис. 3). Эталонным поселением концентрической формы является памятник Нисида (пос. Сива, преф. Иватэ) (Рис. 3: в). Формирование поселения началось в конце раннего дзёмона (Дайги 6), однако подавляющее большинство археологических объектов датировано первой половиной – серединой среднего дзёмона (Дайги 7–8). Внутреннее урегулирование поселения представлено четырьмя концентрическими кругами общим диаметром 120 м. Первый или внутренний круг диаметром 30 м включает 192 грунто-

товые могилы. Второй круг диаметром 35–60 м состоит из 53 свайных конструкций (1 450 столбовых ям), а третий и четвертый круги сформированы из 34 жилищных котлованов и примерно 129 хозяйственных ям [4, с. 87].

Типичным примером поселения середины раннего дзёмона является многослойный памятник Хатанай (Рис. 3: а). Внутри памятника локализовано две зоны – «А» и «В». Зона «А» – поселение концентрического типа, в структуре которого четко выделяется центральная площадь, жилища, хозяйственные ямы и мусорные кучи. Зона «В» локализована в 100 м южнее и включает мусорные кучи, хозяйственные ямы и остатки 10 жилых строений. Общее число жилищ, обнаруженных внутри зоны «А», составляет 120 котлованов, семь из которых относятся к жилищам типа *о:гата дзю:кё*. Подавляющее большинство находок внутри объектов представлено керамикой стиля Нижний Энто: (фазы «а»–

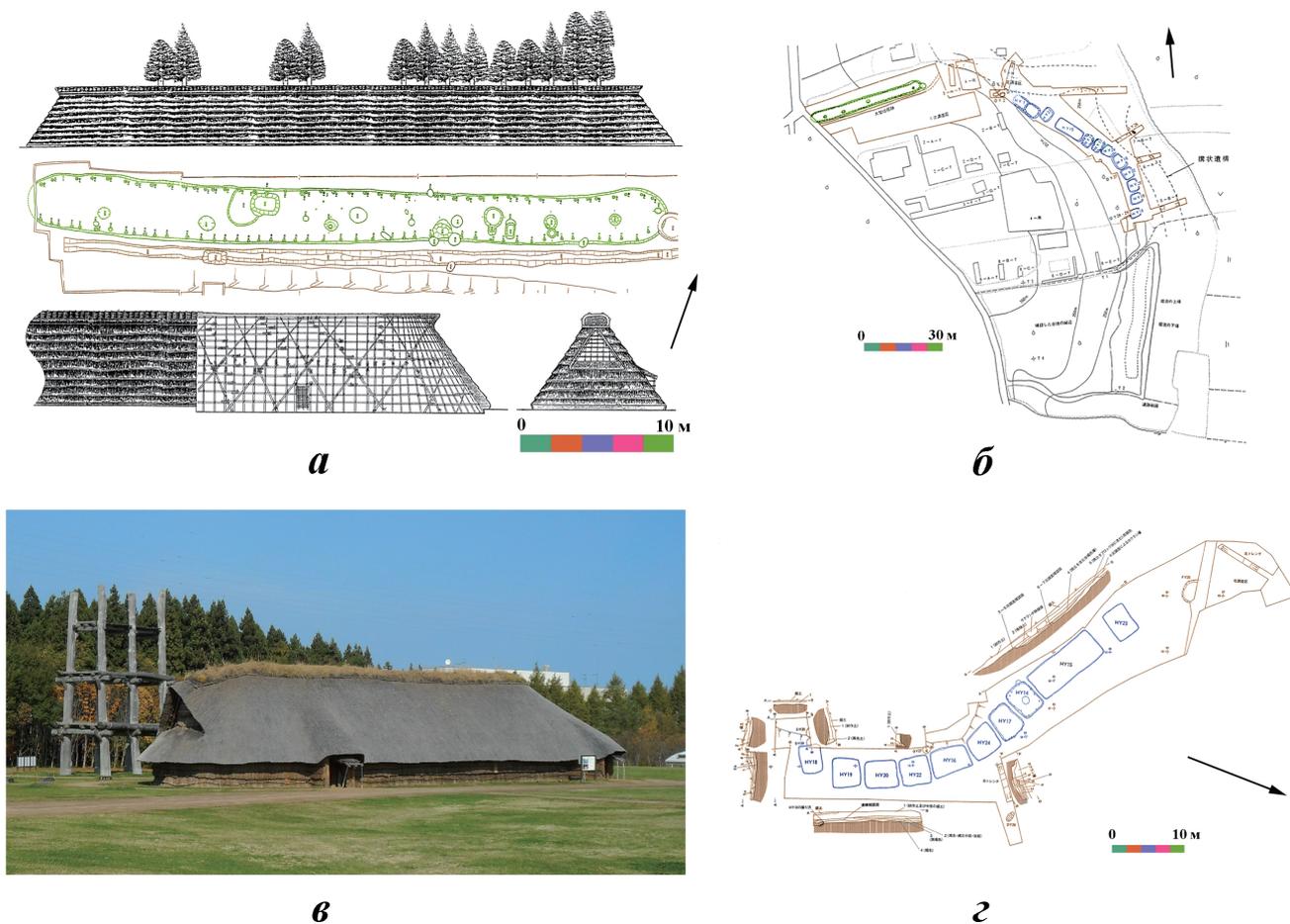

Рис. 2. Жилища «исключительно крупных размеров» (*тё:о:гата дзю:кё*) [5]:

- а. памятник Итиносака, план жилища типа *тё:о:гата дзю:кё*;
- б. памятник Итиносака, общий план расположения объектов;
- в. памятник Саннай Маруяма, реконструкция жилища типа *тё:о:гата дзю:кё* (фото автора);
- г. памятник Итиносака, план расположения жилищ типа *рэнбо:-гата татэана дзю:кё*

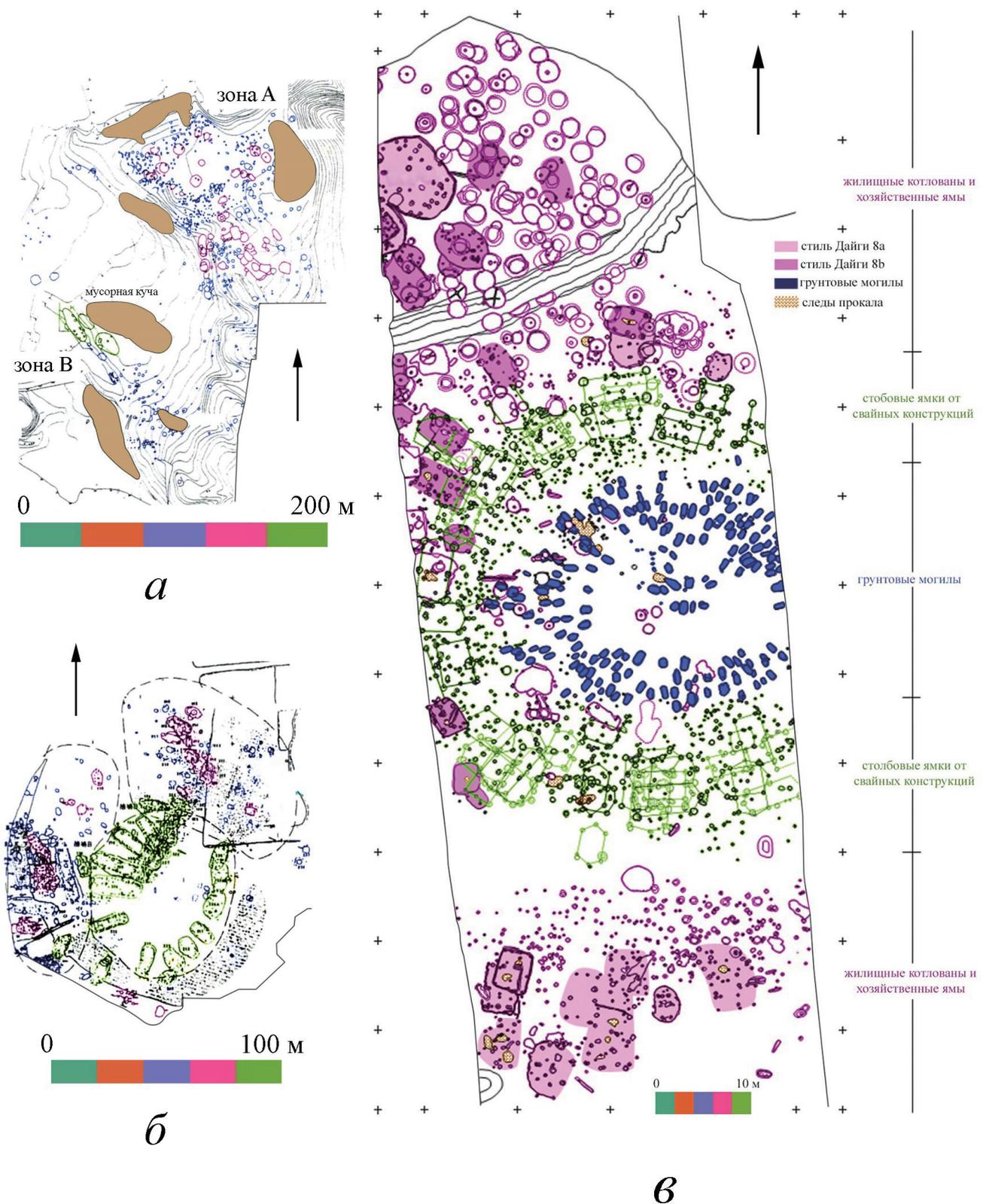

Рис. 3. Поселения концентрической формы раннего и среднего дзэ:мона [12]:
 а. структура поселения Хатанай (ранний дзэ:мон, преф. Аомори);
 б. структура поселения Уэнояма (ранний дзэ:мон, преф. Акита);
 в. структура поселения Нисида (средний дзэ:мон, преф. Иватэ)

«d»), реже встречаются фрагменты ранней фазы стиля Верхний Энто:. Помимо котлованов, на территории памятника раскопано 573 хозяйственные ямы, из которых 384 имеют в разрезе форму колокола. Остальные ассоциируются с грунтовыми могилами. Также на памятнике обнаружено 66 закопанных сосудов, которые также связывают с погребальной практикой (захоронения детей). Согласно стилистическим данным, три сосуда относятся к фазе «а» Нижнего Энто:, шесть – к фазе «b», четыре – к фазе «с» и 38 горшков представлены фазами «d-1» и «d-2». Таким образом, памятник Хатанай объединяет в себе два кластера. Первый представляет собой жилую зону с обилием жилищ, хозяйственных ям, грунтовых могил и мусорных куч, расположенных вокруг центральной площади. Второй участок предположительно выполнял функцию «рабочей» зоны. В его состав входят жилища типа *о:гата дзю:кё*, несколько десятков хозяйственных ям и три мусорных кучи [11, с. 9; 12, с. 57].

Хотя во второй половине раннего дзё:мона наблюдается резкий рост количества жилых котлованов и, соответственно, увеличение размеров поселений, лишь на десятке памятников о. Хонсю число жилищ доходит до сотни единиц либо превышает эту цифру. Для сравнения количество полуземлянок на масштабных поселенческих комплексах среднего дзё:мона варьируется от 500–700 (Саннай Маруяма) до 1 500 (Окада, преф. Канагава) объектов [4, с. 78–83, 85, 112]. К числу крупных поселений раннего дзё:мона региона Тохоку можно отнести такие памятники, как Наканоя Мацубара (239 жилищ, г. Аннака, преф. Гумма), Тё:дзя Ясики (160 жилищ, г. Хатимантай, преф. Иватэ), Камиягита № 1 (134 жилища, г. Мориока, преф. Иватэ), Хатанай (120 жилищ), раковинная куча Какура (119 жилищ, г. Курихара, преф. Мияги), Даннохара «В» (102 жилища, г. Сома, преф. Фукусима) [6, с. 16; 12, с. 58–61; 13, с. 103] (Рис. 1).

На территории региона Тюбу в начале – первой половине раннего дзё:мона начинают формироваться памятники с усиливающейся погребальной спецификой и имеющие ритуальный характер. К этому времени относится памятник Ягути (г. Сиодзири, преф. Нагано) – поселение концентрического типа (диаметр 30 м), в центре которого расположены продолговатые грунтовые могилы (143 ямы), окруженные 16 полуземлянками.

Концентрические поселения с могильником в центре преобладают во второй половине

раннего дзё:мона и становятся доминирующей структурой среднего периода эпохи дзё:мон. Ярким примером является памятник Тэндзин (г. Хокуто, преф. Яманаси), который состоит из трех участков: зоны «А» и «В» (средний дзё:мон, стили Горё:гадай и Сори), а также зона «С» (ранний – средний дзё:мон, стили Мороисо фазы «b»–«с» и Горё:гадай). Поселение зоны «С» имеет концентрическую структуру диаметром 150 м, в центре расположен крупный могильник из 480 грунтовых могил. В 10 случаях могилы дополнены скоплением камней, а в заполнении одной из них была найдена большая нефритовая подвеска. Ко второй половине раннего дзё:мона отнесено 49 жилищ (круглой и овальной формы, размеры 4×5 м), расположенных вокруг могильника [13].

К числу крупных поселений и ритуальных комплексов раннего дзё:мона региона Тюбу принято относить следующие памятники: Накакоси (пос. Мияда, преф. Нагано); Ваппара (г. Омати, преф. Нагано); Акю: и Акю:дзири (пос. Хара, преф. Нагано); Сакадайра (пос. Фудзими, преф. Нагано); Дзю:ниноки (г. Сува, преф. Нагано); Тэндзин (преф. Яманаси); раковинную кучу Одакэ (г. Тояма, преф. Тояма); Маваки (пос. Ното, преф. Исекава); раковинную кучу Торихама (преф. Фукуй); Кувано (пос. Канадзу, преф. Фукуй) и др. [9, с. 146–147]. Самыми известными ритуальными комплексами данного региона являются памятники Ваппара, Акю:, Акю:дзири, Одакэ и Маваки (Рис. 4). На первых трех обнаружены одни из ранних «каменных кругов» с обилием артефактов и различными типами археологических объектов [15, с. 46–47]. Уникальность раковинной кучи Одакэ заключается в находке 91 костяка хорошей сохранности и разнообразных изделий и украшений из органики, что является редкостью в связи с высокой кислотностью почв. Памятник Маваки – многослойный комплекс, существовавший на протяжении раннего – финального дзё:мона (5,2–2,4 тыс. л.н.). Концом раннего – началом среднего дзё:мона датировано небольшое поселение с крупным захоронением костей дельфинов (ок. 300 особей) и деревянным тотемом дельфина (длина 2,5 м). Расцвет памятника приходится на финальный период эпохи дзё:мон, когда были построены две масштабные деревянные конструкции.

Рассмотрев влияние внешних и внутренних факторов на развитие новых систем внутреннего регулирования поселений, можно сделать

следующие выводы об исследуемом нами периоде. Во-первых, на протяжении раннего дзёмона происходят важные изменения в материальной культуре древних обитателей Японского архипелага. Описанные благоприятные условия окружающей среды оказали серьезное влияние на улучшение жизни дзёмонского населения, развитие разнообразных промыслов, адаптивных стратегий и технологий на протяжении раннего и среднего дзёмона. Следует отметить, что наряду с позитивным эффектом внутри островного мира отмечаются негативные

факторы, связанные с вулканическим происхождением архипелага. Безусловно, неблагоприятные условия окружающей среды неоднократно приводили к драматическим изменениям экологии и ландшафта. Тем не менее многочисленные исследования пепловых отложений в различных частях Японского архипелага и их сопоставление с археологическими данными свидетельствуют о поступательной динамике в развитии материальной культуры эпохи дзёмон [14]. Во-вторых, увеличение числа поселений и жилищных структур, наблюдаемое

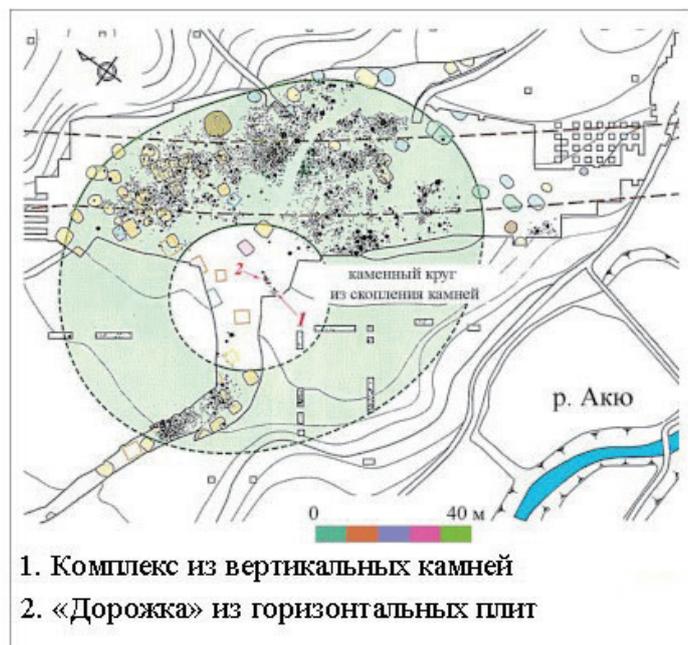
а

б

в

г

д

Рис. 4. Ритуальные комплексы раннего дзёмона региона Тюбу [1, с. 334; 2, с. 17–18, 205, 242]):

- а. памятник Ваппара, каменные круги;
- б. памятник Акю:дзири, зона «А»;
- в. памятник Акю:дзири, свайная конструкция № 7;
- г. памятник Акю:, расположение археологически объектов;
- д. памятник Акю:дзири, расположение археологических объектов

практически на всей территории о. Хонсю, стало ответной реакцией на улучшение качества жизни и рост населения. На протяжении изначального и начального периодов сооружаются стоянки, которые имеют сезонный характер, в то время как для раннего дзё:мона характерно строительство крупных поселений с круглогодичным проживанием. Объединение большого числа людей внутри одного поселения приводит к формированию новых структур, которые применялись в соответствии с нуждами отдельных групп. Внутри поселений появляются места общего пользования, производственные площадки, ритуальные и погребальные комплексы, жилые зоны, места для хранения припасов, а также крупные раковинные кучи. В начале – первой половине раннего дзё:мона на большинстве памятников наблюдается хаотичное размещение жилых и хозяйственных объектов. В середине – второй половине раннего периода создается четкая система внутреннего урегулирования – концентрическая структура (*кандзё: сю:раку*) с центральной площадью, грунтовыми могилами, остатками свайных конструкций, жилищами, расположенными вокруг, хозяйственными ямами, очагами под открытым небом и мусорными кучами. Наивысшего расцвета концентрический тип достигает в среднем дзё:моне, когда в основе этой системы лежит строгое деление объектов на зоны (круги), как в случае с памятником Нисида.

Все еще много вопросов вызывают памятники западной части о. Хонсю. В отличие от восточных и центральных регионов острова, особенности развития культурной традиции эпохи дзё:мон региона Кинки (Кансай) не до конца исследованы и являются дискуссионными. Если во времена культур яёй и кофун территория западной Японии занимает центральное место в становлении и развитии японской культуры, то в эпоху дзё:мон это, скорее, периферия. Возможно, в ближайшем будущем появятся новые находки и исследования, которые помогут найти ответы на эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акю: исэки хаккуцу тё:са гай-хо: Нагано-кэн Сува-гун Хара-мура (Общий обзор раскопок на памятнике Акю: пос. Хара, уезд Сува, преф. Нагано). Нагано: Дансай инсацу кабусики сякай, 1978.

2. Акю:дзири исэки: Кэнъэй Канадзава Ко:гё:данти кэнсэцу ни томонау дзо:сэй ко:дзи и какура майдзо: бункадзай кэнкю: хаккуцу тё:-

са хо:коку-сё (Отчет об аварийно-спасательных раскопках на памятнике Акю:дзири, в связи со строительством префектурального промышленного парка Канадзава). Тино: Хо:дзуки сёсэки кабусики сякай, 1993.

3. Бунка-тё: бункадзай-бу кинэнмоно-ка. Майдзо: бункадзай канкэй то:кэй сирё: Хэнсэй 24-нэндо-бан (Отдел по охране культурных ценностей Агентства по делам культуры. Статистические данные по археологии за 2012 г.). Токио: Бунка-тё, 2013.

4. Иванова Д.А. Средний дзё:мон острова Хонсю (5–4 тыс. л.н.): общие характеристики и локальные особенности: дисс... кан. ист. н. Новосибирск, 2019.

5. Итиносака исэки хаккуцу тё:са хо:коку-сё (Отчет о проведении археологических работ на памятнике Итиносака) // Ёнэдзава-си майдзо: бункадзай тё:са хо:коку-сё. Вып. 53. Ёнедзава: Ёнэдзава-си кё:ику иинкай, 1996.

6. Какура кайдзука (Раковинная куча Какура) // Мияги-кэн майдзо: бункадзай тё:са хо:коку-сё. Вып. 192. Сэндай: Мияги-кэн кё:ику иинкай, 2003.

7. Кудо Юитиро, Хигаси Кадзуюки. Кагосима-кэн Хигаси-Куроцутида исэки-кара сэцудо:сита дзё:мон дзидай сайко-но тёдзо:кэцу (Самые древние ямы для хранения припасов эпохи дзё:мон, раскопанные на памятнике Хигаси-Куроцутида, префектура Кагосима) // Сёкусэй-си кэнкю. 2011. Т. 18. № 2. С. 43–44.

8. Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: ТГИ ДВО РАН, 2005.

9. Кусихара Коити. Хокурику-то Тюбу тихо:-но дзё:мон сю:раку то сэкай-кан (Мир и поселения эпохи дзё:мон районов Тюбу и Хокурику) // Дзё:мон сю:раку-но таё:сэй I: Сю:раку-но хэнсэй то тиики-сэй. Ч. 1. Токио: Ю:дзангаку, 2009. С. 147–184.

10. Мацусима Ёсиаки, Хироко Койкэ. Сидзэн кай-со-ни ёру наиван-но кайкё: фукугэн то дзё:мон дзидай-но исэки (Памятники эпохи дзё:мон и реконструкция прибрежной среды на основе анализа слоя раковин) // Кайдзука. 1979. № 22. С. 1–9.

11. Сакамото Маюми. Аомори-кэн ни окэру дзё:мон дзидай дзэнки но докимайсэцу ико: (Погребальные урны раннего дзё:мона на территории преф. Аомори) // Кэнкю: киё: Аомори-кэн майдзо: бункадзай тё:са сэнта:. 2005. № 10. С. 1–14.

12. Судзуки Кацухико. То:хоку тихо:-но дзё:-мон сю:раку-но сьякай сосики то сонраку (Деревня и социальная организация поселений эпохи дзё:мон района Тохоку) // Дзё:мон сю:раку-но таё:сэй I: Сю:раку-но хэнсэй то тиикисэй. Ч. 1. Токио: Ю:дзангаку, 2009. С. 51–94.

13. Судзуки Ясухиро. Канто: то То:кай тихо:-но дзё:мон сю:раку то дзё:мон сьякай (Общество и поселения эпохи дзё:мон районов Канто и Токай) // Дзё:мон сю:раку-но таё:сэй I: Сю:раку-но хэнсэй то тиикисэй. Ч. 1. Токио: Ю:дзангаку, 2009. С. 95–143.

14. Табарев А.В., Иванова Д.А. Реалии «Огненного кольца»: сейсмический фон культурной динамики на островах Японского архипелага // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. XXIII. С. 413–416.

15. Табарев А.В., Иванова Д.А., Нестерины А.Л., Соловьева Е.А. Дзёмонская традиция монументальных сооружений на Японском архипелаге: истоки, особенности, распространение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 4. С. 45–55.

16. Habu, J., 2004. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University Press.

17. Habu, J., Matsui, A., Yamamoto, N. and Kanno, T., 2011. Shell midden archaeology in Japan: aquatic food acquisition and long-term changes in the Jomon Culture. *Quaternary International*, Vol. 239, pp. 19–27.

18. Imamura, K., 1996. Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia. Honolulu: University of Hawaii Press.

19. Kitagawa, J., Kojima, H., Yoshida, T. and Yasuda, Y., 2018. Adaptations of the Early Jomon people in their settlement relocation to climate change around Lake Mikata, Central Japan. *Archaeological Research in Asia*, Vol. 16, pp. 66–77.

20. Koyama, S., 1978. Jomon subsistence and population. *Senri Ethnological Studies*, Vol. 1, no. 2, pp. 1–65.

21. Matsumoto, N., Habu, J. and Matsui, A., 2017. Subsistence, sedentism, and social complexity among Jomon hunter-gatherers of the Japanese archipelago. In: Habu, J., Lape, P.V. and Olsen, J.W. eds., 2017. *Handbook of East and Southeast Asian archaeology*. New York: Springer, pp. 437–450.

22. Sakaguchi, T., 2009. Storage adaptations among hunter-gatherers: a quantitative approach to the Jomon period. *Journal of Anthropological Archaeology*, Vol. 28, no. 3, pp. 290–303.

23. Yasuda, Y., 1978. Prehistoric environment in Japan. *Palynological approach*. Sendai: Institute of Geography, Faculty of Science Tohoku University.

REFERENCES

1. 阿久遺跡発掘調査概報: 長野県諏訪郡原村 [The excavation report of the Akū site: Hara Village, Suwa-gun, Nagano]. 長野市: 電算印刷株式会社, 1978. (in Japanese)

2. 阿久尻遺跡: 県営金沢工業団地建設に伴う造成工事に係る埋蔵文化財緊急発掘調査報告書 [Akūziri site: the excavation report related to the construction of the prefectural Kanazawa industrial park]. 茅野市: ほおずき書籍株式会社, 1993. (in Japanese)

3. 文化庁文化財部記念物課. 埋蔵文化財関係統計資料 — 平成24年度 [Japan cultural heritage department, memorial section. Archeology statistics for 2012 fiscal year]. 東京: 文化庁, 2013. (in Japanese)

4. Ivanova, D.A., 2019. Srednii dzyomon ostrova Khonsyu (5–4 tys. l.n.): obshchie kharakteristiki i lokal'nye osobennosti [The Middle Jōmon of Honshu Island (5000–4000 B.P.): general characteristics and local features], *dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk*. Novosibirsk. (in Russ.)

5. 一ノ坂遺跡発掘調査報告書 [Ichinosaka site archaeological report]. In: 米沢市埋蔵文化財調査報告書, Vol. 53. 米沢市: 米沢市教育委員会, 1996. (in Japanese)

6. 嘉倉貝塚 [Kakura shell-midden]. In: 宮城県文化財調査報告書, Vol. 192. 仙台市: 宮城県教育委員会, 2003. (in Japanese)

7. 工藤雄一郎, 東和幸, 2011. 鹿児島県東黒土田遺跡から出土した縄文時代最古の貯蔵穴 [The oldest acorn storage pit of the Jōmon period excavated at the Higashi-Kurotsuchida site, Kagoshima, Southern Kyushu], *植生史研究*, Vol. 18, no. 2, pp. 43–44. (in Japanese)

8. Kuz'min, Ya.V., 2005. Geokhronologiya i paleosreda pozdnego paleolita i neolita umerennogo poyasa Vostochnoi Azii [Geochronology and paleoenvironment of the temperate climate zone of East Asia in the late Paleolithic and Neolithic age]. Vladivostok: TGI DVO RAN. (in Russ)

9. 櫛原功一, 2009. 北陸・中部地方の縄文集落と世界観 [Jōmon villages and the world in Hokuriku and Chubu region]. In: 縄文集落の多様性: 集落の変遷と地域性. 東京: 雄山閣, pp. 147–184. (in Japanese)

10. 松島義章, 小池裕子, 1979. 自然貝層による内湾の海況復原と縄文時代の遺跡

[Reconstruction of the littoral environment using the results of natural shell deposit analysis, with special reference to the distribution of Jomon sites], 貝塚, no. 22, pp. 1–9. (in Japanese)

11. 坂本真弓, 2005. 青森県における縄文時代前期の土器埋設遺構 [Jar burials of the early Jōmon period in Aomori prefecture], 研究紀要 青森県埋蔵文化財調査センター, no. 10, pp. 1–14. (in Japanese)

12. 鈴木克彦, 2009. 東北地方の縄文集落の社会組織と村落 [Village and social organization of the Jōmon settlements in Tohoku region]. In: 縄文集落の多様性: 集落の変遷と地域性. 東京: 雄山閣, pp. 51–94. (in Japanese)

13. 鈴木保彦, 2009. 関東・東海地方の縄文集落と縄文社会 [The Jōmon villages and society in Kanto/Tokai region]. In: 縄文集落の多様性: 集落の変遷と地域性. 東京: 雄山閣, pp. 95–143. (in Japanese)

14. Tabarev, A.V. and Ivanova, D.A., 2017. Realii «Ognennogo kol'tsa»: seismicheskii fon kul'turnoi dinamiki na ostrovakh Yaponskogo arhipelaga [The realities of the «Ring of fire»: seismic background of cultural dynamics on the islands of the Japanese archipelago], Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, Vol. XXIII, pp. 413–416. (in Russ)

15. Tabarev, A.V., Ivanova, D.A., Nesterkina, A.L. and Solovyova, E.A., 2017. Dzyomonskaya traditsiya monumental'nykh sooruzhenii na Yaponskom arhipelage: istoki, osobennosti, rasprostranenie [The Jōmon megalithic tradition in Japan: origins, features, and distribution],

Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, Vol. 54, no. 4, pp. 45–55. (in Russ)

16. Habu, J., 2004. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University Press.

17. Habu, J., Matsui, A., Yamamoto, N. and Kanno, T., 2011. Shell midden archaeology in Japan: aquatic food acquisition and long-term changes in the Jomon Culture. Quaternary International, Vol. 239, pp. 19–27.

18. Imamura, K., 1996. Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia. Honolulu: University of Hawaii Press.

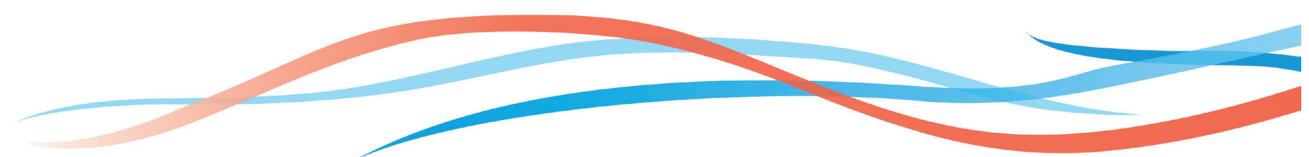
19. Kitagawa, J., Kojima, H., Yoshida, T. and Yasuda, Y., 2018. Adaptations of the Early Jomon people in their settlement relocation to climate change around Lake Mikata, Central Japan. Archaeological Research in Asia, Vol. 16, pp. 66–77.

20. Koyama, S., 1978. Jomon subsistence and population. Senri Ethnological Studies, Vol. 1, no. 2, pp. 1–65.

21. Matsumoto, N., Habu, J. and Matsui, A., 2017. Subsistence, sedentism, and social complexity among Jomon hunter-gatherers of the Japanese archipelago. In: Habu, J., Lape, P.V. and Olsen, J.W. eds., 2017. Handbook of East and Southeast Asian archaeology. New York: Springer, pp. 437–450.

22. Sakaguchi, T., 2009. Storage adaptations among hunter-gatherers: a quantitative approach to the Jomon period. Journal of Anthropological Archaeology, Vol. 28, no. 3, pp. 290–303.

23. Yasuda, Y., 1978. Prehistoric environment in Japan. Palynological approach. Sendai: Institute of Geography, Faculty of Science Tohoku University.

И.С. Гнездилова*

СНАРЯЖЕНИЕ ВОИНА ПЕРИОДА КОФУН (III–VII вв. н. э.)
ПО МАТЕРИАЛАМ НАХОДОК ХАНИВА
НА КУРГАНЕ ИМАСИРОДЗУКА (г. ТАКАЦУКИ, ПРЕФ. ОСАКА)

На материалах композиционной группы ханива из кургана Имасиродзука (г. Такацуки, преф. Осака) в статье рассматривается защитное снаряжение и оружие воина периода кофун. В ходе исследования проанализированы аналогичные находки на других памятниках Японского архипелага, а также находки на памятниках разных периодов эпохи кофун. Автор полагает, что набор вооружения воина, единый для всей территории распространения культуры кофун, в обязательном порядке включал доспехи, шлем и меч, а также щит и колчан со стрелами.

Ключевые слова: Японский архипелаг, ханива, период кофун, курган, снаряжение воина

The armor of Kofun period warrior (III–VII century AD) based on haniwa from Imashirozuka burial mound. IRINA S. GNEZDILOVA (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Basing on the materials of haniwa group from Imashirozuka burial mound (Takatsuki City, Osaka Prefecture), the article discusses protective equipment and weapons of a Kofun period warrior. The author analyzes similar items from other archeological sites of the Japanese archipelago, as well as from different periods of the Kofun era. It is believed that a typical Kofun warrior was equipped with an armor, a helmet and a sword, as well as a shield and a quiver with arrows.

Keywords: Japanese archipelago, haniwa, Kofun period, burial mound, warrior armor

Кофун Имасиродзука расположен в г. Такацуки, преф. Осака (Рис. 1). Он имеет квадратно-круглую форму, осевая линия кофуна направлена по линии северо-запад – юго-восток. Общая длина кофуна – 360 м, длина насыпи непосредственно кургана – 190 м, ширина основания квадратной части – 148 м, высота – 12 м, диаметр круглой части – около 100 м. Размеры насыпи и форма устройства позволяют относить данный кофун к «императорским». В месте

соединения квадратной и круглой частей с двух сторон созданы пристройки. Вокруг кофуна устроен ров, внешний периметр кургана окружен дамбой. Именно на внешней дамбе кофуна расположена групповая композиция из ханива [4, с. 22].

Курган исследовался на протяжении десяти лет, с 1997 по 2006 гг. Специфика проведения археологических раскопок больших квадратно-круглых кофун в Японии заключается в ис-

* ГНЕЗДИЛОВА Ирина Сергеевна, младший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: gnezdilova06@mail.ru

© Гнездилова И.С., 2019

пользование траншейного метода раскопок, когда на площади кургана прокладывают траншею или несколько траншей в различных направлениях. Как правило, для исследования выбираются ключевые места, такие как центральная часть круглой насыпи, где может находиться погребальная камера, а также территория пристроек и рва. В ходе исследований кургана Имасиродзука были определены устройство ступеней круглой насыпи, форма и размеры пристроек, месторасположение и форма погребальной камеры, каменного саркофага и погребальный инвентарь (Рис. 2). В случае с кофун Имасиродзука для исследования также была выбрана внешняя дамба с целью установления границ погребального комплекса. В результате удалось полностью исследовать место расположения и состав композиционной группы ханива.

Общее направление композиции – восток-запад. Длина площадки, на которой располагались ханива, – 65 м, ширина – около 10 м. На площад-

ке было установлено свыше 200 фигур. Современная реконструкция была создана на месте расположения ханива в древности (Рис. 3).

Композиция разделена на четыре участка, отделенных друг от друга ханива-забором; в центре забора между участками установлены ханива-ворота (Рис. 4). На первом участке располагались ханива в форме домов различной конфигурации, сосудов, зонтиков и птицы (курица). На территории второго также присутствовали ханива в форме домов и в форме птицы (курицы), а также были добавлены ханива-шаманки, доспехи и длинные мечи. Самый многочисленный третий участок включал ханива в форме домов, птиц (куриц), шаманок, животных, щитов, несколько ханива молодых мужчин, два ряда длинных мечей, ряд птиц (водоплавающих). Также в этой группе располагалась ханива, изображающая мужчину в короне. На территории четвертого участка помимо ханива-домов, птиц (водоплавающих и куриц) и

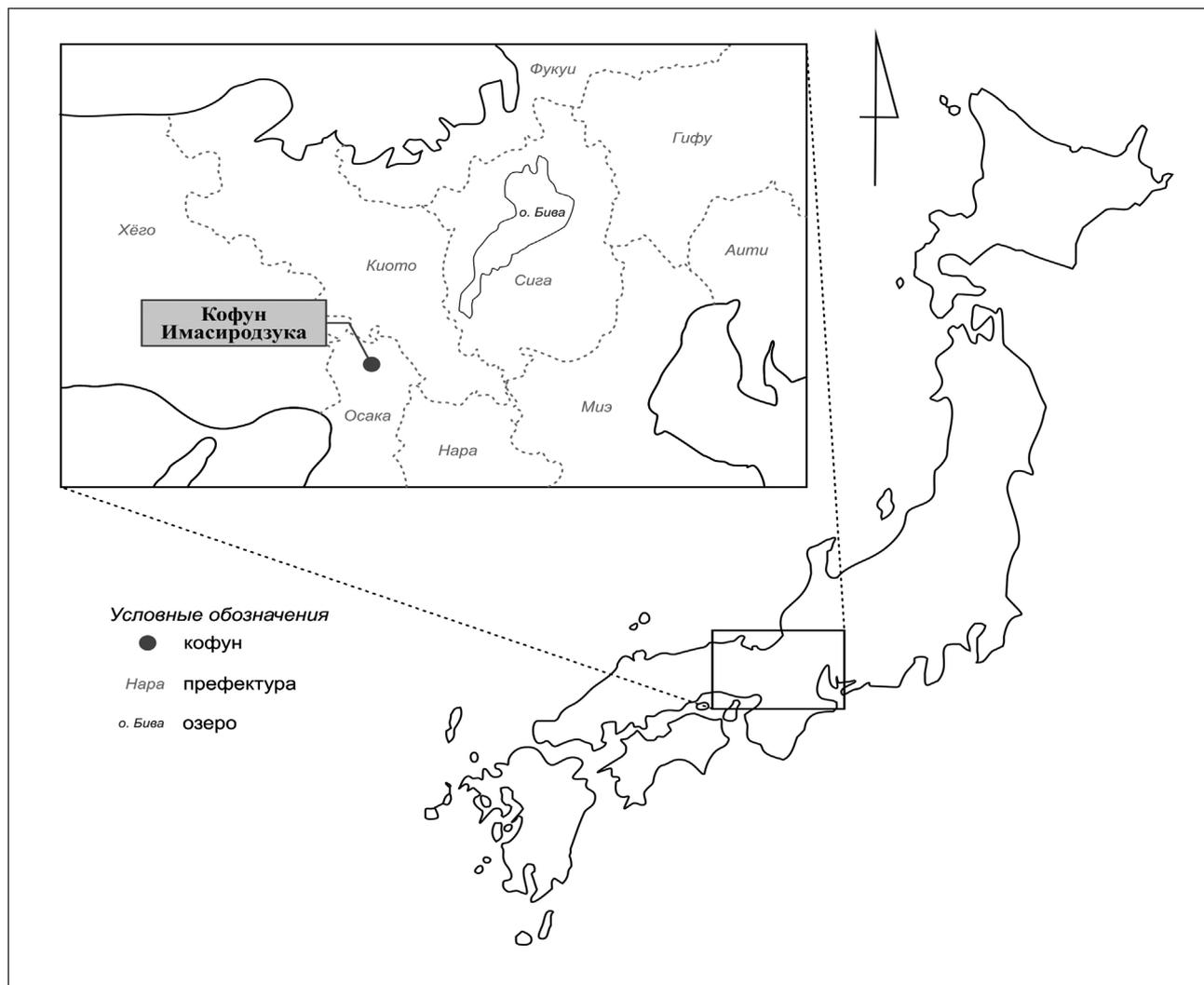

Рис. 1. Место расположения кургана Имасиродзука

щитов были установлены два ряда оседланных лошадей, пара неоседланных лошадей, пара быков. На этом же участке расположен ряд ханива-воинов, а также охотники с птицей и борцы сумо [4, с. 51].

Из представленных на последнем участке ханива-воинов наиболее полно сохранилась лишь одна фигура воина (Рис. 5). Высота ханива – 119 см. На сохранившихся фрагментах были обнаружены следы красителя [5, с. 13]. Нижняя часть и цилиндрическое основание не сохранилось, но, поскольку каждый тип ханива имеет свою специфику и свой способ крепления к цилиндрическому основанию, на основе находок других ханива-воинов можно предположить, что это были либо доспехи-накладки на ноги, либо изображение брюк с завязками ниже колена.

На основе способа оформления ханива можно предположить, что воин облачен в доспехи, которые включали несколько деталей. Веро-

ятно, сначала надевалась нижняя часть доспеха, сверху – вторая деталь, которая крепилась ремнями на плечах и закрывала верхнюю часть туловища. На поясе доспех крепился мягким поясом. Отдельно оформлена деталь, закрывающая шею и плечи. Кроме того, руки закрывают высокие «нарукавники» от середины ладони до локтя, перчатки закрывают только тыльную сторону ладони. На голову надевался шлем, сзади закрывающий шею, впереди оформленный небольшим козырьком. Верхняя часть шлема, судя по узору, изготавливалась из небольших треугольных пластин, которые скреплялись заклепками, в то время как для нижней части шлема использовались длинные пластины. Козырек оформлен выступающими зубцами. Воин стоит в позе с одной рукой, протянутой к мечу, другая рука держит меч. Меч от этой ханива сохранился лишь частично, поэтому предположение о том, что в руке должен быть длинный меч, сделано на основе находок отдельных

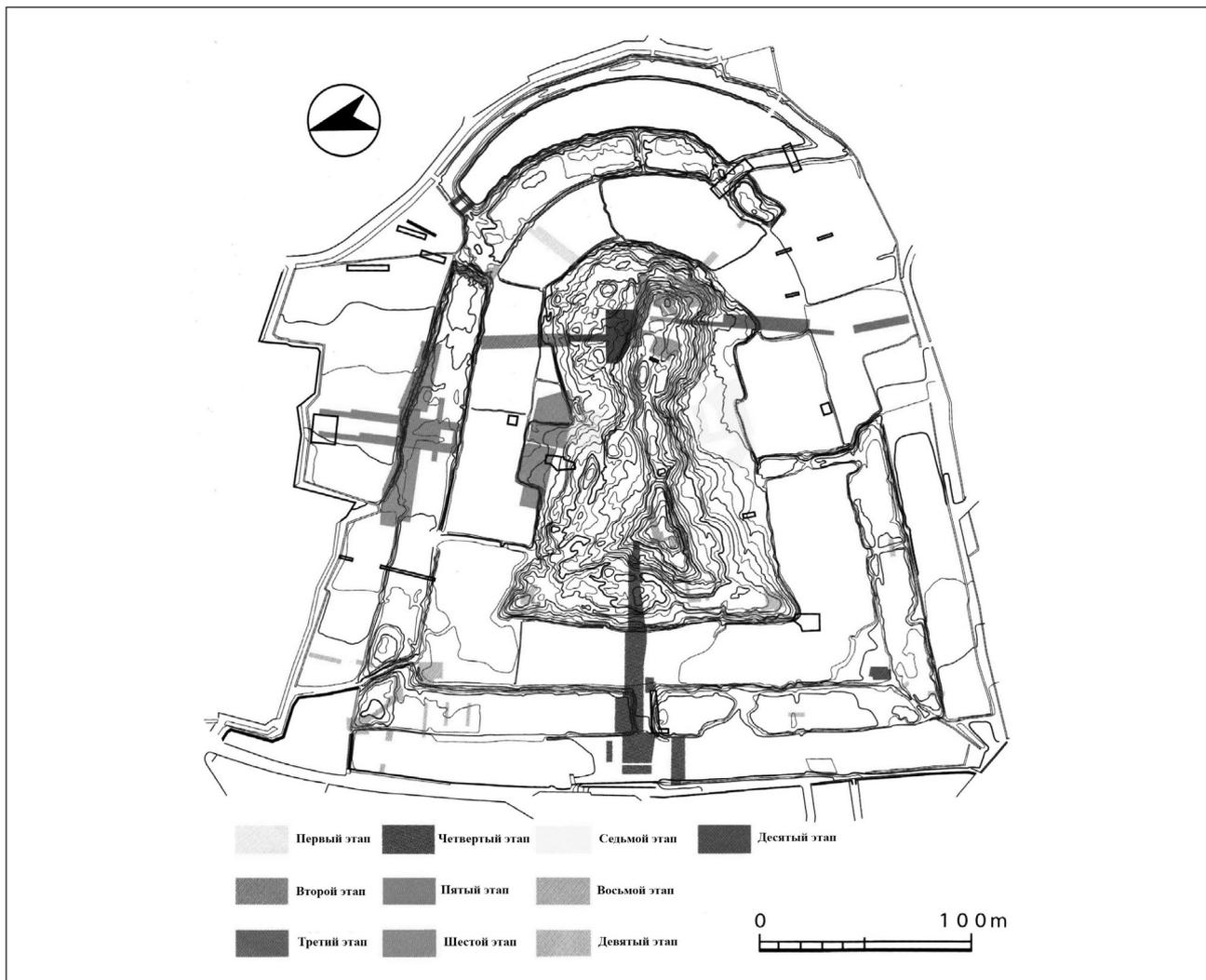

Рис. 2. Этапы исследования кургана Имасиродзука [1, с. 6]

ханива-мечей на этом кофуне. Вероятно, для транспортировки ханива сделаны отверстия по бокам фигуры.

Японские исследователи предполагают, что на фигуре воина прямоугольные участки изображают сами железные пластины доспеха, а тонкие полоски – кожаные ленты, которые скрепляли эти пластины [5, с. 15]. Реконструкция, создан-

ная японскими археологами, дает представление о том, как был устроен доспех. В настоящее время в Муниципальном историческом музее кофун Имасиродзука г. Такацуки представлено фото данной реконструкции (Рис. 6). Следует отметить, что, судя по ханива, у воина также присутствовали нарукавники, которые защищали предплечья и руки. При создании реконструкции

Рис. 3. Реконструкция композиционной группы ханива кофун Имасиродзука (фото автора)

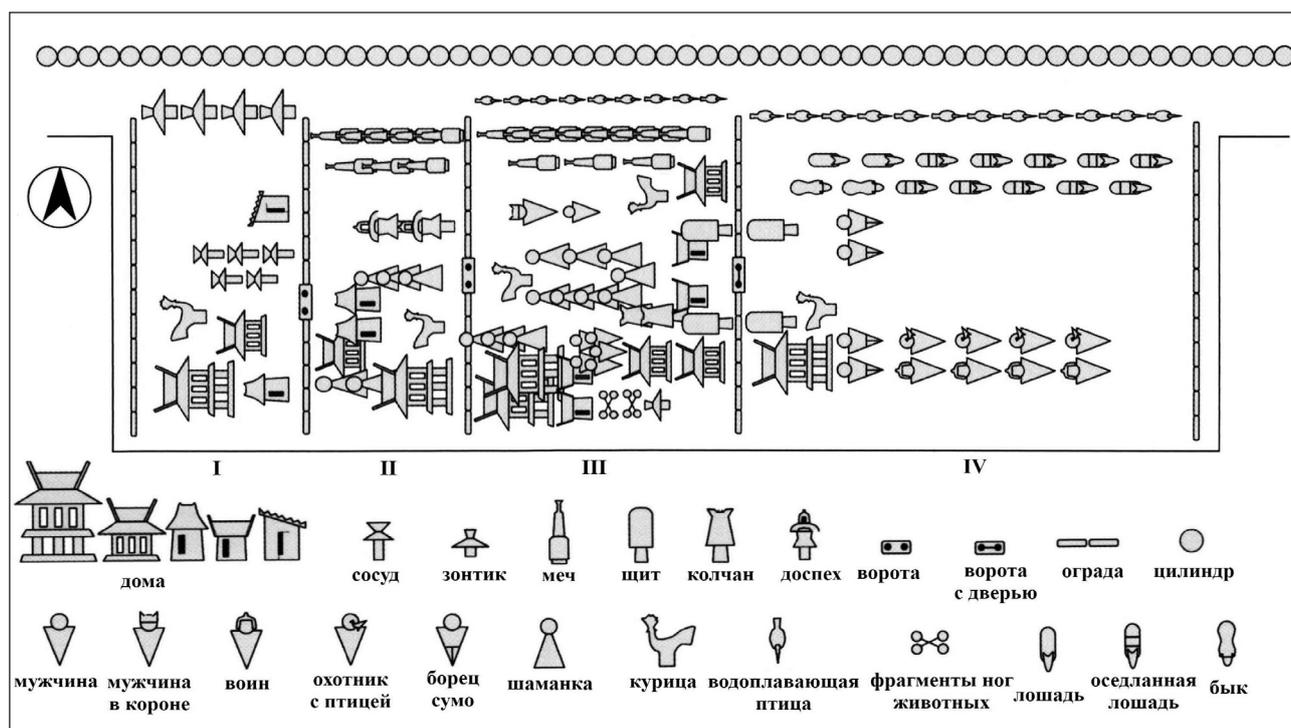

Рис. 4. Схема расположения ханива [4, с. 51]

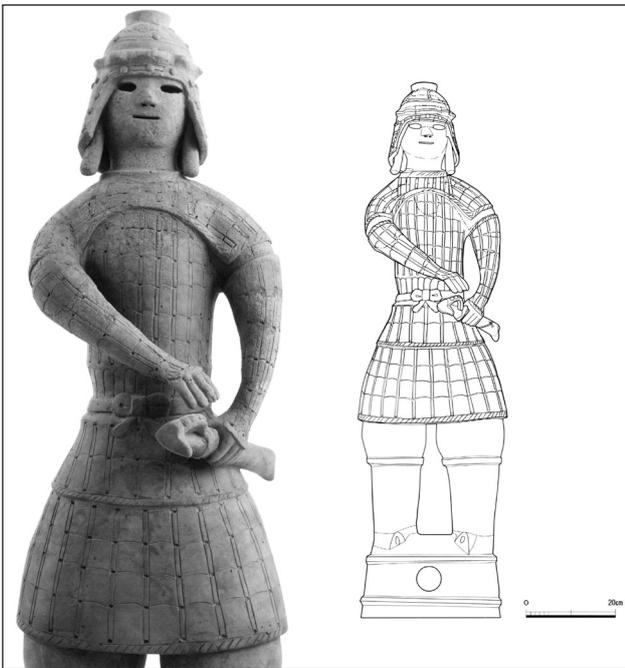

Рис. 5. Ханива-воин с территории участка IV группы ханива кофун Имасиродзука [5, с. 13]

также учитывались находки пластин доспеха, обнаруженные в погребении [1, с. 20].

На этом участке, а также на участках II и III были обнаружены и другие фрагменты ханива-воинов, они определяются по наличию характерного оформления поверхности в виде доспеха. Встречались и несколько неожиданные находки. Как предполагается, один из обнаруженных фрагментов ханива изображает ожерелье, надетое на шею воина в доспехе, при этом, вероятно, этот воин не имеет наплечной части доспеха [5, с. 15]. Находки воинов с бусинами магатама на шее встречаются в разных регионах Японии, но ожерелье чаще изображается на женских фигурах шаманок (на шее либо на ногах). Известно об аналогичной находке ханива-воина в доспехе на кофуне Марукояма (г. Корё, преф. Нара). Курган датируется второй половиной VI в. н. э. При раскопках, проводимых в 2007 г., был обнаружен фрагмент хорошо сохранившейся верхней части фигуры воина в доспехе, на шее которого было надето ожерелье из небольших круглых бусин, чередующихся с длинными бусинами *кудатама*, и одной большой бусины *магатама* в центре [3, с. 20]. Таким образом, ожерелье могло быть и мужским атрибутом, однако в более скромной форме.

На других участках композиционной группы были также расположены ханива-доспехи (Рис. 7), которые оформлены без лица, рук, ног. В целом, этот тип ханива появляется на кофу-

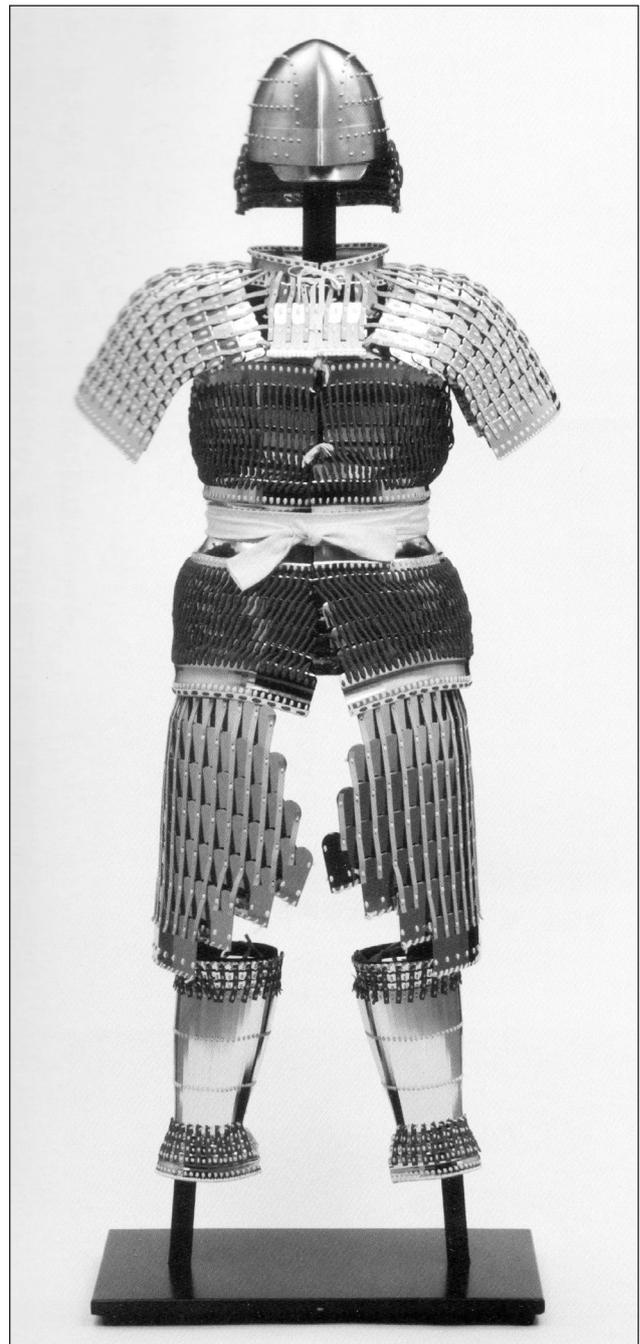

Рис. 6. Реконструкция доспеха воина [1, с. 12]

нах с середины IV в. н. э., и первые ханива-доспехи изображали короткие доспехи, которые закрывали тело примерно до пояса. Подобные ханива встречаются на памятниках равнин Нара и Кавати (южнее кофун Имасиродзука), на них изображены большие квадратные либо прямоугольные пластины и заклепки, которые их скрепляли. В начале V в. у доспехов появляются дополнительные детали, которые закрывали туловище воина от пояса до колен. В VI в. усовершенствование доспеха шло в направлении уменьшения размера пластин, что обеспечивало большую подвижность.

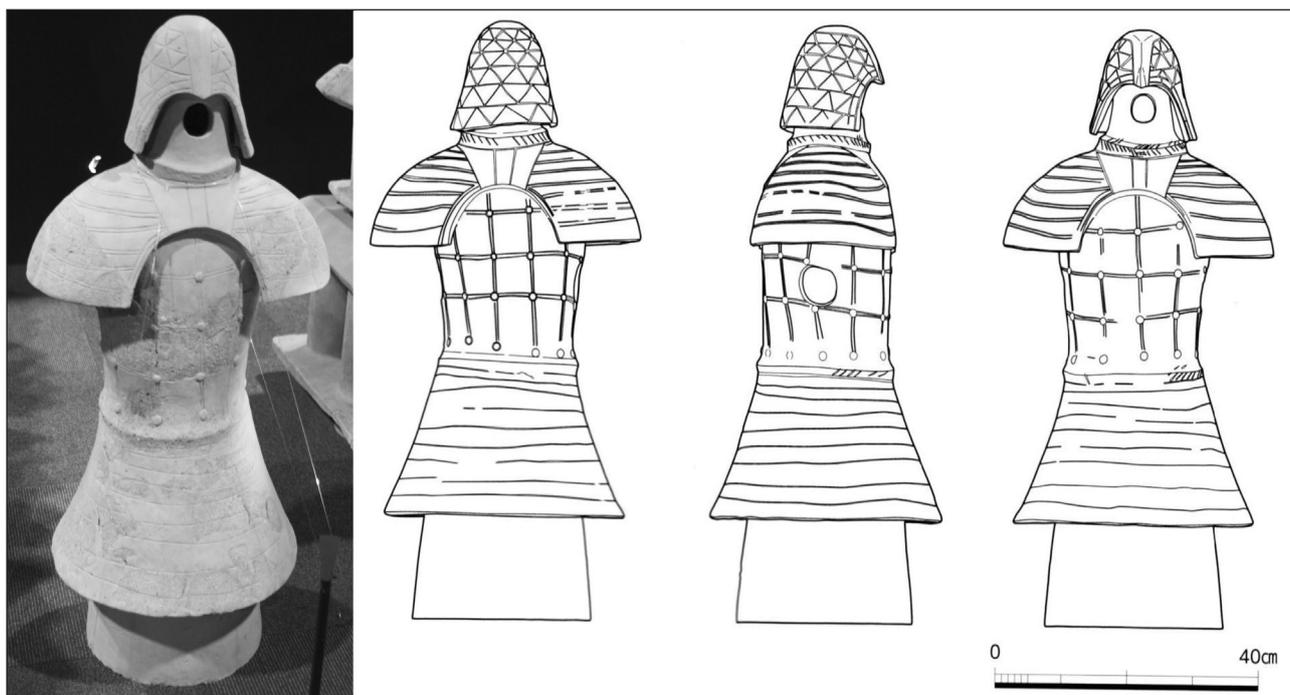

Рис. 7. Ханива-доспех с территории участка II группы ханива кофуна Имасиродзука (фото автора из Муниципального исторического музея кофуна Имасиродзука, прорисовка по: [2, с. 18])

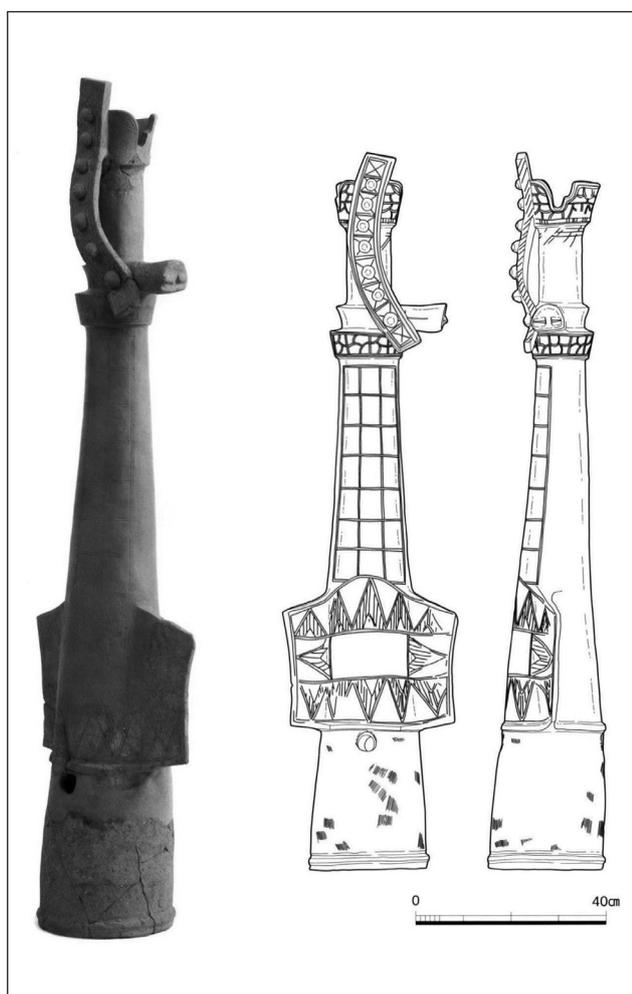

Рис. 8. Ханива-меч с территории участка III группы ханива кофуна Имасиродзука [2, с. 11]

Помимо ханива-доспехов на территории участков II и III располагались ханива-мечи, установленные вертикально в ножнах (Рис. 8). Они относятся к типу длинных мечей. В самих погребениях в крупных кофунах в качестве погребального инвентаря мечи разного размера встречаются часто и в большом количестве. Однако в форме ханива изготавливались только длинные. Эта традиция появляется с середины V в. н. э. В отличие от ранних мечей, у которых на рукояти оформлялось круглое навершие, с середины периода кофун получили распространение мечи с ремнем на рукояти.

На участках II и III также были обнаружены ханива в форме щита и фрагменты ханива-колчана [2, с. 15; 2, с. 19]. Размеры ханива-щитов варьируются в высоту от 23 до 26 см, обнаружена только одна ханива-щит, высота которой достигает 122 см, на ее внутренней стороне находится изображение оленя [2, с. 4]. Ханива-щиты большого размера появляются на кофунах с середины IV в. н. э., но со временем их размеры уменьшаются. Несколько фрагментов ханива-колчана обнаружены на участках II, III и узнаваемы по изображению стрел на внешней стороне ханива [2, с. 19].

Таким образом, существовал набор вооружения воина, единый для всей территории распространения культуры кофун, который предполагал обязательное наличие доспехов, шлема и

меча, а также щита и колчана со стрелами. Но для разных территорий Японского архипелага была характерна своя специфика устройства вооружения, а также представлений мастеров, изготавливающих ханива.

Так, например, на северных территориях, в префектуре Гумма, находят ханива воинов на кофунах, которые датируются V–VI вв. н. э., с другим устройством шлема, а также с изображением на спине колчана со стрелами. Ханива, обнаруженные на кофуне Имасиродзука, несомненно, позволяют получить дополнительную информацию, которая не доступна при исследовании только инвентаря, обнаруженного непосредственно в погребении.

В настоящее время кофун Имасиродзука является частью музейной экспозиции. На территории самого памятника оборудован парк, для посещения доступна практически вся территория кофуна, сделана реконструкция расположения цилиндрических ханива по периметру насыпи, а также, как отмечалось ранее, создана композиционная группа с моделями ханива. При проведении реконструкции композиционной группы были сделаны допущения, что объясняется не полной сохранностью всех фигур композиции, но следует отметить, что были по возможности учтены места нахождения отдельных фрагментов ханива. Рядом с курганом расположен музей, где хранится большинство находок, полученных в результате раскопок. Поскольку курган полностью не исследован, возможно, в дальнейшем работы будут продолжены на других участках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ёмигаэру кодай-но кирамэки. Фукусото: хинни миру Имасиродзука кофун но дзидай (Сияние древности. Время кофуна Имасиродзука по

материалам погребального инвентаря). Такацуки: Такацуки сирицу Имасиродзука кодай рэкисикан, 2012.

2. Иги-но моно. О:кэн гирэй-но иё: о симэсу кидзай ханива (Предметы престижа. Ханива, демонстрирующая достоинство императорских ритуалов). Такацуки: Такацуки сирицу Имасиродзука кодай рэкисикан, 2017.

3. Марукояма кофун. Дайнидзи хаккуцу тё:са хо:коку (Кофун Марукояма. Отчет о проведении вторых археологических исследований). Ко:рё: Ко:рё:тё кёйкуинкай, 2007.

4. Морита Кацуюки. Ёмигаэру дай:бо. Имасиродзука кофун (Погребения великих вождей. Кофун Имасиродзука). Токио, 2017.

5. О:кэн гирэй ни хо:си суру хитобито (Люди, принимавшие участие в императорских ритуалах). Такацуки: Такацуки сирицу Имасиродзука кодай рэкисикан, 2012.

REFERENCES

1. よみがえる古代の煌き. 副葬品にみる今城塚古墳の時代 [A revived light of antiquity. The era of Imashizuka burial mound as seen through the funerary inventory]. 高槻市: 高槻市立今城塚古代歴史館, 2012. (in Japanese)

2. 威儀のもの. 王権儀礼の威容を示す器財埴輪 [Prestige items. Haniva showing the dignity of royal rituals]. 高槻市: 高槻市立今城塚古代歴史館, 2017. (in Japanese)

3. まるこ山古墳. 第2次発掘調査報告 [Marukoyama burial mound. Second excavation report]. 広陵: 広陵町教育委員会, 2007. (in Japanese)

4. 森田克行, 2017. よみがえる大王墓. 今城塚古墳 [Reviving the great tomb: Imashirozuka burial mound]. 東京. (in Japanese)

5. 王権儀礼に奉仕する人々 [The people who took part in the imperial rituals]. 高槻市: 高槻市立今城塚古代歴史館, 2012. (in Japanese)

О.В. Игнатьева

СОВЕТСКОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье представлена история советского коллекционирования в контексте идей и практик культурной революции. На основе широкого круга источников рассматриваются основные этапы и формы советского коллекционирования, выявляются его новые смыслы. Установлено, что в советское время сформировался идеал социалистического коллекционирования как познавательного и воспитательного досуга. По мнению автора, главное противоречие коллекционирования в эту эпоху состояло в том, что оно, будучи объектом контроля со стороны государства, оставалось для коллекционеров единственной формой индивидуального выбора и свободы.

Ключевые слова: Советская Россия, культурная революция, частное коллекционирование, практики коллекционирования, филателия

Soviet collecting in the context of the cultural revolution. OKSANA V. IGNATIEVA (Perm State University)

The article presents the history of Soviet collecting in the context of the ideas and practices of the cultural revolution. Based on a wide range of sources, the article traces the main stages and forms of Soviet collecting and reveals its new meanings. The ideal of socialist collecting as a form of educational leisure was formed in Soviet times. According to the author, the main contradiction of Soviet practice of collecting was that being an object of control by the state it remained the only form of individual choice and freedom for collectors.

Keywords: Soviet Russia, cultural revolution, private collecting, practice of collecting, philately

Революционные события 1917 года, несомненно, стали рубежом, определившим российскую историю XX в. Дореволюционное частное коллекционирование, появившееся в России в процессе модернизации как новая культурная практика, прекратило свое существование в течение первых лет революции. Были национализированы по классовому принципу не только

известные дворянские и промышленно-купеческие собрания, составляющие до сих пор основу российских музейных фондов, но и все коллекции и библиотеки, представляющие интерес для государства.

В Пермском государственном краевом архиве в семейном фонде Теплоуховых, управляющих Строгановых в пермских имениях,

* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2019

хранятся документы, касающиеся истории национализации в 1919 г. собрания Теплоуховых и передачи его в Пермский краеведческий музей. Это прежде всего письмо А.Ф. Теплоухова А.В. Луначарскому и Пермскому музейному совету о возвращении коллекций, книг и вещей, принадлежавших А.Ф. Теплоухову и находящихся в музее: «Вскоре после занятия г. Перми совет. войсками в село Ильинское приехали Завед. Пермским Научным Музеем А.К. Сыропятов и преподаватель Университета – Б.Н. Вишневский и по предъявлении мандата от Военно-Революц-го Комитета, увезли почти все имущество мое, хотя жена моя, не имея оснований опасаться каких либо репрессий, не эвакуировалась, как большинство в Сибирь за мной, мобилизованным в армию Колчака за полгода до этого...

Осенью 1920 г. я передал через жену проф. Генкелю письмо на имя Университета с просьбой принять меры к охране моих коллекций, завещанных мною еще в 1917 г. в некоторой части Пермскому Университету, но ответа на него не получил. Затем я обращался к т. Луначарскому с изложением всего, что произведено в отношении меня с просьбой: 1) сообщить – была ли это конфискация или национализация, 2) выдать все неподлежательно взятое, 3) выдать опись на все взятое имущество, 4) дать мне доступ на тех или иных условиях к рукописям, коллекциям и книгам, у меня отобранным, с целью закончить начатые мною науч. работы...

Жена моя просила оставить одну только любимую книгу, но и эта ее просьба не была удовлетворена: ни одной книги в доме не было оставлено» (Государственный архив Пермского края, далее – ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807. Л. 1–3).

На запрос от Главнауки был получен ответ, очень показательный для характеристики тех изменений в отношении коллекционеров и коллекционирования, которые происходили в стране в этот период: «Всецело присоединяюсь к мнению Завед. Пермским Гос. Музеем А.К. Сыропятова о необходимости оставления бывших теплоуховских коллекций в руках Гос-ва, в стенах Пермского Музея, работники которого вывезли ее, брошенную на произвол судьбы в селе Ильинском, в Пермь еще в 1919 г. Требование бывш. владельца о возвращении ему культурных ценностей, собранных его предками, вызывает лишь удивление, т.к. именно теперь эта коллекция мирового значения и огромной цен-

ности казалось бы не должна быть под спудом и находиться в селе, удаленном от путей сообщения; собраниям этим место по крайней мере в губернском центре и университетском городе каковым сейчас является Пермь».

Бывший Завед. Перм. Музеем, проф. Казан. педагог. Института и преподаватель Университета Б. Вишневский. Сентябрь 1922 г. (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807. Л. 5).

Очень немногие дореволюционные коллекционеры, в том числе и передавшие государству свои собрания, а иногда и целые музеи, смогли остаться при них в качестве хранителей. Судьба большинства из них достаточно трагична, как в случае основателя музея в Иваново-Вознесенске Д.Г. Бурлыгина. После национализации музея в 1917 г. Дмитрий Геннадьевич работал хранителем и экскурсоводом, но в 1923 г. был обвинен в укрытии вещей, принадлежащих музею, отстранен от должности и умер 13 сентября 1924 г., не пережив этих событий [3, с. 85].

Итак, с прежним частным коллекционированием было покончено как с аристократической и буржуазной забавой и укрывательством от широких масс культурных ценностей, в забвении оказались и имена коллекционеров до конца 1980-х гг.

«На обломках» дореволюционного коллекционирования начиная с 1921 г. появляются новые, советские, практики коллекционирования, наполнявшиеся другими смыслами и формами. Кстати, в ходе национализации частных собраний рушились и определенные мифы об усадебных и дворцовых сокровищах: «Когда-то хотелось верить, что будущему суждено обнаружить в недрах наших дворцов и усадеб много безвестных сокровищ искусства, накопленных веками. Возможность открытий казалась правдоподобной, ввиду отчужденности России от художественной жизни Европы, неисследованности ее художественных богатств и малочисленности сведущих людей. Но вот заветные палатки открылись и миф о хранимых в них сокровищах рассеялся. Если не считать главных собраний России, содержание которых было и прежде известно и частью опубликовано, как например коллекции Юсупова, Строганова, Д.И. Щукина, Звенигородской, И.С. Остроухова и некоторых других, то национализация, среди безбрежной массы хлама, не дала нашим музеям ни одной первоклассной вещи, обогатив их лишь несколькими десятками вещей среднего музейного достоинства» [16, с. 1].

Не вступая в научную дискуссию о хронологических границах культурной революции, необходимо подчеркнуть, что истории советского коллекционирования, ее особенностям, в большей степени соответствует характеристика, данная в работе «Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» (2000) Шт. Плаггенборгом: «...Единого, принятого в государственном порядке и точно рассчитанного культурного плана не существовало ни в мыслях, ни на практике. Культурный дискурс был значительно более многогранным, чем считалось в науке до сих пор, и он не ограничивался вопросами образования и искусства» [11, с. 322]. Когда вчитываешься в документы, связанные с первыми шагами советского коллекционирования, хорошо видно отсутствие единого плана. Более того, в деятельности лиц, оказавшихся непосредственно причастными к появлению нового, советского, дискурса коллекционирования, в какой-то степени проявляется фактор случайности.

Поворот от политики «военного коммунизма» к НЭПу и культурной революции в 1923 г. исследователи, как правило, связывают с работой В.И. Ленина «О кооперации». В этой статье условием развития социализма в стране называется та степень цивилизованности населения, которая позволит «заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях... Но для того, чтобы совершить это “только”, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [8, с. 373].

«Культуру требовалось осваивать точно так же, как целинные земли или иностранные технологии» [15, с. 99]. Определяя, что же именно предстояло освоить в культуре советским людям, Ш. Фицпатрик выделяет три основных уровня: «На первом уровне находились культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол – и элементарная грамотность, все еще отсутствовавшая у значительной части населения Советского Союза. В результате задача советской цивилизующей миссии формулировалась в тех же самых выражениях, что и задача миссии европейских наций в отношении отсталых туземных народов, хотя следует отметить, что в СССР к “отсталым элементам” относились и российские крестьяне. Второй уровень культуры, требовавший знания таких вещей, как правила поведе-

ния за столом, в общественных местах, обращения с женщиной и основы коммунистической идеологии, считался обязательным для каждого городского жителя. Третий, содержавший элементы явления, получившего когда-то название “буржуазной” или “мещанской” культуры, представлял собой культуру этикета: хорошие манеры, правильная речь, опрятная, соответствующая случаю одежда, некоторая способность разбираться в таких высококультурных предметах, как литература, музыка и балет. Предполагалось, что таков должен быть уровень культуры правящего класса, представитель новой советской элиты» [15, с. 99].

Важно отметить, что практики коллекционирования оказались вписанными во все три уровня освоения культуры. Одной из ключевых задач культурной революции была задача ликвидации неграмотности. В 1921 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности Ф.Г. Чучин обращается во все возможные инстанции с проектом об установлении государственной монополии на торговлю филателистическими материалами внутри страны и за ее рубежами и об обращении доходов от государственной филателистической торговли на усиление борьбы за ликвидацию неграмотности. Не добившись поддержки, Ф.Г. Чучин передает свой документ через Н.К. Крупскую Ленину. И далее этот проект, утвержденный Лениным с рекомендацией провести его декретом, а также распространить на боны и приурочить к помощи детям, выходит уже в виде Постановления Центральной Комиссии помощи голодающим при ВЦИК: «В целях представления возможности всему населению принять активное участие в оказании помощи голодающим и исчерпывания всевозможных источников для оказания этой помощи, Центральная Комиссия помощи голодающим при ВЦИКе постановила:

1. Призвать все население РСФСР начать сбор и немедленно пожертвовать в пользу голодающих через ближайшее государственное учреждение все почтовые марки с писем, бандеролей и т.п., как в отдельных экземплярах, так и целыми сериями и коллекциями, для обмена их на хлеб и другие продукты за границей.

2. Предложить всем государственным и общественным учреждениям и предприятиям под наблюдением и за ответственностью местных комиссий Помгола открыть прием и организовать сбор почтовых марок для отсылки их в

адрес Уполномоченного ЦК Помгола по марочным пожертвованиям.

3. Возложить на специальный аппарат обязанность привести в ликвидное состояние и реализовать за границей весь пожертвованный филателистический материал, а на вырученные от этого средства закупить продовольствие для населения голодающих районов, доставив его срочно по назначению.

4. Назначить уполномоченным по марочным пожертвованиям от ЦК Помгола в России и за границей – тов. Чучина, обязав его в срочном порядке опубликовать инструкцию комиссии ЦК Помгола по проведению в жизнь настоящего постановления» [4].

По всей стране рассылается инструкция о сборе почтовых марок, подготовленная Ф.Г. Чучиным, проходят соответствующие кампании в поддержку советской филателии. Так, например, 19 августа 1922 г. проводится первый День филателии, а с сентября 1922 г. начинает выходить ежемесячный журнал «Советский филателист», который в 1925 г. будет переименован в «Советский коллекционер». В первом номере журнала были опубликованы сформулированные Ф.Г. Чучиным задачи советской филателии:

«1. Очищение филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента личной наживы коллекционеров-коммерсантов, филателистов-торговцев, спекулянтов-чиновников, фальсификаторов-мародеров и просто разных проходимцев-невежд и постепенно – по мере наших сил и возможностей – возведение ее в степень самостоятельной науки.

2. Посильная разработка и освещение отдельных проблем этой молодой кандидатки в науки, широкая популяризация и пропаганда филателистических идей и выяснение прикладного ее значения в научном, педагогическом, эстетическом и экономическом отношениях.

3. Использование филателии – как средства пропаганды идей Великой Революции и приобщение РСФСР в филателистическом отношении к наиболее передовым буржуазным странам Европы и Америки.

4. Организация русских филателистов вокруг нашего журнала и удовлетворение потребностей идейных филателистов-коллекционеров.

5. Всемирное содействие проведению в жизнь строгой монополии во внешней торговле материалами и принадлежностями филателии исключительно в целях улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом на-

селения, равно наблюдение за доброкачественностью ввозимого и вывозимого из РСФСР филателистического товара» [18, с. 3–4].

Таким образом, коллекционирование ставится под контроль государства. Если в 1917 г. в ходе национализации частные собрания становятся государственной собственностью, а коллекционирование рассматривается как пережиток прошлого, то начиная с 1921 г. происходит своего рода реабилитация практик коллекционирования. С одной стороны, монополия государства на международную торговлю предметами коллекционирования позволяет решать экономические задачи, получать валюту и закупать необходимые товары. Планируемая Ф.Г. Чучиным сумма в 10 млн. рублей золотом при продаже собранных 350 млн. марок не была получена, но, тем не менее, за период 1922–1927 гг. удалось продать марок иностранным и советским коллекционерам на 250 тысяч червонных рублей [14, с. 20]. С другой стороны, советское коллекционирование противопоставляется буржуазному и постепенно начинает рассматриваться как один из способов окультуривания масс. Потенциал филателии и новых форм коллекционирования в борьбе с безграмотностью и в идеологической работе привлекает внимание в связи с дискуссией вокруг так называемого «тематического коллекционирования». Нужно отметить, что в филателии до определенного времени коллекционирование марок велось по странам: чтобы собрать коллекцию определенного уровня, нужно было иметь редкие марки, вкладывать в коллекционирование финансовые средства. Именно против этих признаков «буржуазной филателии» выступает кружок юных филателистов из Златоуста в 1925 г. Письмо, присланное от имени кружка М.Я. Сюзюмовым в редакцию журнала «Советский коллекционер», была напечатано и поддержано Ф.Г. Чучиным, по сути, как программный документ:

«Что и как собирать? Платформа златоустовского кружка юных филателистов: Обычно собирают марки по странам. Специализируются, напр., на Европейских странах и т. д. При этом каждый стремится собрать по возможности все марки страны, все серии, все разновидности, все опечатки, причем с особой гордостью отмечают редкости. Качество альбома всегда при этом способе коллекционирования прямо пропорционально количеству вложенных средств. Для буржуазии это имеет смысл. Для нас это бессмысленно.

Помимо этого, при бешеном темпе нашей жизни, при перегруженности всех учащихся учебной и общественной работой мы не имеем досуга, чтобы копаться в зубчиках, водяных знаках, утонченности марок, качестве бумаги. У нас нет времени, чтобы ухаживать за марками, как старая дева за кошками, купать их, отмывать бензином, сушить, смывать гуммировку и т. д. Самого стремления к редким курьезам, сдвигам, опечаткам мы совсем не понимаем. Вообще многое в буржуазной филателии кажется нам чуждым для психики людей нашего времени. Вся эта филателия полноты коллекции, погони за редкостями, ненормальностями и уродствами – по нашему мнению – носит все характерные черты психики рантье. Наше главное положение: марка не есть только «знак почтовой оплаты», марка прежде всего исторический документ эпохи. Филателист – это собиратель исторических документов, подлинных настоящих свидетелей эпохи. Это такой же собиратель, как историк, собирающий древние манускрипты. Марка ценна постольку, поскольку она богата содержанием. Не редкость, а богатый содержанием документ. Мы сознательно переходим к собиранию таких марок

Что значит, когда начинающий ищет рисунок на марке? Это бессознательное стремление к содержанию. Начинающий, не искушенный в филателистической схоластике, по требованию здравого смысла, ценит именно содержание, а не редкость марки. Марка выпущена в сотне экземпляров, ходила три дня, но если на ней нарисована всего одна ничего не говорящая цифра, если она ни о чем не говорит и самый факт выпуска ее ни с каким событием не связан, мы просто выкидываем такой хлам, не достаивая его наших альбомов.

Мы составляем наши альбомы так:

Первобытное общество (какую красивую и полную характеристику могут дать, например, французские колонии).

Кочевое общество, скотоводство (тоже франц. колонии).

Какую красочную страницу феодализма могут дать некоторые немецкие марки (например, рисунки рыцарей, замков, готических соборов).

Какие дивные страницы даст «Эпоха открытий». Марки с Колумбом, португальские – с Васко де Гама, капитаном Куком и т. д.

Затем – «Развитие капитализма» с подразделениями: а) техника, б) пути сообщения, в) классы.

Из новых марок как легко составить страницы «Экономические предпосылки капитализма», «Балканская война». А «Мировая война»! Какую яркую картину можно составить, начиная от марок убийства эрц-герцога, вплоть до благотворительных в пользу инвалидов. А как красиво выглядят страницы «Версальского мира» или же «Эпоха инфляции и денежных реформ после Версаля»!

Имеет ли смысл для нашей коллекции знаменитая марка Маврикия? Никакого. Она ни о чем не говорит. А вот дешевая марка Мадагаскара, где, обливаясь потом, несчастные негры на плечах тащат гордого француза! Эту марку мы ценим. Ведь это живой документ наглого циничного империализма. Такие марки мы собираем.

Филателия должна покончить с методами «кунсткамеры» Петра I-го, где собирались все уродства, раритеты, невиданные диковинки. Конечно, и разнородность зубчиков, и водяные знаки, и качество бумаги, и краски имеют значение, но лишь для экспертизы, для определения подлинности марки. Этим пусть занимаются единицы – знатоки, профессора филателии.

Наши тезисы:

1. Марка (не каждая) – подлинный исторический документ эпохи.

2. Собирать нужно только марки – документы эпохи, а не простые знаки почтовой оплаты.

3. Необходимо отбросить фетишизм редкостей, ненормальностей, сдвигов, курьезов, раритетов. Это – филателия рантье. Количество зубчиков, водяные знаки, гуммировку, качество бумаги предоставить экспертам.

4. Собирать нужно не по странам, а по темам историко-политико-экономическим, вроде «Версальского мира», «Империализма» и т. д. Можно взять в качестве темы историю отдельной страны, но это будет «история страны в марках», а не «история выпусков знаков почтовой оплаты страны», во что в лучшем случае вырождается буржуазная филателия.

5. Только такой метод собирания годен для среднего филателиста. Этот метод более интересен и лучше выявит положительные качества филателистов, так как по этому методу лучший альбом будет не у самого богатого коллекционера, а у того, кто сумеет лучше оценить марку как документ эпохи и лучше сделать подбор марок по темам» [17, с. 4–5].

Таким образом, тематический принцип коллекционирования становится ключевым для советского собирательства, распространяясь из

филателии и на другие сферы коллекционирования – бонистику, филократию, филумению, библиофильство. Тематический принцип, с одной стороны, позволял использовать собранные коллекции в агитационной работе и образовании, поскольку темы отражали советскую историю, противостояние СССР и капиталистических стран. В этом отношении авторы «Златоустовской платформы» оказались новаторами, в условиях катастрофической нехватки литературы и наглядных пособий для образовательной и идеологической работы, М.Я. Сюзюмов, заведующий школой II ступени из Златоуста, не просто сам начинает использовать марки и бонны в обучении, но и широко пропагандирует этот метод в публикациях методического характера¹.

Тематический принцип также позволял «избавить» коллекционирование от привязки к финансовым возможностям собирателя. В «Златоустовской платформе» противопоставляется буржуазное коллекционирование, как собирательство редкостей, где качество собрания зависит от вложенных средств, советскому коллекционированию, для которого значение коллекции определяется выбором интересной и значимой темы, полнотой ее раскрытия в собрании, а не количеством уникальных экспонатов. Тем самым, менялись смыслы коллекционирования: от коллекции как материального сокровища к социалистическому коллекционированию как познавательному и воспитательному досугу.

Характер прежнего коллекционирования предполагал наличие свободного времени, необходимого для поиска новых предметов коллекции, их изучения, погружения в коллекционирование как особую практику и даже в какой-то степени психологическую зависимость коллекционера от своего увлечения. Всей

этой «психологии рантье» в советском коллекционировании противопоставлялись доступные и массовые виды собирательства. Не случайно, что новые принципы советского коллекционирования были первоначально сформулированы на материале филателии, а потом распространены на другие виды собирательства. Марки, прежде всего гашеные, были доступны всем, таким образом, можно было пропагандировать массовые практики коллекционирования. Утверждение, что «в СССР филателия будет или доступна массам, или же ее совсем не будет» [17, с. 4–5], соответствовало в целом идеям коллективного характера не только труда, но и досуга.

Второй уровень освоения культуры, по Ш. Фицпатрик, обязателен для любого городского жителя и связан с новыми типами досуга, противопоставлявшимися в качестве культурных практик широко распространенному пьянству и прочим формам девиантного поведения. Занятия спортом, туризм и коллекционирование, включая собирание библиотек, не просто приветствовались, но всячески пропагандировались, в том числе в рабочих коллективах. В публикациях в журнале «Советский коллекционер», возобновившемся с 1963 г. по инициативе Московского городского общества коллекционеров, часто приводятся примеры деятельности коллекционеров, широко использующих свою коллекцию для ведения общественной работы на производстве. Репрезентация ключевых событий и имен советской истории в марках, открытках, медалях позволяла коллекциям выступать в той же контролирующей и вездесущей роли, что и «запечатленное в статуях и портретах, оттиснутое в металле, выложенное из цветов, вытканное на полотне, изображенное на фарфоре, лицо Сталина» [6, с. 284].

Возможно, первым примером подобной визуализации власти в филателии является история появления марки с портретом Ленина в детстве: «...Шел 1926 год. По инициативе М.И. Калинина Наркомпочтель предпринял выпуск серии почтово-благотворительных марок “В помощь беспризорным детям” (№№245–248). Часть их номинальной стоимости предназначалась для пополнения фонда имени В.И. Ленина. Контроль над художественным оформлением серии был возложен на Деткомиссию ВЦИК. Предполагалось, что на обеих марках серии будут изображены советские дети. Все шло хорошо, и только после того, как тираж серии был готов, выяснилась неприглядная подробность.

¹ Каким образом будущий основатель уральской школы византиноведения М.Я. Сюзюмов пришел к филателии и коллекционированию в условиях невозможности заниматься научной работой описано в статье В.В. Сашанова [12]. Биография М.Я. Сюзюмова отражает и непростое отношение государства к коллекционированию, особенно в 1930-е гг. Так, в 1935 г. Сюзюмов был арестован по обвинению в контрабандной торговле и обмене марками с зарубежными странами, в его коллекции насчитывалось к этому времени более 100 тыс. марок, которые были конфискованы, а сам Михаил Яковлевич, назвавший себя «интегральным коллекционером», был приговорен к трем годам лишения свободы.

На марке 20-копеечного достоинства оказался не обобщенный образ ребенка, а вполне конкретный портрет... сына одного из руководящих работников Деткомиссии. ...Раз возникла мысль о портрете конкретного ребенка, Михаил Иванович предложил достойный выход. На новой марке серии был впервые воспроизведен портрет Володи Ульянова в четырехлетнем возрасте (по малоизвестной в то время фотографии Е. Закржевской)» [10, с. 12–17].

С формированием новой советской элиты Ш. Фицпатрик связывает освоение (по сути, присвоение) третьего уровня культуры, ориентированного на жизненный стиль дореволюционной элиты. Как в XVIII в. в процессе формирования российского дворянства на европейский манер свою роль в привитии светских манер, хорошего вкуса и владения языком искусства сыграло коллекционирование, так и с конца 1920-х – начала 1930-х гг. вместе с привилегиями в виде дач и квартир появляется интерес к антиквариату и произведениям искусства. Так, например, вместе с появлением писательских паек в 1931 г. «писатели заводят знакомства с антикварами, обставляют жилье мебелью с дворцовых распродаж» [5, с. 382].

Безусловно, далеко не каждого представителя советской элиты можно отнести к коллекционерам, но поддерживая антикварный рынок и рынок искусства, позволяя ему сохраняться, пусть и в ограниченном виде, советская элита тем самым невольно поддерживала коллекционеров искусства и антиквариата, в советское время постоянно лавировавших на грани законности. О таких коллекционерах 1930-х гг. сведения очень ограничены. Но в послевоенный период, особенно с 1960-х гг., в Москве и Ленинграде коллекционеры участвовали в том числе и в сохранении неофициального искусства.

Так, А. Амальрик публикует в 1978 г. в Париже статью «Художники и коллекционеры в Москве», которая написана по материалам, подготовленным по заказу Агентства печати «Новости» в 1967 г. Автор дает интересную характеристику коллекционеру в советском обществе: «В обществе, лишенном частной собственности, фигура коллекционера приобрела зловещие черты пушкинского скупого рыцаря, который прячет свои сокровища в подвале, чтобы в одиночестве наслаждаться ими при колеблющемся свете свечей» [1, с. 82].

А. Амальриком были подготовлены статьи о московском клубе коллекционеров, он пи-

сал о Якове Рубинштейне, Петре Данилове и Борисе Денисове, «коллекционерах не столь известных и не вызывающих никаких опасений у властей». Писатель вспоминал: «Затем я хотел писать о более противоречивых фигурах – Георгии Костаки, собиравшем русскую живопись первой трети нашего века, Нине Стивенс, имевшей в то время наиболее полное собрание современных неофициальных художников, и Феликсе Вишневым. Его коллекция, включающая русскую и европейскую живопись, мебель, фарфор, драгоценности, – уникальна. Вспоминаю, как мы с ним полдня ходили по его огромному дому, он завел меня в крошечный уголок, отгороженный шкафом, где он спал – над его кроватью висела картина Кранаха. Однако мне не пришлось больше ни о ком писать: внезапно АПН возвратило мне мои статьи о коллекционерах» [1, с. 83].

Вместе с тем, статьи о коллекционерах, подготовленные А. Амальриком, по сути, выступают в роли источника и дают возможность охарактеризовать те препятствия, которые, по мнению автора, мешали более широкому развитию коллекционирования в СССР, а именно малочисленность коллекционеров, жилищный кризис и отсутствие высоких доходов и, в этой связи, специфику отечественного собирательства. «Кроме того, среди людей со сравнительно высокими заработками почти нет моды на живопись, а уверенность в завтрашнем дне и, напротив, неуверенность в искусстве не заставляет смотреть на картины как на надежное помещенье средств. Это имеет ту хорошую сторону, что у нас собирательство носит поэтому гораздо более чистый и некоммерческий характер, чем на Западе», – отмечал А. Амальрик [1, с. 88].

Таким образом, в годы культурной революции тема советского коллекционирования стала одним из дискурсов, связанным с формированием новой социальной идентичности, «игрового поля», где люди усваивали «правила игры» городской жизни [6, с. 282]. Размышляя об уникальности и комплексности культурной политики советского времени, И. Глуценко пишет: «Распространяя определенные культурные нормы на общество в целом, советское государство тем самым совершало работу по тотальной унификации культурных практик, через эту унификацию стремясь достичь преодоления сословных различий, типичных для традиционного общества. Говоря языком самих коммунистических идеологов, победивший

пролетариат не столько навязывал свои нормы старому обществу, сколько, наоборот, присваивал себе культурное наследие побежденных классов» [2, с. 260].

Практики коллекционирования, будучи подобным наследием побежденных классов, поддерживались и контролировались государством в связи с возможностями их массового распространения в качестве средства пропаганды ключевых этапов советской истории.

Новые смыслы коллекционирования рождались в постоянном противопоставлении прежнему, дореволюционному коллекционированию. Так, в 1972 г. в «Советском коллекционере» была опубликована статья П. Скаткина, посвященная терминам коллекционирования, в которой автор, проанализировав словари и энциклопедии, отмечает: «Почему оказалось возможным его освещение на уровне прошлого столетия, без учета огромных изменений, которые произошли в советский период в этой области культуры?» [13, с. 93]. И далее предлагает новое значение коллекционирования как «целенаправленного собирания, изучения, систематизации предметов материальной и духовной культуры или объектов природы и оформление их в коллекцию определенного содержания, предназначенную для личного или общественного использования. Коллекционирование является одним из видов общественно полезной деятельности, сочетающим разумный отдых с расширением культурного и общеобразовательного кругозора трудящихся и особенно молодежи, а также методом научных исследований в различных областях науки» [13, с. 93].

Общественно полезная деятельность связывалась прежде всего с коллективными формами коллекционирования, участия в общественных объединениях коллекционеров, приветствовались и пропагандировались также примеры коллекционеров, собирающих, например, библиотеки – не только для себя, но для использования другими людьми, на производстве.

Но коллекционирование по своей сути индивидуализировано. В основе деятельности коллекционера лежит стремление не просто собрать коллекцию по тематическому или какому-то другому принципу, но также иметь в собрании редкие или недостающие для полноты коллекции экземпляры. Ни за какими лозунгами невозможно было скрыть основных мотивов, по которым коллекционеры вступали в соответствующие их увлечению общества: «Некоторые

рассуждают так: “Я вступил в Общество и аккуратно плачу членские взносы. За это Общество обязано обеспечить меня абонементом на преимущественное снабжение марками и предоставить возможность регулярных встреч с товарищами с целью обмена”. К сожалению, подобный взгляд очень живуч» [9, с. 10–11]. Точно так же в обществе тотального дефицита невозможно было уберечь коллекционирование от существования несанкционированного государством рынка – как антикварного, так и в целом коллекционерского: «Хорошо известно, что чистой филателистической страсти иногда сопутствуют и некоторые отрицательные явления, возникающие у коллекционеров на базе стремления к пополнению своих коллекций. Не секрет, что кое-где подвизаются люди, пытающиеся использовать филателию как средство стяжательства и наживы, спекулирующие так называемыми “редкостями” и “модными” марками. Об этом свидетельствуют судебные процессы над злостными спекулянтами, промышленявшими почтовыми марками и другими филателистическими материалами» [7, с. 10–11].

Следование тематическому принципу коллекционирования само по себе, как правило, не приводило к высокому качеству коллекций без возможности обмениваться с коллекционерами из зарубежных стран или наличия доступа к редким коллекционным материалам. Так, в «Советском коллекционере» после Всемирной филателистической выставки 1962 г. отмечалось: «Увлеченные количеством, мы часто упускаем из виду качество коллекции. Ошибочность этой тенденции показала Всемирная филателистическая выставка “Прага 1962”. По количеству представленного материала советские коллекционеры заняли на ней видное место. Но качество коллекций оказалось недостаточно высоким, а содержание некоторых из них – поверхностным. Высшие награды за коллекции русских, советских и даже “космических” марок присуждены иностранным коллекционерам» [9, с. 11].

Коллекционирование в советское время стало массовым, судя, например, по изменению состава Всероссийского общества филателистов. Так, в 1924 г. в списке действительных членов Всероссийского общества филателистов насчитывалось 104 человека, в 1963 г. – «около 200 тысяч коллекционеров, объединенных в значительной части более чем в ста городских и областных обществах» [9, с. 10]. Этот массовый

характер носили прежде всего такие виды коллекционирования, как филателия, нумизматика, бонистика, филократия, филлумения, библиофильство. Именно эти виды собирательства нашли отражение в сборниках «Советский коллекционер», научно-популярной литературе, посвященной коллекционированию в целом и отдельным коллекционерам в частности.

Однако наряду с массовыми практиками коллекционирования, которые имели тенденцию к стандартизации и управляемости со стороны государства, через всю советскую историю прошли и формы более индивидуализированного коллекционирования. Коллекционирование антиквариата, а тем более картин запрещенных художников, как русского авангарда, так и неофициального искусства, если и находило отражение в советских средствах массовой информации, то только в осуждающих материалах о спекуляциях и наживе.

Таким образом, частное коллекционирование в советскую эпоху было, в конце концов, признано властью как дополнение к государственному – галерейному и музейному коллекционированию по аналогии с личным подсобным хозяйством в колхозно-совхозной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амальрик А. Художники и коллекционеры в Москве // Ковчег. Литературный журнал. 1978. № 2. С. 81–95.
2. Глущенко И.В. Осторожно, время замедляется // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 260–265.
3. Додонов А.А. Дмитрий Геннадьевич Бурлин. Иваново: «Иваново», 1997.
4. Известия ВЦИК. 1922. № 72. 30 марта.
5. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Издательство «Европа», 2005.
6. Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: веги историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 250–328.
7. Кренкель Э.Т. Подлинно массовое движение // Советский коллекционер. 1966. № 4. С. 10–11.
8. Ленин В.И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 369–377.

9. Лепешинский Л. Активно участвовать в коммунистическом воспитании трудящихся // Советский коллекционер. 1963. № 1. С. 7–12.

10. Милькин М. М.И. Калинин и советская филателия // Советский коллекционер. 1972. № 10. С. 12–17.

11. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000.

12. Сашанов В.В. «Интегральный коллекционер», или прерванный путь в науку: М.Я. Сюзюмов в 1920-е – 1930-е гг. // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 139–145.

13. Скаткин П. Словари и энциклопедии о коллекционировании // Советский коллекционер. 1972. № 10. С. 88–94.

14. Стальбаум Б. Ленин. Дети. Филателия // Советский коллекционер. 1970. № 8. С. 3–22.

15. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

16. Хуссида М. Разочарование // Среди коллекционеров. 1921. № 5. С. 1–4.

17. Что и как собирать? Платформа Златоустовского кружка юных филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 5. С. 4–5.

18. Чучин Ф.Г. Наши задачи // Советская филателия. 1922. № 1. С. 3–4.

REFERENCES

1. Amal'rik, A., 1978. Khudozhniki i kollektionery v Moskve [Artists and collectors in Moscow], Kovcheg. Literaturnyi zhurnal, no. 2, pp. 81–95. (in Russ.)
2. Glushchenko, I.V., 2013. Ostorozhno, vremya zamedlyaetsya [Caution, time slows down]. In: Glushchenko, I.V. and Kurennoi, V.A. eds., 2013. Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, pp. 260–265. (in Russ.)
3. Dodonov, A.A., 1997. Dmitrii Gennad'evich Burylin [Dmitry Gennad'evich Burylin]. Ivanovo: «Ivanovo». (in Russ.)
4. Izvestiya VTSIK, no. 73, March 30, 1922. (in Russ.)
5. Kozlova, N.N., 2005. Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii [Soviet people. Scenes from the history]. Moskva: Izdatel'stvo «Evropa». (in Russ.)
6. Kotkin, S., 2001. Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi «Magnitnaya gora: Stalinizm kak tsivilizatsiya») [Speaking Bolshevik (from «Magnetic mountain: Stalinism as a civilization»)]. In: Amerikanskaya

rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologiya. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2001, pp. 250–328. (in Russ.)

7. Krenkel', E.T., 1966. Podlinno massovoe dvizhenie [Genuine mass movement], Sovetskii kollektzioner, no. 4, pp. 10–11. (in Russ.)

8. Lenin, V.I., 1970. O kooperatsii [On cooperation]. In: Lenin. V.I., 1970. Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 369–377. (in Russ.)

9. Lepeshinskii, L., 1963. Aktivno uchastvovat' v kommunisticheskom vospitanii trudyashchikhsya [Actively participate in the communist education of workers], Sovetskii kollektzioner, no. 1, pp. 7–12. (in Russ.)

10. Mil'kin, M., 1972. M.I. Kalinin i sovetskaya filateliya [M.I. Kalinin and Soviet philately], Sovetskii kollektzioner, no. 10, pp. 12–17. (in Russ.)

11. Plaggenborg, S., 2000. Revolyutsiya i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma [Revolution and culture: cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism]. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva». (in Russ.)

12. Sashanov, V.V., 2015. «Integral'nyi kollektzioner», ili pervannyi put' v nauku: M.Ya.

Syuzumov v 1920-e – 1930-e gg. [«Integral collector» or a difficult path to academic research: M.Ya. Syuzumov in the 1920s and 1930s], Ural'skii istoricheskii vestnik, no. 4, pp. 139–145. (in Russ.)

13. Skatkin, P., 1972. Slovarei i entsiklopedii o kollektzionirovanii [Dictionaries and encyclopedias on collecting], Sovetskii kollektzioner, no. 10, pp. 88–94. (in Russ.)

14. Stal'baum, B., 1970. Lenin. Deti. Filateliya [Lenin. Children. Philately], Sovetskii kollektzioner, no. 8, pp. 3–22. (in Russ.)

15. Fitzpatrick, S., 2008. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

16. Khussida, M., 1921. Razocharovanie [Disappointment], Sredi kollektzionerov, no. 5, pp. 1–4. (in Russ.)

17. Chto i kak sobirat'? Platforma Zlatoustovskogo kruzhka yunyh filatelistov [What to collect and how? Platform of the Zlatoust circle of young philatelists], Sovetskii kollektzioner, no. 5, 1925, pp. 4–5. (in Russ.)

18. Chuchin, F.G., 1922. Nashi zadachi [Our tasks], Sovetskaya filateliya, no. 1, pp. 3–4. (in Russ.)

А.В. Ахметова*

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.**

В статье рассматриваются государственные мероприятия по созданию и развитию системы здравоохранения коренных малочисленных народов Хабаровского края во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. Работа медицинских экспедиций конца 1940-х гг. позволила проанализировать численность аборигенного населения обследованных территорий, обобщить показатели основных эпидемиологических заболеваний и характер наиболее распространенных среди малочисленных этносов болезней, что стало важным информационным источником для дальнейшей трансформации политики в данной сфере. Автор заключает, что последовавшее за этим развитие сети медицинских и лечебно-профилактических учреждений в национальных районах края, осуществлявшееся при поддержке местных предприятий, позволило к началу 1960-х гг. существенно снизить уровень заболеваемости среди коренных малочисленных народов региона.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Хабаровский край, система здравоохранения, национальная политика, эпидемиологические заболевания

The establishment of the indigenous health system in Khabarovsk territory in the late 1940s and early 1950s. ANNA V. AKHMETOVA (Komsomolsk-na-Amure State University)

The article focuses on the government measures to establish and develop the indigenous health system in Khabarovsk territory in the late 1940s and early 1950s. The work of medical expeditions of the late 1940s made it possible to analyze the aboriginal population of the territory, to generalize the indicators of the main epidemiological diseases and the nature of the most common diseases among the small-numbered indigenous peoples. This information was crucial in further policy transformation in this area. The author concludes that the subsequent development of a network of medical institutions in the indigenous regions of Khabarovsk territory carried out with the support of local enterprises significantly reduced the morbidity rate among the indigenous peoples of the region by the early 1960s.

Keywords: small-numbered indigenous peoples, Khabarovsk territory, health system, national policy, epidemics

* АХМЕТОВА Анна Валинуровна, кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета.

E-mail: srdsehp@knastu.ru

© Ахметова А.В., 2019

** Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края. Соглашение № 19с/2019.

Процессы глобализации, ставшие характерной и неизбежной особенностью конца XX – начала XXI вв., усиливают нивелирование этнического и культурного многообразия малочисленных народов, постепенно уничтожая их традиционный образ жизни. Это не могло не сказаться на образе их жизни и физиологических показателях здоровья. Состояние здоровья и проблемы здравоохранения малочисленных народов зависят от особенностей традиционного образа жизни и изменений, связанных с широким проникновением в их быт обычаев других народов и индустриализацией территорий их проживания. В настоящее время направленность и механизмы эволюции человека как биологического объекта остаются теми же, что и в прошлые тысячелетия, но в результате социального и научно-технического прогресса меняются способы, правила и сроки эволюции. Если раньше человеку приходилось в большей степени адаптироваться к естественной среде, то сегодня – к среде социально-экономической, созданной им самим.

Трансформация системы обеспечения здоровья малочисленных народов в условиях советской модернизации Дальнего Востока представляет собой составную часть процесса изменения традиционного образа жизни малочисленных народов всего мира. В XX в. культуры этих народов подверглись широкомасштабному воздействию технологической цивилизации. Ее наступление на традиционные общества автохтонных этносов остро поставило вопрос о пути их дальнейшего развития. Все это актуализирует задачу проведения комплексного исследования проблемы развития системы здравоохранения коренного населения Хабаровского края в условиях советской модернизации.

С целью улучшения ситуации в сфере медицинского обслуживания коренного населения региональные власти использовали разнообразные формы организации системы здравоохранения в национальных районах, а именно возобновление деятельности фельдшерско-акушерских пунктов при культбазах, организацию медицинских экспедиций с целью проведения как лечебных работ, так и научно-диагностического обследования коренного населения, расширение стационарной сети учреждений здравоохранения, укрепление ее материально-технической базы и финансирования. Так, в 1946 г. в Чукотском национальном округе начали строить 4 районные больницы и 13 фельдшерских пунктов (Государственный ар-

хив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 338. Л. 73).

Система здравоохранения, которую начали создавать в 1920-е – 1930-е гг., в период Великой Отечественной войны была фактически разрушена. В целях снижения высокого уровня заболеваемости потребовалась очень продолжительная вакцинация и интенсивные санитарно-противоэпидемические мероприятия. Отдаленность национальных районов, кочевой образ жизни, тяжелые условия труда и проживания способствовали высокому росту числа хронических заболеваний у коренного населения [5, с. 104]. Например, в Корякском национальном округе из 871 обследованного аборигена 154 были поражены открытой формой туберкулеза, причем 40% из них были детьми (ГАХК. Ф. 35. Оп. 46. Д. 33. Л. 1). Причину этого врачи медицинской экспедиции видели в насильственной модернизации хозяйственной деятельности малочисленных народов и недуманных действиях местной власти по реализации принятых решений. В период рыбной путины мобилизовалось взрослое население всех близлежащих национальных колхозов, даже тех, что были расположены далеко от устья рек, где традиционный уклад жизни аборигенов (коряков) не предполагал занятия рыбной ловлей. В результате их переселения на места рыбодобычи, для которых были характерны плачевные жилищные условия, скученность и постоянный холод, начинались эпидемии гриппа, кори, тифа, коклюша, в свою очередь, провоцирующие вспышки туберкулеза.

С целью хотя бы частичного решения проблемы 24 июля 1946 г. было издано постановление Совета Министров СССР № 471 «О мероприятиях по оказанию помощи Корякскому национальному округу», в котором в качестве основного мероприятия по улучшению ситуации с заболеваемостью в национальных районах была предложена отправка в округ узких медицинских специалистов. Однако ввиду их небольшого количества эта мера не могла решить назревшие в национальных поселках проблемы в области здравоохранения. В крупных населенных пунктах были открыты специально оборудованные медицинские кабинеты, но при отсутствии каких-либо средств связи и коммуникации на огромных территориях с кочующим населением оказание планомерной систематической медико-санитарной помощи было невозможным [6, с. 577].

Более эффективной в таких условиях оказалась работа медицинских экспедиций (ГАХК. Ф. 35. Оп. 19. Д. 41, Л. 157). Их целью было изучение существующего медицинского обслуживания, состояния больниц, наличия квалифицированных кадров, обеспеченности медикаментами, а также проведение осмотра жителей на наличие заболеваний, исследование быта и условий жизни. Хотя экспедиции и не были высокоорганизованными (не все желали ехать на Крайний Север), тем не менее они имели большое значение, так как помогли сделать серьезные научно-практические выводы не только о состоянии здравоохранения, но и об условиях жизни аборигенного населения.

В 1947–1948 гг. в целях обследования малочисленных этносов дальневосточного региона в отдаленные районы были направлены медицинские экспедиции. Система здравоохранения и санитарно-гигиенического обслуживания только начинала налаживаться, не хватало ни оборудования, ни квалифицированных кадров, поэтому для анализа существующей медико-санитарной ситуации и оказания необходимой помощи в северные районы Дальнего Востока, а именно на Чукотку и Камчатку, были направлены специалисты Хабаровского медицинского института и Крайздравотдела (ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 105).

Одна из крупнейших экспедиций была направлена в Чукотский национальный округ. В июне 1947 г. в поселок Анадырь прибыла комплексная медицинско-паразитологическая экспедиция Министерства здравоохранения РСФСР во главе с кандидатом медицинских наук товарищем Коссовым в следующем составе: фтизиатр, окулист, кожно-венеролог, рентгенолог, рентгенотехника, врач-лаборант, лаборант. Экспедиция имела целью обследование определенного количества местного населения с целью изучения его физического состояния, проверки медицинских учреждений, оказания им на месте практической помощи. Свою работу экспедиция начала с поголового обследования местного населения поселка Анадырь. Была проведена туберкулиновая проба среди всех учащихся средних школ, педучилища, школы колхозных кадров и работников колхоза им. И.В. Сталина [1, с. 15].

В результате были обследованы больницы поселков Анадырь, Комбинат и залива Лаврентия, кроме того – ряд фельдшерских пунктов. Врачи, фельдшера и заведующие райздравотде-

лами были проконсультированы по ряду специальных вопросов и вопросов администрирования. Рекомендации относительно последних не всегда можно было провести в жизнь, так как они не соотносились с практическими возможностями местных учреждений здравоохранения. Например, Коссов настаивал на том, чтобы в Окружной больнице было открыто родильное отделение из 6 палат, выделено 2 палаты для туберкулезных больных, 2 хирургические палаты, 2 детские палаты, палата-изолятор (всего 14 палат). Больница же располагала помещением из 5 палат на 15 коек (ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 280. Л. 8).

Анализ научных отчетов экспедиций позволил констатировать тот факт, что сеть здравоохранения, как и в довоенный период, находилась в неудовлетворительном нестабильном состоянии и не могла осуществлять систематическую работу. Фактически до 1947–1948 гг. развитием здравоохранения на Чукотке в плановом порядке не занимались. Медицинские учреждения, особенно фельдшерские пункты, на протяжении многих лет открывались и закрывались в зависимости от наличия помещений и кадров. Многие годы здравоохранением руководили люди, не имевшие ничего общего с медициной и всегда по совместительству. Например, обязанности заведующего Окрздравом исполняли заведующие Собесом (ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 2. Д. 280. Л. 11). Такая ситуация привела к тому, что до 1947 г. не было никаких данных о здравоохранении, по которым можно было бы судить о заболеваемости, смертности, лечебно-профилактических мероприятиях. В окрздраве и райздравах имелись отрывочные, разрозненные сведения, составленные безграмотно и вызывающие сомнение в своей подлинности. Из 38 фельдшерских пунктов не более 10 имели свои помещения, а 30% – 55% из них совершенно не имели их, остальные находились в школах, торговых базах и сельсоветах. Ни одна больница не имела инфекционных изоляторов, санитарно-эпидемиологические станции существовали номинально. Больницы размещались в непригодных зданиях, жилищного фонда здравотделы также не имели [3].

Медицинские пункты района не были обеспечены медикаментами и перевязочным материалом. Особенно остро ощущался недостаток сульфамидных препаратов, противочесоточных мазей и основы для их изготовления, а также ваты, марли, бинтов и т. д. Остро ощущалось

отсутствие стекол для очков: экспедицию буквально осаждали чукчи и эскимосы, требующие очки. Медицинские учреждения были слабо обеспечены топливом, нередко не на чем было приготовить еду для больных. Несмотря на рост ассигнований на здравоохранение, на хозяйственные расходы, включая топливо, выделялась сравнительно малая сумма. Так, на хозяйственные расходы на целый год по всем фельдшерским пунктам в 1947 г. было ассигновано всего 1 500 р. В то время как на эту сумму можно было приобрести лишь 3 тонны угля, а для отопления только одного фельдшерского пункта требовалось 8 тонн, для всех фельдшерских пунктов требовалось 25 тонн, что в денежном выражении составляло 10 000 руб. (ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 280. Л. 35).

По итогам деятельности медицинских экспедиций была подвергнута анализу динамика численности аборигенного населения обследованных территорий, обобщены показатели основных эпидемиологических заболеваний и характер наиболее распространенных среди малочисленных этносов болезней, что стало важным информационным источником для последующей трансформации политики в сфере здравоохранения. Недостатком такой формы организации медицинского обслуживания было то, что экспедиции не могли постоянно оказывать врачебную помощь коренным малочисленным народам. При этом на отдаленных северных территориях эти специалисты зачастую оказывались единственными, кто мог провести первичное обследование и лечение. Эффективность лечения, проводимого передвижными отрядами, была очень низкой, так как оно не носило систематический характер. Деятельность медицинских экспедиций хотя и замедляла рост заболеваемости, не могла кардинально изменить эпидемиологическую ситуацию в национальных районах.

Поэтому во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. основная работа органов здравоохранения при участии советских и партийных органов власти сконцентрировалась на развитии сети медицинских и лечебно-профилактических учреждений. 15 декабря 1948 г. было издано постановление Совета Министров СССР № 4626 «О мерах помощи хозяйственному и культурному строительству в национальных округах и районах Крайнего Севера Хабаровского края» (ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 85. Л. 12), благодаря чему началось массо-

вое строительство медицинских учреждений. В частности в Корякском округе было возведено 2 туберкулезных диспансера на 30 мест. При поддержке краевых властей были созданы санитарно-эпидемиологические станции в бухтах Провидения и Угольной, а в крупных населенных пунктах Корякского и Чукотского национальных округов начали работу аптеки с бесплатным отпусканием лекарств для коренного населения. Также было намечено строительство 11 фельдшерско-акушерских пунктов, 5 из которых оказались на финансировании Главкамчатрыбпрома, а 6 содержались за счет местного бюджета. В 1949 г. в Колымском районе планировалось строительство 6 больниц, 12 фельдшерских пунктов, 14 амбулаторий, 1 противотуберкулезного пункта (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 49. Л. 21).

Местные предприятия и организации (колхозы, рыбокомбинаты, рыбозаводы) оказывали активную помощь в создании мощной медицинской базы в национальных районах края, что выражалось в строительстве и поддержании на должном уровне медицинских учреждений. Рост сети медицинских учреждений не мог предотвратить угрозу появления новых эпидемий в национальных районах края. Далеко не во все стойбища могли добраться медицинские экспедиции с целью вакцинации против дизентерии, паразитов и брюшного тифа (ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 54. Л. 341). Соблюдение санитарно-гигиенических норм в коммунальных, торговых и детских учреждениях особо не контролировалось, фактически не велась просветительная работа с коренным населением. Из-за отсутствия врачей-фтизиатров и туберкулезных стационаров сохранялся высокий уровень заболеваемости туберкулезом. К примеру, летом 1949 г. крайздоровом было осуществлено медицинское обследование малочисленных этносов Колымского района. Из 533 обследованных у 132 была выявлена активная стадия туберкулеза, из них у 118 – открытая форма (ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 49. Л. 29).

В начале 1950 г. возросло количество просьб с мест в Хабаровский крайисполком о совершенствовании медицинского обслуживания у аборигенного населения. В январе 1950 г. начальник Главного управления Дальстроя направил письмо в Хабаровский крайком, в котором указывались меры, предпринятые для строительства больниц, раскрывались результаты

медицинских экспедиций в Среднеканском и Ольском районах (ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 54. Л. 34). Особое внимание концентрировалось на сложностях в проведении профилактических мероприятий и нереальности осуществления всех мер по организации здравоохранения без мощной поддержки центральных властей.

С целью совершенствования медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания малочисленных этносов Дальнего Востока был принят ряд специальных постановлений по отдельным территориям. Основное внимание уделялось строительству новых объектов здравоохранения, которое осуществлялось с помощью министерств и ведомств, возглавляющих работу промышленных отраслей, доминирующих в конкретных национальных районах. Например, 19 октября 1950 г. было издано постановление Совета Министров РСФСР № 1190 «О мероприятиях по улучшению культурно-бытового обслуживания населения Камчатской области», где Министерству совхозов РСФСР и Министерству геологии РСФСР было предписано построить больницы на 10 мест для обслуживания аборигенного населения труднодоступных районов (ГАХК. Ф. 353. Оп. 6. Д. 200. Л. 16).

В 1950 г. в отдаленные районы были направлены 32 медицинских работника, а в 1951 г. – еще 50 врачей (ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 180).

С целью решения проблемы дефицита профессиональных медицинских кадров перед центральными и региональными органами власти возникла задача повышения плана набора абитуриентов из числа выпускников-аборигенов в высшие профессиональные и среднеспециальные учебные заведения. Бюро Хабаровского крайкома приняло решение создать подготовительные классы для представителей коренного населения по 20 чел. при фельдшерско-акушерской школе в г. Петропавловске-Камчатском и школе медсестер г. Николаевска-на-Амуре. Хабаровскому медицинскому институту было предписано включить в план набора студентов и затем принять на обучение 10 чел. из числа представителей коренного населения. Но в итоге к 1953 г. были подготовлены только 6 выпускников со среднеспециальным медицинским образованием и ни одного врача из числа представителей коренного населения (ГАХК. Ф. 35. Оп. 43. Д. 60. Л. 7).

Для борьбы с самой распространенной болезнью среди коренных малочисленных народов Дальнего Востока – туберкулезом – Мини-

стерством здравоохранения РСФСР в 1954 г. был выпущен приказ «Об обязательных противотуберкулезных прививках всем новорожденным детям и школьникам и проведении обследования на предмет заболевания туберкулезом» (ГАМО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 80. Л. 151). Так как жители Магаданской области особенно пострадали от целого ряда эпидемий, здесь были предусмотрены специальные меры.

Магаданский облисполком издал решение № 151 от 07.05.1956 «О состоянии и мерах улучшения охраны материнства и детства в национальных районах области». Домашние роды считались теперь недопустимым явлением, участники которого привлекались к уголовной ответственности (ГАМО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 80. Л. 151). Беременные женщины отправлялись в специально оборудованные пункты, где получали навыки правильного ухода за младенцами. Власти рекомендовали, чтобы мать и дитя в первый год жизни ребенка оставались под наблюдением специалистов. Такие меры вызвали широкие протесты из-за продолжительного отрыва матери от своей семьи, в то же время это позволило уменьшить детскую смертность.

Во второй половине 1950-х гг. были подведены итоги восстановительного периода после Великой Отечественной войны и намечены долгосрочные перспективы основных направлений национальной политики советской власти. Немаловажное значение в данной связи имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1957 г. № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» [8, с. 175]. Центральное место в документе занимал такой показатель качественного социально-экономического и социокультурного роста малочисленных этносов, как переход к оседлости. Благодаря изменениям образа жизни, культуры и быта, строительству благоустроенных поселков значительно улучшилась медицинская и культурно-просветительская работа среди коренного населения Дальнего Востока. Поэтому основное внимание акцентировалось на деятельности организаций и ведомств, отвечающих за отрасли торговли и здравоохранения, так как именно они могли существенно повлиять на изменение уровня жизни и благосостояния малочисленных этносов.

Проведенное накануне принятия постановления комплексное обследование коренного населения Комсомольского района выявило сложную эпидемиологическую ситуацию. Сохранялся

высокий уровень кишечных и легочных заболеваний, вызываемых отсутствием качественной питьевой воды и благоустроенного жилья. Несмотря на стабильно совершенствующуюся медико-профилактическую работу процент больных среди представителей малочисленных этносов оставался еще очень высоким. К примеру, в 1956 г. в Магаданской области было зарегистрировано 5 816 больных, в 1957 г. – 10 700, в 1958 г. – 12 290 (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 214. Л. 133). Особенно высокий уровень заболеваемости был отмечен в Чукотском национальном округе, где в 1956 г. отмечалось 844 случая, а в 1959 г. – 1 202. В то же время увеличение числа больных можно отнести не только на счет быстрого распространения заболеваний, но и на счет роста числа обследованных аборигенов.

Научные открытия и совершенствование системы здравоохранения предопределили успехи борьбы с эпидемиями и особо опасными инфекционными заболеваниями, а внедрение в практику сульфаниламидных препаратов и антибиотиков позволило получить быстрый и внушительный эффект в снижении смертности среди коренных народов Дальнего Востока. При относительно стабилизировавшемся количестве воспроизводства местного населения ведущей характеристикой демографической ситуации стали положительные показатели, характеризующие состояние здоровья и трудоспособность населения. Увеличилась средняя продолжительность жизни с длительным и почти полным сохранением общественно полезной активности, снизились заболеваемость и смертность коренного населения, что способствовало росту его численности [7, с. 105].

Государственные мероприятия середины 1940-х – конца 1950-х гг. по созданию и развитию системы здравоохранения были направлены на снижение инфекционной и общей заболеваемости коренного населения региона, совершенствование санитарно-гигиенических условий жизни. Огромное значение для улучшения медицинского обслуживания отдаленных районов Севера имели комплексные врачебные экспедиции и передвижные отряды. Было проведено углубленное научное исследование состояния здоровья коренных народов, выявлены и изучены широко распространенные среди аборигенов заболевания [4].

Началось строительство новых медицинских учреждений и проведение ремонта старых. Во многих населенных пунктах, где побывали экс-

педиции, состав медицинских работников был изменен и пополнен квалифицированными кадрами. Обеспечение медикаментами районов Севера существенно улучшилось и стало проводиться систематически. Еще одним положительным следствием медицинских экспедиций было то, что на их основе были изучены особенности быта и условия жизни малочисленных народов Севера (нравы, обычаи, одежда и питание).

Для организации медицинской базы в национальных округах прибегали к помощи предприятий и организаций региона. Колхозы, рыбзаводы и рыбокомбинаты помогали в постройке жилых помещений для аборигенного населения.

В итоге к началу 1960-х гг. благодаря проведенным мероприятиям вымирание коренных этносов Дальнего Востока было приостановлено, а их численность начала расти. Для повышения уровня здравоохранения в национальные округа правительством были направлены медицинские экспедиции, перед которыми стояли задачи не только улучшения здоровья аборигенов, но и изучения быта аборигенов в тесном контакте с ними [2, с. 65].

Политика государства в области здравоохранения малочисленных этносов, развивавшаяся в рамках концепции патернализма, была направлена на улучшение состояния здоровья традиционных этносов, совершенствование медицинского обслуживания и условий быта. Оборудованные в крупных поселках фельдшерские пункты, принятие родов в соответствующих санитарных условиях, уход за детьми, профилактика и лечение – все это существенно снизило уровень заболеваемости среди традиционных этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметова А.В. Деятельность научно-медицинских экспедиций по изучению здравоохранения коренного населения Дальнего Востока в конце 1940-х гг. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. Т. 2. № 4. С. 15–18.
2. Бобышев С.В., Ахметова А.В. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока на завершающем этапе социалистической модернизации (середина 50-х – середина 80-х гг. XX века). Хабаровск, 2008.
3. Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Издательство Европейского Дома, 1993.

4. Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

5. Козлов А.Г. Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки 1941 – 1945 гг. М.: Наука, 1984.

6. Народы Северо-Востока Сибири / под ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураева. М.: Наука, 2010.

7. Подмаскин В.В. Медико-демографические последствия этнокультурных контактов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. 2012. № 2. С. 102–110.

8. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». 16 марта 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. М.: Политиздат, 1984. С. 175–180.

REFERENCES

1. Akhmetova, A.V., 2010. Deyatel'nost' nauchno-meditsinskikh ekspeditsii po izucheniyu zdravookhraneniya korennykh naseleniya Dal'nego Vostoka v kontse 1940-kh gg. [The study of the indigenous health system in the Soviet Far East by medical research expeditions in the late 1940s], Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, Vol. 2, no. 4, pp. 15–18. (in Russ.)

2. Bobyshev, S.V. and Akhmetova, A.V., 2008. Korennye malochislennyye narody Dal'nego Vostoka na zavershayushchem etape sotsialisticheskoi modernizatsii (seredina 50-kh – seredina 80-kh gg. XX veka) [Indigenous peoples of the Soviet Far

East at the final stage of socialist modernization, mid-1950s – mid-1980s]. Khabarovsk. (in Russ.)

3. Vakhtin, N.B., 1993. Korenoe naselenie Krainego Severa Rossiiskoi Federatsii [Indigenous people of the Russian Far North]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Doma. (in Russ.)

4. Donskoi, F.S., 2006. Korennye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka vo vtoroi polovine XX v. [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of the XXth century]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (in Russ.)

5. Kozlov, A.G., 1984. Iz istorii zdravookhraneniya Kolymy i Chukotki 1941 – 1945 gg. [From the history of health system in Kolyma and Chukotka, 1941–1945]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

6. Bat'yanov, E.P. and Turaev, V.A. eds., 2010. Narody Severo-Vostoka Sibiri [The peoples of Siberian Northeast]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Podmaskin, V.V., 2012. Mediko-demograficheskie posledstviya etnokul'turnykh kontaktov korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Medical and demographic consequences of ethnocultural contacts of indigenous peoples of the Russian Far East], Vestnik DVO RAN, no. 2, pp. 102–110. (in Russ.)

8. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR «O merakh po dal'neishemu razvitiyu ekonomiki i kul'tury narodnostei Severa». 16 marta 1957 g. [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR «On measures for the further development of the economy and culture of the peoples of the North». March 16, 1957]. In: KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986). Т. 9. Moskva: Politizdat, 1984, pp. 175–180. (in Russ.)

А.В. Маклюков*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

В статье анализируются экономические исследования проблем электрификации народного хозяйства Дальнего Востока, проведенные в конце 1940-х – начале 1960-х гг. С началом практической реализации концепции хозяйственного освоения восточных территорий страны, деятельности комплексных экспедиций АН СССР и восстановления Дальневосточного филиала АН СССР в регионе стали проводиться экономические исследования академического уровня. Экономисты в 1950-е гг. изучили проблемы электрификации каждого субъекта Дальнего Востока, разработали проекты их энергообеспечения, подготовили десятки научных и аналитических докладов, коллективных трудов. Научные идеи, проекты и достижения 1950-х гг. позволили разработать государственную стратегию развития дальневосточной электроэнергетики на 1960–1980-е гг.

Ключевые слова: экономические исследования, электрификация, электроэнергетика, Дальний Восток, АН СССР

The economic studies of the problems of electrification of the Soviet Far East in the late 1940s - early 1960s. ALEKSEY V. MAKLYUKOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article analyzes economic studies of the problems of electrification of the Soviet Far East, conducted in the late 1940s and early 1960s. The beginning of the practical implementation of the economic development program for the eastern regions, the complex expeditions of the Academy of Sciences of the USSR and the restoration of its Far Eastern branch raised the economic studies in the region to the academic level. The economists of the 1950s studied the problems of electrification of all territories within the Soviet Far East, developed projects for their energy supply, and prepared dozens of scientific and analytical reports. Ideas, projects and research achievements of the 1950s made possible the formulation of the state strategy for the development of the Far Eastern electric power industry for the decades from the 1960s to the 1980s.

Keywords: economic studies, electrification, electric power industry, Soviet Far East, Academy of Sciences of the USSR

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что российское правительство в настоящее время пытается разработать новую оптимальную модель энергообеспечения социально-экономической системы Дальнего Востока для реализации программ ускорен-

* МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

© Маклюков А.В., 2019

ного развития региона в условиях глобальных изменений. В послевоенные годы перед государством также стояли проблемы энергообеспечения отдаленных от центра страны регионов Сибири и Дальнего Востока. Для разработки государственной стратегии ускоренного развития народного хозяйства восточных территорий СССР в конце 1940-х гг. потребовалось проведение экономических исследований проблем электрификации региона.

В данной статье предпринята попытка проанализировать экономические исследования проблем электрификации Дальнего Востока, проведенные в конце 1940-х – начале 1960-х гг., выявить направления и результаты исследовательских работ, их значение для разрабатываемой в рассматриваемый период государственной стратегии развития дальневосточной электроэнергетики на 1960-е – 1980-е гг.

Накопление научно-экономической информации по вопросам электрификации Дальнего Востока началось значительно позже, чем в центральной части страны. В 1924 г. вышла первая статья экономиста М.И. Целищева, посвященная данной проблеме, в которой автор отмечал следующее: «...В области электрификации наш Дальний Восток не подвергался никакому изучению, у нас нет совершенно никаких материалов» [12, с. 8]. В середине 1920-х гг. по мере разработки проблем долгосрочной колонизации региона на страницах журнала «Экономическая жизнь Дальнего Востока» экономисты и другие специалисты не раз поднимали вопрос электрификации. В частности, А.А. Петров отмечал, что неудовлетворительное состояние электрического хозяйства Дальнего Востока требовало его кардинальной перестройки, вплоть до полного воссоздания [7, с. 253].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. экономические изыскания по проблемам электрификации Дальнего Востока выполнялись учеными, инженерно-техническими специалистами и партийно-государственными работниками в рамках разработки плановых заданий и решения прикладных задач. Для индустриализации региона потребовались научно достоверные данные о его энергетических ресурсах, их количестве и качестве. Так, с мая по сентябрь 1931 г. на базе Дальневосточного политехнического института велись работы по составлению Генерального плана электрификации Дальневосточного края, в которых принимало участие 125 различных специалистов. Основное внимание в плане уде-

лялось проблеме электрификации юга Дальнего Востока, где концентрировалась промышленность и проживала большая часть населения. Ведущая роль в реализации Генплана отводилась гидроэлектростанциям (ГЭС), которые должны были вырабатывать более 40% региональной электроэнергии. Составители плана рассчитывали, что построенные в Приморье и в Хабаровском районе крупные энергообъекты будут соединены вместе в единую энергосистему. На практике же Генплан реализован не был [4, с. 81].

В 1930-е гг. экономические исследования на Дальнем Востоке осуществлялись разрозненными организациями и в основном специалистами, откомандированными из центра для работы над конкретными проектами. Экономическая информация накапливалась в подготовленных отчетах о работе экспедиций, технико-экономических докладах по различным проектам, в пояснительных и докладных записках, аналитических справках и т. д. Молодая дальневосточная наука в 1930-е гг. еще не встала во главе хозяйственного освоения региона. Проводимые исследования зависели от внешнеполитической ситуации и отношения политического центра к Дальнему Востоку. В конце 1930-х гг. из-за военной угрозы практически все региональные исследования были прекращены [3, с. 87].

Во второй половине 1940-х гг. происходит возврат к организации научно-исследовательской деятельности на Дальнем Востоке, однако специалистов, а главное – организаций, которые были в состоянии проводить крупномасштабные экономические исследования в регионе, не было. Для организации и проведения комплексных экспедиционных исследований на Дальнем Востоке принимается решение о привлечении сил Совета по изучению производительных сил Академии наук (СОПС АН) СССР и Госплана СССР, а также местных специалистов [2, с. 17]. В апреле 1947 г. СОПС АН СССР стал разрабатывать программу работы Дальневосточной комплексной экспедиции и ее групп. В программе ставилась задача комплексного изучения производительных сил региона, в первую очередь его богатейших природных ресурсов, в том числе энергетических (Российский государственный архив экономики, далее – РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 135. Л. 2).

В военные и послевоенные годы на Дальнем Востоке разразился энергетический кризис, вызванный дефицитом производства элект-

троэнергии по всем экономическим районам. Потребности народного хозяйства в электроэнергии удовлетворялись на 50%, а по показателям уровня электрификации регион к концу 1940-х гг. отставал в развитии более чем на 20 лет по сравнению с западными районами СССР [3, с. 258]. Созданная в годы индустриализации региональная энергетическая база полностью себя исчерпала. Внимание центра в большей степени было направлено на восстановление европейской части страны, и данная ситуация с энергетическим хозяйством беспокоила только дальневосточные власти. Так, в декабре 1948 г. председатель Хабаровского крайисполкома ВКП (б) Ф. Мамонов обратился в Совет министров СССР с просьбой решить проблему энергообеспечения г. Хабаровск, в котором «отключаются целые районы жилого массива, учреждения, предприятия, школы, больницы, чем дезорганизуется нормальная жизнь» (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 886. Л. 18).

В ноябре 1948 г. главный инженер районного энергетического управления (РУ) Дальэнерго (г. Владивосток) М.М. Козик направил в Министерство электростанций и Госплана СССР аналитическую записку «Наиболее рациональные пути развития энергетики Дальнего Востока». В ней он привел краткий экономический анализ состояния и дал перспективы развития электроэнергетики региона. На конкретных примерах автор доказывал, как нерационально устроено энергетическое хозяйство на Дальнем Востоке, которое тормозит все социально-экономическое и промышленно-технологическое развитие. «Мы покрываем спрос вчерашнего дня, запросы сегодняшнего дня остаются неудовлетворенными, а перспективы завтрашнего дня не учтены», – так М.М. Козик характеризовал государственную политику в сфере развития региональной электроэнергетики. Он предлагал полностью перестроить структуру местного энергохозяйства, взяв за пример Корею и Маньчжурию, где в 1930-х гг. для военно-промышленной инфраструктуры Японии за короткий срок создала из ГЭС крупную энергетическую базу, по мощности превышающую более чем в 10 раз все дальневосточные электростанции. «На мне, техническом руководителе системы Дальэнерго, лежит моральная ответственность как специалиста и гражданина СССР обеспечить правильное направление развития энергетики с учетом наиболее рациональных методов

получения дешевой электроэнергии, используя опыт советской и зарубежной практики», – отмечал автор записки (РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 14. Д. 10. Л. 108–179).

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. правительство вернулось к разработке широкомасштабной программы развития ведущих отраслей народного хозяйства Дальнего Востока: металлургии, угольной, судостроительной, лесной, рыбной промышленности, всех видов транспорта, сельского хозяйства. Большое внимание уделялось созданию новых транспортно-промышленных центров и освоению северных районов региона. В 1949 г. вышел ряд постановлений Совета министров СССР, обязывающих министерства и местные органы власти обеспечить подъем сельского хозяйства Амурской области, развернуть в Приморском и Хабаровском крае крупное промышленное и энергетическое строительство. Принятый пятый пятилетний план развития народного хозяйства Дальнего Востока 1951–1955 гг. намечал глубокую электрификацию промышленности, сельского хозяйства и транспорта, для чего требовалось строительство десятков новых крупных энергообъектов (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 886. Л. 13–17; РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 310. Л. 4, 22).

Итак, поставленная государством в конце 1940-х гг. задача ускоренного развития народного хозяйства Дальнего Востока потребовала проведения экономических исследований проблем электрификации региона. Однако специалистов, а главное, исследовательских организаций, которые были в состоянии осуществлять крупномасштабные экономические исследования, на Дальнем Востоке не было. Поэтому было принято решение об организации экспедиций силами Совета по изучению производительных сил Академии наук, к работе в которых привлекались местные специалисты [2, с. 17].

В 1950–1952 гг. отдел размещения социалистического производства Института экономики АН СССР совместно с СОПС АН СССР провел Дальневосточную экономическую экспедицию под руководством чл.-корр. АН УССР, д.э.н. Я.Г. Фейгина. Экспедиция изучила проблемы и перспективы развития отраслей тяжелой промышленности Дальнего Востока, в том числе электроэнергетики. Первым результатом работы стал подготовленный в июне 1952 г. отчет «Рабочий вариант предварительного развития производительных сил Дальнего Востока», в котором затрагивались некоторые проблемы

электрификации региона (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. Р-510. Оп. 5. Д. 44. Л. 1).

В 1952–1953 гг. по заданию Я.Г. Фейгина научный сотрудник Института экономики АН СССР, к.э.н. М.А. Виленский работал по теме «Проблемы электроэнергетики Дальнего Востока». Он изучил материалы РУ Дальэнерго, краевых и областных плановых комиссий, региональных отраслевых управлений, комбинатов и трестов промышленности, транспорта и коммунального хозяйства. Значительную помощь в работе по анализу энергоресурсов региона оказал М.М. Козик. Результатом исследований М.А. Виленского стала изданная в 1954 г. под грифом СОПС АН СССР и редакцией Я.Г. Фейгина монография «Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока» [1, с. 3–4].

В труде М.А. Виленского впервые комплексно раскрывалась проблема формирования и технико-экономического состояния энергетической базы Дальнего Востока, выявлялся уровень электрификации региональной экономики. Работа богата статистическим и аналитическим материалом. Автор выявил, что основная проблема электрификации Дальнего Востока заключалась в его огромной территории, которая неравномерно освоена в хозяйственно-экономическом отношении. Применительно к региону Виленский вводит понятие «энергетические узлы» – отдельные хозяйственные очаги, которые специализировались на определенных видах промышленного производства и имели собственные изолированные источники электроснабжения. В предложенной им перспективной схеме развития энергетики Дальнего Востока на 15–20 лет основной задачей выдвигалась централизация электроснабжения, соединение энергоузлов в энергорайоны для создания энергетических систем, которые в будущем свяжутся между собой линиями передач [1, с. 43, 73].

Помимо экспедиций, организованных СОПС АН СССР, проблемы развития экономики Дальнего Востока изучали и местные специалисты. В 1949 г. по ходатайству Президиума АН СССР восстанавливается Дальневосточный филиал (ДВФ) АН СССР во Владивостоке. В 1948–1951 гг. экономическими исследованиями занимался один научный сотрудник; в 1951–1953 гг. – экономическая группа из четырех человек. В 1953 г. в структуре филиала создается отдел экономики со штатом в пять человек (заведующий, к.э.н. П.В. Тарасов). Одним из

ведущих направлений отдела стала разработка проблем развития региональной электроэнергетики [10, с. 20].

В августе 1953 г. научный сотрудник отдела экономики В.Г. Черненко составил первую аналитическую записку «По вопросу развития энергетики Приморского края в 6-й пятилетке» для местных органов власти. В ней он отмечал, что на Дальнем Востоке преобладают бурые угли малой калорийности, они служат хорошим химическим материалом, но никак не топливом. Сжигание местных углей в котлах станций, по мнению автора, является «двойным преступлением», так как по весу требуется в два раза больше топлива, чем в других областях СССР, а добыча местного угля обходится в два раза дороже, чем в других регионах страны. Поэтому себестоимость производства электроэнергии в 4 раза выше в Приморье, чем в западных областях страны. Основной вывод работы – в регионе необходимо развивать гидроэнергетику, а не строить тепловые электростанции (ГАПК. Ф. Р-510. Оп. 5. Д. 62. Л. 4–10).

В 1954 г. отдел экономики под руководством П.В. Тарасова подготовил коллективную работу «Энергопотребление Приморского края в настоящее время и на перспективу 1955–1965 гг.». В ней давалась подробная характеристика изученных энергоресурсов края, в структуре которых, по подсчетам специалистов, 58,3% занимали гидроресурсы, 30,2% – уголь, 11,2% – дрова и 0,1% – торф. Отмечалось крайне слабое развитие электрификации и энергетической базы Приморья, к 1960 г. прогнозировался 50% дефицит производства электроэнергии. Для выхода из положения экономисты рекомендовали партийно-хозяйственным органам использовать богатые водные ресурсы края и построить Лужковскую гидроэлектростанцию на р. Уссури – первую на Дальнем Востоке. Только одна эта станция, по расчетам, позволяла экономить в год 1,5 млрд. руб. на производстве электроэнергии, сократить на 800 тыс. т потребление угля, уменьшить его перевозку на 40 тыс. вагонов железнодорожного транспорта в год, освободить от труда около 2 500 шахтеров и 2 000 работников транспорта (ГАПК. Ф. Р-510. Оп. 5. Д. 54. Л. 1, 37, 60).

Таким образом, на первом этапе специальных экономических исследований проблем электрификации региона в конце 1940-х – начале 1950-х гг. основным направлением являлось изучение вопросов размещения энергоресурсов

региона, оценка возможностей их использования и разработка вариантов развития региональной электроэнергетики. В то же время первые экономические исследования ограничивались в основном территорией Приморского края.

С середины 1950-х гг. происходит активизация научных исследований по всем регионам Дальнего Востока, вызванная началом практической реализацией концепции хозяйственного освоения восточных регионов страны и работой новых экспедиций СОПС АН СССР. Проблематика экономических исследований на Дальнем Востоке значительно расширялась. Тесное экономическое и научное сотрудничество между СССР и КНР позволило провести масштабную Амурскую комплексную экспедицию 1955–1960 гг. и консолидировать советских и китайских ученых в сфере изучения энергетических ресурсов Приамурья.

В конце 1950-х гг. также началась разработка долгосрочных планов развития народного хозяйства Дальнего Востока, была проведена реформа системы управления региональной экономикой и создание новых структур – Советов народного хозяйства (Приморского, Хабаровского, Амурского, Камчатского и Магаданского совнархозов) [6, с. 204]. Общегосударственная программа, осуществляемая на Дальнем Востоке, была направлена на дальнейшую индустриализацию региона, превращение его в топливно-энергетическую и минерально-сырьевую базу страны. Поэтому данный период характеризовался строительством мощных электростанций, линий передач и формированием новых районных энергетических систем – Хабаровскэнерго (1957 г.), Амурэнерго (1960 г.), Сахалинэнерго (1963 г.), Камчатскэнерго (1964 г.) (РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 43. Л. 1; Д. 15. Л. 1; Д. 180. Л. 1).

Значительный вклад в разработку стратегии развития электроэнергетики Дальнего Востока внесла Амурская комплексная экспедиция 1955–1960 гг. Решение об организации экспедиции принял Госплан СССР 25 мая 1955 г. Она создавалась для изучения широкого круга вопросов, связанных с проблемами развития экономики советского и китайского Приамурья. Важнейшими из этих вопросов являлись: 1) борьба с наводнениями, приносящими колоссальный ущерб народному хозяйству Амурской области, Хабаровского края и провинции Хэйлунцзян; 2) использование энергетических ресурсов бассейна р. Амур для развития про-

изводительных сил; 3) улучшение условий водного транспорта на Амуре; 4) использование сырьевых ресурсов Амура, цветных и редких металлов, лесного сырья, создание новых электростанционных комплексов; 5) развитие в Приамурье собственной продовольственной базы, освоение новых плодородных земель. Для решения этих вопросов необходимо было провести комплексные исследования: природоведческие, гидрологические, энергетические, экономические, водохозяйственные, транспортные. Совет министров СССР специальным постановлением от 21 сентября 1955 г. обязал СОПС АН СССР и ряд министерств провести исследования в Приамурье совместно с АН КНР. Руководителем Амурской комплексной экспедиции назначался старший научный сотрудник Энергетического института АН СССР им. Кржижановского, д.т.н. С.В. Клопов. В составе экспедиции создавался сектор экономики под руководством к.э.н. В.А. Шелест (Государственный архив Амурской области, далее – ГААО. Ф. Р-501. Оп. 8. Д. 6. Л. 1–3).

Амурская комплексная экспедиция проводила исследования в пограничных районах бассейна Амура, Приамурье и провинции Хэйлунцзян. В экспедиции принимали участие с советской стороны свыше 20 институтов АН СССР и крупных отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов, ведущих вузов страны. Совместно с учеными АН КНР исследования велись по 30 темам. Предварительные результаты работы докладывались на ежегодных сессиях объединенного ученого совета экспедиции, которые проходили в марте 1957 г. в Москве, в марте 1958 г. в Пекине и итоговый – в марте 1959 г. в Москве. По результатам работы Амурской экспедиции был составлен сводный научный отчет в 7 томах, опубликовано 7 крупных монографий, более сотни статей и докладов, составлены сотни карт, разработаны конкретные предложения по совместному развитию народного хозяйства и использованию ресурсов бассейна р. Амур (ГААО. Ф. Р-501. Оп. 8. Д. 6. Л. 4).

В 1957 г. на базе отдела экономики ДВФ АН СССР создается новый отдел гидроэнергетики и водохозяйственных проблем под руководством профессора, д.г.н. А.В. Стоценко. Научные сотрудники отделов экономики и гидроэнергетики ДВФ совместно с китайскими учеными проводили исследования в Амурской области. За разработку проблем стока рек Зеи

и Буреи профессор А.В. Стоценко и младший научный сотрудник А.А. Пелль были удостоены премии Президиума АН СССР [11, с. 11]. В 1958 г. по итогам работ была подготовлена «Схема комплексного гидроэнергетического использования р. Зея», в которой рекомендовалось первоочередное сооружение Зейской ГЭС – первой крупной гидроэлектростанции на Дальнем Востоке. Одним из важнейших результатов научных исследований отдела гидроэнергетики стало определение того, что в Амурской области сосредоточено свыше 80% всей гидроэнергии Дальнего Востока и использование этого потенциала поможет кардинально решить проблему электрификации региона (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 8. Д. 401. Л. 5; ГААО. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 3. Л. 40).

Собранный в ходе Амурской экспедиции материал по энергетическим ресурсам Приамурья послужили основой для разработки советскими и китайскими учеными в 1958–1959 гг. проекта Единой энергосистемы бассейна Амура (ЕЭС Амура). Работы по составлению советской части проекта выполнялись под руководством экономистов В.А. Шелест и В.И. Попова. Основная идея проекта заключалась в том, чтобы, с одной стороны, используя мощную энергетическую базу Северо-Востока КНР, преодолеть дефицит в электроэнергии на юге Дальнего Востока, с другой – за счет совместного с КНР строительства новых мощных ГЭС в бассейне Амура обеспечить дешевой электроэнергией советскую и китайскую часть Приамурья. Согласно экономическим расчетам, реализация проекта ЕЭС Амура на советской территории планировалась в два этапа: первый этап – 12–15 лет (строительство ГЭС на Зее, Бурее и Амуре, соединение энергосистем Дальнего Востока с Северо-Востоком КНР); второй этап – 18–20 лет (ввод в эксплуатацию построенных ГЭС и создание ЕЭС бассейна Амура). Стоимость реализации проекта оценивалась в 17 млрд. руб., из которых 14 млрд. расходовались на строительство станций и 3 млрд. на линии передач. При этом от крупнейших ГЭС в верховье Амура значительно выигрывала КНР, которая должна была получать свыше 60% производимой на территории СССР электроэнергии (РГАЭ. Ф. 399. Оп. 2. Д. 171. Л. 54–63).

В работах по проекту ЕЭС Амура в основном отмечались только положительные последствия его реализации. Экономический эффект, по мнению советских специалистов, заключал-

ся в том, что в Приамурье создавалась надежная энергосистема с резервом мощностей, которая позволяла в разы снизить расходы на производство электроэнергии и глубоко электрифицировать все отрасли народного хозяйства юга Дальнего Востока, создать новые энергоемкие виды производства.

На результаты научных исследований Амурской комплексной экспедиции повлияла проводимая в этот период политика СССР по оказанию многосторонней помощи Китаю и созданию мощного союзника в Азии. Проект ЕЭС Амура получил серьезную критику со стороны дальневосточных ученых. П.В. Тарасов, В.С. Турецкий, А.В. Стоценко, В.Г. Черненко и другие ученые ДВФ АН СССР в своих исследованиях отмечали, что московское руководство экспедиции сознательно, не менее чем на 30% завысило данные об энергетическом потенциале верхнего Амура и давало китайцам неверную информацию. Они предлагали отказаться от политики навязывания китайской стороне «мегапроектов» на Амуре, сосредоточить усилия на строительстве Зейской ГЭС и конкретном решении проблем электрификации региона (ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 22. Л. 18, 28, 30).

Во второй половине 1950-х гг. началась разработка долгосрочных прогнозов экономического развития северных регионов Дальнего Востока. В 1956–1958 гг. сектор природных ресурсов и экономики севера СОПС АН СССР провел комплексные экспедиции по изучению производительных сил Магаданской и Камчатской областей. Научные результаты этих экспедиций были отражены в нескольких коллективных монографиях, посвященных изучению направлений и составлению прогнозов развития экономик северных территорий региона. Важнейшей составляющей этих трудов стало освещение проблем их электрификации. Отмечалась, что успешная электрификация отраслей промышленности Магаданской и Камчатской областей в значительной степени зависела от снижения себестоимости производства местной электроэнергии. Достичь этого, по мнению экономистов, можно было несколькими путями: 1) централизацией электроснабжения; 2) строительством гидроэлектростанций (Колымской ГЭС); 3) строительством геотермальных электростанций (Камчатка); 4) строительством атомных электростанций в районах, где полностью отсутствовали дешевые местные энергоресурсы (Чукотка) [5, с. 31; 9, с. 123, 136; 8, с. 163]. Та-

ким образом, разработанная в эти годы СОПС АН СССР стратегия развития электроэнергетики дальневосточного севера имела огромное значение, она была поддержана правительством и в последующие годы реализована.

В 1959–1961 гг. в СССР на всех уровнях планово-хозяйственных органов власти началась разработка государственной стратегии развития электроэнергетики, как отдельных районов, так и всей страны в целом. 26–28 ноября 1959 г. в Москве Министерство строительства электростанций СССР провело Всесоюзное совещание по энергетическому строительству, объявившее о начале составления «Перспективного плана электрификации страны на 15–20 лет», своего рода ГОЭЛРО-2. На совещании выступил Н.С. Хрущев, который отметил: «Перспективный план электрификации страны на 15–20 лет, как и перспективный план развития народного хозяйства страны на тот же срок, должны стать главным стержнем нашей программы коммунистического строительства» [13, с. 11].

Следует отметить, что первыми к разработке стратегии развития региональных энергосистем на десятилетия, планам электрификации промышленной, транспортной, городской и сельской инфраструктуры приступили местные органы власти. При совнархозах создавались технико-экономические советы, в структуре которых работали секции энергетики. Например, в секцию энергетики Приморского совнархоза в 1958 г. входило 47 специалистов – партийные работники, руководители и главные инженеры энергетических предприятий, научные сотрудники отделов экономики и гидроэнергетики ДВФ АН СССР, преподаватели кафедры «Электрические станции» Дальневосточного политехнического института и других организаций. Заседания секции энергетики происходили ежеквартально, иногда и чаще. На них обсуждались как текущие проблемы развития отрасли, так и проекты, схемы и долгосрочные планы электроснабжения районов Приморского края. Часто на заседаниях выступал к.э.н. П.В. Тарасов, который докладывал о результатах исследований отдела экономики по проблемам электрификации региона (ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1334. Л. 32).

В 1960 г. проектные институты Министерства строительства электростанций СССР, Теплоэнергопроекта и Гидроэнергопроекта с привлечением специалистов других научно-исследовательских организаций приступили к подготовке материалов к плану электрифика-

ции страны. Согласно разрабатываемой правительством государственной стратегии развития электроэнергетики, в СССР планировалось создание 12 объединенных энергетических систем (ОЭС), в числе которых – ОЭС Забайкалья и Дальнего Востока. Самая восточная энергосистема страны должна была охватить территорию протяженностью в 4 000 км от Байкала до Тихого океана (Бурятскую АССР, Читинскую и Амурскую области, Хабаровский и Приморский края) (ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1326. Л. 4).

СОПС АН СССР совместно с Энергетическим институтом, Сибирским отделением и ДВФ АН СССР в 1960–1961 гг. сфокусировали научно-исследовательскую работу на теме «Перспективы развития электроэнергетики Забайкалья и Дальнего Востока на 1960–1980 гг.». 19–21 апреля 1960 г. СОПС провел в Москве расширенное совещание, специально посвященное проблеме электрификации восточных территорий СССР. На нем отмечалось, что подъем экономики Дальнего Востока возможен только благодаря опережающему развитию энергетической базы. Перед экономистами ставилась задача подготовить план развития региональной электроэнергетики на генеральную перспективу 1960–1980 гг. исходя из условий ускоренного развития экономики восточных районов страны. В качестве основного направления совещание рекомендовало ориентироваться на развитии гидроэнергетики и в своей резолюции предлагало правительству немедленно приступить к строительству Зейской ГЭС в Амурской области (ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 203. Л. 1, 7, 12).

7–8 июня 1960 г. в Хабаровске состоялось совещание, посвященное перспективам развития электроэнергетики и электрификации Забайкалья, Якутии и Дальнего Востока. На региональном уровне впервые со времен работы комиссии по составлению Генплана электрификации 1931 г. было собрано более ста специалистов, в том числе руководителей субъектов восточных районов страны, энергосистем, научно-исследовательских и проектных институтов, филиалов АН СССР и проектных организаций.

На хабаровском совещании отмечалось, что уровень развития энергетики Забайкалья и Дальнего Востока продолжает отставать от уровня развития энергетики страны на 20–25 лет. Эта проблема не позволяла комплексно развивать народное хозяйство дальневосточных районов, приводила к необходимости

завоза многих видов продукции из Сибири и центра и к дороговизне производства местной продукции. Докладчики, в частности С.Н. Бояршинов (Теплоэнергопроект) и А.А. Кузнецов (Ленгидэп), предлагали властям ориентироваться на уже разработанный Амурской экспедицией проект ЭЭС Амура, построить совместно с КНР ряд ГЭС на р. Амур и довести баланс гидроэнергетики региона к 1980 г. до 50%, как это планировалось сделать в центральной Сибири. В ходе обсуждения этого вопроса развернулась серьезная дискуссия, П.В. Тарасов при поддержке коллег отстаивал другую стратегию, подчеркнув, что «вопрос о строительстве ГЭС на р. Амур сложный и зависит от решений правительств СССР и КНР. Необходимо учитывать в перспективном плане Зейскую, Желундинскую (Бурейскую – *прим. авт.*) и Лужковскую ГЭС, также с возможностью рассмотрения проектов ГЭС на реках Горин, Хор, Бикин и Иман». По итогам совещания Госплану и Совмину СССР рекомендовалось в 1962 г. приступить к строительству Зейской ГЭС (ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1326. Л. 4, 40, 106–109).

В 1961 г. в дальневосточных субъектах прошли региональные совещания-конференции, посвященные развитию производительных сил областей и краев, по результатам которых были утверждены перспективные планы развития местных экономик на 1961–1980 гг. В частности, в июне 1961 г. в Хабаровске прошло совещание, на котором работала секция топлива и энергетики, рассматривавшая перспективный план развития Хабаровской энергосистемы. Сплошную электрификацию Хабаровского края в 1961–1980 гг. планировалось реализовать в четыре этапа. На первом этапе (1961–1965 гг.) намечалось строительство крупных тепловых (угольных) электростанций (ТЭЦ, ГРЭС) и высоковольтных линий передач для соединения Хабаровской и Амурской энергосистем. На втором этапе (1966–1970 гг.) планировалось строительство Приморской ГРЭС и соединение Хабаровской и Приморской энергосистем. На третьем (1971–1975 гг.) – строительство крупных ГЭС на р. Бурее и совместно с КНР на р. Амур, а также соединение энергосистем Бурятской АССР, Читинской и Амурской области. На четвертом (1976–1980 гг.) – завершение строительства крупных ГЭС и ТЭЦ, линии передач Иркутск–Владивосток и образование единой энергосистемы Забайкалья и Дальнего Востока (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 325. Л. 11, 23–27).

В плане развития Хабаровской энергосистемы отмечалось, что к 1980 г. уровень централизованного энергообеспечения всех промышленных и сельскохозяйственных потребителей юга Дальнего Востока должен достигнуть 98%. В расчете также принималось, что каждая городская семья в регионе к 1975–1980 гг. будет иметь в своем распоряжении телевизор, холодильник, стиральную машину, радиоприемник и полный набор легких бытовых приборов (утюг, вентилятор, пылесос), а удельных расход электроэнергии увеличится с 850 до 1700 кВт*год на человека (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 325. Л. 27). Также на конференции в Хабаровске впервые рассмотрели перспективный план электрификации дальневосточной железной дороги. Эта магистраль играла ключевую роль в развитии дальневосточной экономики и выполняла транзитные функции в региональном, общероссийском и международном масштабе. Электрификацию железной дороги планировалось выполнить постепенно, по отдельным участкам и узлам, с 1962 по 1974 гг. При этом экономисты рассчитали, что электрификация 1 км дороги на Дальнем Востоке обойдется дороже в 2,4 раза, чем в среднем по РСФСР (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 327. Л. 12, 15).

В июле 1961 г. в Благовещенске прошла аналогичная региональная конференция, которая приняла перспективный план развития энергетики Амурской области. Он также состоял из четырех этапов, на первом намечалось строительство Зейской ГЭС, на втором – Бурейской ГЭС и высоковольтных линий электропередач (1030 км), на третьем и четвертом – совместно с КНР Кузнецовской и Благовещенской ГЭС на р. Амур. На Амурскую энергосистему с ее колоссальным гидроэнергетическим потенциалом возлагалась огромная задача как по энергообеспечению всего юга региона, так и по созданию ОЭС Забайкалья и Дальнего Востока (ГАО. Ф. Р-501. Оп. 8. Д. 16. Л. 15–20).

В Приморском крае, в отличие от других субъектов Дальнего Востока, разработать стратегию развития региональной энергетики на генеральную перспективу оказалось не просто. В феврале 1961 г. – октябре 1962 г. секция энергетики технико-экономического совета Приморского совнархоза провела множество заседаний, посвященных рассмотрению отдельных проектов и схем, разработанных учеными ДВФАН СССР совместно с другими проектными организациями. Приморские экономисты пред-

лагали комплексный подход к решению водохозяйственных и энергетических проблем края и настаивали на строительстве водохранилищ и ГЭС на реках Усури, Иман и Суйфун, включении этих объектов наряду с Приморской ГРЭС и Владивостокской ТЭЦ-2 в стратегию развития приморской энергетики. В частности, на заседании 6 февраля 1961 г. П.В. Тарасов отмечал: «Экономический эффект от предлагаемых проектов заключается в снижении в 2–3 раза себестоимости производства электроэнергии в крае, что будет выгодно для развития народного хозяйства. Ввод ГЭС в эксплуатацию позволит улучшить качественные показатели электроэнергетики и создать новые отрасли производства». Эти предложения поддерживал управляющий Дальэнерго М.М. Козик: «Если реализовать данную схему электроснабжения края, то можно импортировать электроэнергию в Хабаровский край, Амурскую область и в КНР. Можно защитить от наводнения 437 000 га плодородных земель, создать крупное механизированное сельское хозяйство в крае, что даст экономике ежегодный прирост чистого дохода от реализации продукции в 127 млн. руб.» (ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1578. Л. 10, 18, 23).

Предложенные экономистами планы электроснабжения Приморского края за счет строительства ГЭС в конечном итоге нашли поддержку у местных властей. В проекте постановления Бюро Приморского крайкома КПСС и исполкома краевого Совета народных депутатов края, подготовленного в октябре 1962 г., отмечалась важность регулирования и комплексного использования бассейнов Усури и Суйфун. Местные партийно-хозяйственные органы обратились в Совет министров РСФСР с просьбой включить в план строительства гидроузла на р. Усури в 1965 г. (ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1578. Л. 205–207).

В связи с резким ухудшением советско-китайских отношений в начале 1960-х гг. правительство СССР полностью пересмотрело стратегию развития электроэнергетики на Дальнем Востоке. В генплан вошли практически все ранее предложенные специалистами тепловые электростанции, но проекты строительства ГЭС на южных пограничных участках рек Амур и Усури полностью исключались. Дальнейшие расчеты в создании ОЭС Забайкалья и Дальнего Востока производились без них. Электроэнергетика Хабаровского и Приморского края в 1960-е – 1980-е гг. развивалась в

традиционном теплоэнергетическом направлении. Из числа предложенных объектов ГЭС в Амурской области правительство 8 июля 1962 г. включило в стратегию Зейскую ГЭС, строительство которой началось в 1965 г. (ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 13. Л. 13; Ф. Р-2097. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Позже началось проектирование и строительство Бурейской ГЭС. В последующем эти гидроэлектростанции надежно обеспечили электроэнергией регионы юга Дальнего Востока. Что касается разработок и предложений конца 1950-х гг. по развитию электроэнергетики северных территорий региона, то они практически полностью вошли в госпрограмму строительства электростанций и линий передач.

Следует отметить, что в дальнейшем проблемы электрификации Дальнего Востока продолжали исследоваться группой лабораторий отдела экономики ДВФ (СО) АН СССР во Владивостоке в рамках развития топливно-энергетического комплекса региона по направлению теплоэнергетика. Вопросы электрификации северных территорий продолжали изучаться СОПС АН СССР, затем Госпланом СССР, Центральным экономическим НИИ Госплана РСФСР и другими институтами и проектными организациями. Результаты научно-исследовательских работ обобщались и обсуждались на конференциях различного уровня, рекомендации и предложения по их итогам рассматривались партийно-хозяйственными органами. Но в 1970-е – 1980-е гг., в отличие от 1950-х – начала 1960-х гг. предложения ученых оставались без должного внимания и уже слабо влияли на государственную политику в сфере развития электроэнергетики Дальнего Востока.

Таким образом, с началом практической реализации концепции хозяйственного освоения восточных территорий страны, деятельности комплексных экспедиций АН СССР и восстановления Дальневосточного филиала АН СССР в регионе стали проводиться экономические исследования академического уровня. Экономисты в 1950-е гг. изучили проблемы электрификации каждого субъекта Дальнего Востока, разработали проекты их энергообеспечения, подготовили десятки научных и аналитических докладов, коллективных трудов. В научных работах, практических рекомендациях и озвученных на разных уровнях докладах экономисты отразили основные проблемы электрификации региона и предложили варианты их решения, отдавая приоритет развитию гидроэнергетики.

Они считали, что путем снижения себестоимости производства электроэнергии можно успешно развивать дальневосточную индустрию. Научные идеи и достижения 1950-х гг. имели большое значение для разработки государственной стратегии развития дальневосточной электроэнергетики на 1960-е – 1980-е гг. Несмотря на то, что стратегия под влиянием внешнеполитического фактора значительно изменилась, она сохранила в себе многие проекты 1950-х гг., которые в последующем были реализованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. Демьяненко А.Н. 50–60-е гг.: исследования экономики Дальнего Востока в контексте «хрущевских» реформ // Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 5. Региональные экономические исследования в 50-е – 60-е годы XX в. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. С. 14–22.
3. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2018.
4. Маклюков А.В. «Дальневосточный ГОЭЛРО». Из истории планирования электрификации Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1930-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 75–83.
5. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Резин О.М., Шенгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 7–33.
6. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4). Владивосток: Дальнаука, 2009.
7. Петров А.А. Общие предпосылки капитального строительства промышленности на десятилетие 1926–36 гг. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 1–2. С. 249–260.
8. Проблемы развития производительных сил Камчатской области. М.: АН СССР, 1960.
9. Проблемы развития производительных сил Магаданской области. М.: АН СССР, 1961.
10. Тарасов П.В. О работе отдела экономики Дальневосточного филиала АН СССР // Вопросы экономики Дальнего Востока. Т. I. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1958. С. 20–33.
11. Тарасов П.В., Быков В.Т. Научные исследования Дальневосточного филиала АН СССР

и их экономическая эффективность // Вопросы экономики Дальнего Востока. Т. I. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1958. С. 5–19.

12. Целищев М.И. К вопросу об электрификации Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 7. С. 8–15.

13. Хрущев Н.С. Претворение в жизнь ленинских идей электрификации страны – верный путь к победе коммунизма: речь на Всесоюз. совещании по энерг. строительству 28 ноября 1959 г. М.: Госполитиздат, 1959.

REFERENCES

1. Vilenskii, M.A., 1954. Problemy razvitiya elektroenergetiki Dal'nego Vostoka [The problems of the development of electrical power engineering in the Soviet Far East]. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1954. (in Russ.)
2. Dem'yanenko, A.N., 2012. 50–60-e gg.: issledovaniya ekonomiki Dal'nego Vostoka v kontekste «khrushchevskikh» reform [The 1950s and 1960s: the studies of the economy of the Soviet Far East in the context of Khrushchev's reforms]. In: Antologiya ekonomicheskoi mysli na Dal'nem Vostoke. Vyp. 5. Regional'nye ekonomicheskie issledovaniya v 50-e – 60-e gody XX v. Khabarovsk: IEI DVO RAN, 2012, pp. 14–22. (in Russ.)
3. Maklyukov, A.V., 2018. Elektrifikatsiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX vv.) [Electrification of the Russian Far East, late XIXth – mid-XXth century]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. fed. un-ta. (in Russ.)
4. Maklyukov, A.V., 2015. «Dal'nevostochnyi GOELRO». Iz istorii planirovaniya elektrifikatsii Dal'nego Vostoka v seredine 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [Far Eastern GOELRO plan: from the history of the plans on electrification of the Soviet Far East in the mid-1920s and early 1930s], Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya, no. 4, pp. 75–83. (in Russ.)
5. Minakir, P.A., Dem'yanenko, A.N., Rezin, O.M. and Shengauz, A.S., 2006. Ekonomicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii [Economic studies in the Russian Far East], Prostranstvennaya ekonomika, no. 3, pp. 7–33. (in Russ.)
6. Mir posle voiny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 4) [The world after the war: the people of the Soviet Far East, 1945 – the 1950s (The history of the Russian Far East. Vol. 3. Book 4)]. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. (in Russ.)
7. Petrov, A.A., 1927. Obshchie predposylki kapital'nogo stroitel'stva promyshlennosti na

desyatiletie 1926–36 gg. [General prerequisites of capital industrial construction for the decade of 1926–1936], *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, no. 1–2, pp. 249–260. (in Russ.)

8. Problemy razvitiya proizvoditel'nykh sil Kamchatskoi oblasti [Problems of productive forces development of Kamchatka region]. Moskva: AN SSSR, 1960. (in Russ.)

9. Problemy razvitiya proizvoditel'nykh sil Magadanskoi oblasti [Problems of the productive forces development of Magadan region]. Moskva: AN SSSR, 1961. (in Russ.)

10. Tarasov, P.V., 1958. O rabote otdela ekonomiki Dal'nevostochnogo filiala AN SSSR [On the work of the Economy department of the Far Eastern branch of the USSR Academy of Sciences]. In: *Voprosy ekonomiki Dal'nego Vostoka*. T. I. Blagoveshchensk: Amurskoe knizhnoe izd-vo, 1958, pp. 20–33. (in Russ.)

11. Tarasov, P.V. and Bykov, V.T., 1958. *Nauchnye issledovaniya Dal'nevostochnogo filiala*

AN SSSR i ikh ekonomicheskaya effektivnost' [Research studies of the Far Eastern branch of the USSR Academy of Sciences and their economic efficiency]. In: *Voprosy ekonomiki Dal'nego Vostoka*. T. I. Blagoveshchensk: Amurskoe knizhnoe izd-vo, 1958, pp. 5–19. (in Russ.)

12. Tselishchev, M.I., 1924. K voprosu ob elektrifikatsii Dal'nego Vostoka [On the issue of electrification of the Soviet Far East], *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, no. 7, pp. 8–15. (in Russ.)

13. Khrushchev, N.S., 1959. Pretvorenie v zhizn' leninskikh idei elektrifikatsii strany – vernyi put' k pobede kommunizma: rech' na Vsesoyuz. soveshchaniy po energ. stroitel'stvu 28 noyabrya 1959 g. [The implementation of Lenin's ideas of the country's electrification is the right way to the victory of communism: a speech at the All-Union meeting on energy construction on November 28, 1959]. Moskva: Gospolitizdat. (in Russ.)

УДК 101.3

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/108-112

И.И. Докучаев*

ОЧЕВИДНОСТЬ И КОНСТРУКЦИЯ: ВИДЫ И КРИТЕРИИ ДЕМАРКАЦИИ

В статье исследуются критерии демаркации очевидности и конструкции, а также предлагается классификация типов очевидности и конструкции. Очевидность и конструкция рассматриваются как две важнейшие формы бытия, которое представляет собой отношение сознания и мира. Под очевидностью понимается совпадение истины и бытия, под конструкцией – деятельность по расширению сферы очевидности. Выделяются следующие типы очевидностей: интуитивные очевидности (очевидность ощущения; очевидность памяти; очевидность воображения; очевидность эмоции) и дискурсивные очевидности (очевидность рефлексии; очевидность рассуждения; очевидность истины образа; очевидность истины высказывания). Выделяются следующие типы конструкций: рефлексивные конструкции (ценностные конструкции; художественные конструкции; когнитивные конструкции) и трансформационные конструкции (антропные конструкции; социальные конструкции; вещественные конструкции).

Ключевые слова: очевидность, конструкция, бытие, истина, онтология, теория познания

Evidence and construction: types and criteria of demarcation. ILYA I. DOKUCHAEV (Herzen State Pedagogical University of Russia)

The article investigates the criteria for the demarcation of evidence and construction and proposes a classification of their types. Evidence and construction are considered as the two most important forms of being, which is a relation of consciousness and the world. Evidence refers to the coincidence of truth and being, while construction refers to activities aimed at expanding the scope of evidence. The author identifies such types of evidence as intuitive evidence and discursive evidence, and such types of constructions as reflective constructions and transformational constructions.

Keywords: evidence, construction, being, truth, ontology, theory of knowledge

Цель настоящей статьи – сформулировать очевидности и конструкции – двух ключевых ключевые понятия онтологического и гносеологического дискурса в контексте демаркации состояний бытия и познания. Поиск очевидности – важнейшая задача философии, которую

* ДОКУЧАЕВ Илья Игоревич, доктор философских наук, заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

© Докучаев И.И., 2019

решали все крупнейшие метафизики, начиная с первых греческих школ и заканчивая современной аналитической философией. Поиск того, что такое бытие, подлинное бытие, истина о бытии – этот поиск был смыслом философии всегда. Что же противостояло бытию? Прежде всего, небытие. Однако о небытии невозможно что-либо говорить, следовательно, его нельзя выбрать в качестве альтернативы бытию или можно представить себе бытие как рубрику, для которой бытие и небытие выступают своеобразными режимами. Противоречие при этом не удастся снять даже путем хитросплетений диалектики Платона или Гегеля [5; 3]. Аристотелевская оппозиция сущего в действительности и в возможности – логически более приемлемый ход, однако возможность оказывается только еще одним способом говорить о бытии, небытие остается и здесь закрытым для обсуждения [1].

Понятие конструкции, на мой взгляд, более адекватный способ говорить о формах бытия, которые оказываются с тем или иным дефектом. Конструкция – это не только ложь и не просто ложь. Конструкция – это способ расширить очевидность, структурировать ее, анализировать и синтезировать. Конструкция – это порядок бытия, его пассивный и активный синтез, это есть своего рода сознательная жизнь бытия. Очевидность же есть исходный и подлинный смысл бытия как данности сознанию. Бытие есть отношение между предметами, а сознание – способ этого отношения. Порядок и единство этого порядка, которые задают отношение между предметами, я называю сознанием, или «Я». О «Я» можно говорить двояко. Первый способ – это порядок бытия. А второй – это конкретный порядок, связанный с ролью в этом порядке воплощенного «Я». В первом случае «Я» синонимично всему объему реальности, во втором – только конкретной биографии воплощенного в собственном теле «Я». Между этими «Я» сложные отношения. Даже Фихте не смог описать эти отношения адекватно [6]. С одной стороны, второе «Я» зависит от первого, так как является его частью, но с другой стороны – все наоборот, так как реальность оказывается сконструированной биографией воплощенного «Я». «Я» оказывается и очевидной данностью собственной реальности, и сконструированным предметом.

Вместе с тем задача демаркации очевидности и конструкции была сформулирована только в XIX в. благодаря усилиям неокантианцев

и феноменологов. Решение задачи заключается не в том, чтобы раз и навсегда раскрыть все формы очевидности и конструкции, а также понять критерии их различения, а в том, чтобы предложить исходные понятия для обсуждения и задать процесс обсуждения проблемы. В настоящей статье я предложу такие понятия и логику обсуждения исходя из гипотезы, согласно которой исходной очевидностью выступает бытие «Я», понимаемое как отношение между различными предметами этого бытия. Однако в ходе анализа содержания этой очевидности выяснится, что в значительной мере она сконструирована. Основные формы этой конструкции я и попытаюсь показать.

Под очевидностью я понимаю совпадение истины и бытия. Очевидность есть такое состояние бытия, которое устанавливается в результате переживания как подлинное или в результате сомнения как истинное. Первой формой очевидности оказывается подлинность. Подлинность устанавливается интуитивно, непосредственно, то есть в ходе переживания, рефлексия которого удостоверяет это переживание как подлинное, а не иллюзорное. Гегель в «Феноменологии духа» [3] показал, что такая очевидность оборачивается иллюзией, поскольку она расположена во временном потоке, который каждый момент настоящего превращает в прошлое, каждую подлинность – в иллюзию. Тем не менее, чем ближе наше ощущение к моменту настоящего, даже если он постоянно изменяется и его невозможно мыслить в рефлексии как таковой, тем не менее – близость к этому моменту наделяет переживание максимумом очевидности. Предметное содержание этого момента обладает наивысшим объемом свойств и непредсказуемости. Однако сомнительность бытия такой очевидности, устанавливаемая в рефлексии, заставляет говорить о том, что существует иная форма очевидности – подлинность рефлексии.

Рефлексивная очевидность стала ключевой темой философии благодаря радикальному сомнению Рене Декарта, который установил, что сомнение в существовании переживаемого мира невозможно устранить, однако сомнение в самом переживании, осуществляемое в рефлексии, противоречиво [2]. Невозможно сомневаться в сомнении, поскольку самим фактом осуществления сомнения я доказываю его несомненность. Очевидность непосредственности и предметного бытия ускользает в рефлексии, но

сам способ данности этих предметов, или сознание, выступающие как ощущение, память, фантазия, иллюзия, эмоция, как серия свойств предмета, упорядоченная сознанием, то есть конструктивная деятельность сознания, синтезирующая или анализирующая свою предметность, активно или пассивно конституирующая свойства и бытие своей предметности, иначе говоря, само «Я» не устранимо временем и рефлексией и очевидно. Рефлексивная очевидность не является интуитивной, ее надо получить в результате логической процедуры.

Эта очевидность – самая прочная, но и она обладает своеобразными дефектами. Первое, что можно сказать о ней, это то, что она может быть подвергнута сомнению на том же основании, что и непосредственная очевидность. Ибо схваченное в рефлексии сознание неподлинно, поскольку представляет собой прошлый факт. Прошлое всегда лишено подлинности. Даже если предмет теперь не выдает себя за объективно существующий, а связан с сознанием, это – мертвое сознание. Живое же сознание – это то, которое отдает себе отчет в этом, и оно не может быть осознано без того, чтобы не умереть, чтобы не перестать быть очевидным, чтобы не стать прошлым. Даже установление тождества всех уровней рефлексии не может решить этой проблемы. А вторая проблема – бедность достигнутого результата. Полученная в рефлексии очевидность почти не имеет содержания. В этом порядке сознания почти ничего не открыть, кроме того, что он существует. Иными словами, порядок без упорядочиваемого мира – ничто. Эдмунд Гуссерль, осознавший это на склоне лет, попытался придать сознанию характер исторического становления, трансцендентальному бытию вернуть историческое содержание [4]. Это порождает множество противоречий, разрешение которых невозможно.

Наконец, еще одной формой очевидности является логическая очевидность. Это очевидность аксиом, которые не нуждаются в доказательстве, и выведенных из них благодаря таким же очевидным правилам вывода теорем. Математическая, геометрическая, и всякая иная аксиоматика представляет собой особый случай очевидности, сомнение в которой невозможно, и приводит к построению некорректных конструкций. Однако эта очевидность обладает совершенно иной природой, нежели первые две. Она не интуитивна, или в значительной мере не интуитивна, это дискурсивная очевидность.

Это очевидность абстракции, которую можно назвать еще и сконструированной очевидностью. Здесь конструкция срастается с очевидностью настолько, что сама становится очевидностью. Но ее конструктивный характер остается и требует соотнесения с интуитивно данной переживаемой реальностью, реальностью данности.

И тогда происходит сопоставление высказывания и переживания. Собственно говоря, такое сопоставление возможно не только в форме отношения высказывания и переживания, но также и в форме отношения памяти и переживания, фантазии и переживания. Но в этих последних двух случаях сопоставляются две формы интуитивной очевидности. А в первом случае – интуитивная и дискурсивная очевидность. Истина традиционно считается совпадением высказывания и бытия, то есть результатом особого рефлексивного акта, в котором непосредственно переживаемое положение дел, или реальность, сопоставляется с высказыванием о нем или его образом, а затем устанавливается соответствие или несоответствие высказывания (образа) и бытия. Таким образом, возникает ложное или истинное высказывание о бытии, ложный или истинный его образ. Очевидность может быть подлинной или иллюзорной, конструкция – корректной или некорректной. Совпадение конструкций и очевидностей истинными или ложными.

Можно подвести первые итоги. Мы выделили несколько форм очевидностей.

Интуитивные очевидности:

- очевидность ощущения;
- очевидность памяти;
- очевидность воображения;
- очевидность эмоции.

Дискурсивные очевидности:

- очевидность рефлексии;
- очевидность рассуждения;
- очевидность истины образа;
- очевидность истины высказывания.

Интуитивные очевидности могут быть подлинными, а могут быть иллюзорными. Причем некоторые из них иллюзорными быть не могут, а только подлинными. Иллюзией может оказаться только очевидность ощущения. Дискурсивные очевидности могут быть корректными и некорректными, как очевидность рассуждения, а могут быть истинными или ложными, как очевидность истины образа или истины высказывания. Очевидность рефлексии – особый

случай. Она представляет собой своеобразный синтез интуиции и дискурса, и вряд ли у нее есть отрицательные варианты – вроде некорректных или иллюзорных. Она претендует на статус корректной и подлинной очевидности.

Теперь обрисуем характер и виды конструкций. В отличие от очевидного бытия сконструированное бытие есть результат активной деятельности «Я», который наталкивается на различные формы сопротивления и ограничивается ими, или не наталкивается и не ограничивается. Конструкция достраивает очевидность, придает ей характер упорядоченности и целостности, и поэтому она является неотъемлемым свойством самой очевидности, поэтому очевидность без конструкции не существует. Однако и конструкция соотносена с очевидностью и отталкивается от нее. Даже в тех случаях, когда конструкция ничем не ограничивается, она оказывается в некоторой зависимости от очевидности, указывает на нее и сопоставляется с ней. Роль конструкций чрезвычайно высока уже в такой форме, как очевидность воображения. Фактически можно говорить, что воображение может выступать как чистая конструкция, а может как конструируемая очевидность. Речь идет, с одной стороны, о фантазии, а с другой – о предвосхищении разворачивающегося во времени предмета.

Конструкции я предлагаю различать прежде всего по тому, каким образом осуществляется конструирование – в мире образов и идей, или в мире вещей. В первом случае конструирование будет своеобразным удвоением мира очевидности, его рефлексией. Во втором случае конструирование будет трансформацией мира очевидности, вмешательством в ее ход. Рефлексивное конструирование осуществляется как познание, творчество и ценностная ориентация. Рефлексивное конструирование предполагает точное воспроизведение мира в непротиворечивой системе понятий и моделей, целостное воспроизведение мира в острающем его образе, моделирование мира в системе его идеалов, упорядоченных вокруг ключевого центра – смысла жизни. Трансформационное конструирование осуществляется как конструирование «Я» и «Другого», конструирование институтов взаимодействия «Я» и «Другого», конструирование вещей. Отношение «Я» к самому себе и к «Другому», упорядочивание этого отношения с помощью языка и социальных институтов, создание благоприятного веще-

ственного окружения, включающего ландшафт, орудия труда, жилище, одежду, пищу, определяет различные формы трансформации предметной реальности, или очевидности.

Конструкции не могут быть ложными и истинными, корректными и некорректными, подлинными и иллюзорными. Все они являются либо целью, либо средством человеческой деятельности. Поэтому они могут быть эффективными и неэффективными. Эффективны они тогда, когда цель оказывается приемлемой, а средство позволяет достичь этой цели, и наоборот, если цель неприемлема, а средство не позволяет достичь цели, то такую цель и такое средство можно назвать неэффективными. Так, научное открытие, произведение искусства и человек чаще всего выступают целью, а ценность является целью всегда, тогда как вещи и социальные институты, как правило, выступают средствами.

Одним из интересных аспектов конструкции выступает такое явление, как само собой разумеющийся «жизненный мир» человека. В концепции Гуссерля этот мир представляет собой привычный порядок вещей, который заслоняет собой и существенно определяет любую очевидность. В ранней феноменологии Гуссерль всячески редуцирует «жизненный мир», однако затем говорит о нем как о важнейшем горизонте постижения очевидности. Структура жизненного мира не проста, он включает в себя такие формы рефлексивной конструкции, как ценности и знания. Это мировоззренческий фундамент любой конструкции, который преодолевается в специализированных формах ценностного бытия, таких как религия или идеология, и специализированных формах познания, таких как наука. Я не думаю, что специализированные формы ценностей и знаний, а также мир само собой разумеющихся ценностей и знаний следует выделять в отдельные формы конструкции, так как они представляют собой всего лишь вариации более существенных различий.

Таким образом, можно выделить следующие формы конструкции.

Рефлексивные конструкции:

- ценностные конструкции;
- художественные конструкции;
- когнитивные конструкции.

Трансформационные конструкции:

- антропные конструкции;
- социальные конструкции;
- вещественные конструкции.

Анализ форм очевидности и конструкции показывает, что это не просто список различных модификаций бытия, но своеобразная эйдетическая эманация одних форм из других. Фундаментом бытия оказывается очевидность, причем очевидность интуитивная, следовательно, именно «Я» в его глобальном значении представляет собой ключевой способ бытия, который разворачивается в системе различных ограничивающих и достраивающих его конструкций. Интуитивная очевидность дополняется дискурсивной очевидностью и различными конструкционными порядками, а затем происходит распад этой реальности большого «Я» на взаимоотношение биографического и воплощенного «Я» и различных «Других», распад, который преодолевается благодаря языку и социальным институтам. Сообщество таких воплощенных монад оказывается в состоянии создать различные миры конструкций, включая вещественный мир, мир художественных образов, вещей, знаний и ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–72.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб: Наука, 1998.

5. Платон. Теэтет; Софист // Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192–346.
6. Fichte, J.G., 2014. Versuch einer neuen Darstellung der Wissenschaftslehre. In: Fichte, J.G., 2014. Wissenschaftslehre: Einleitung, Versuch einer neuen Darstellung, allgemeinen Umrisse. Berlin: Berliner Ausgabe, pp. 27–37.

REFERENCES

1. Aristotle, 1978. Sochineniya: v 4-kh t. [Collected works: in four volumes]. T. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
2. Descartes, R., 1994. Razmyshleniya o pervoi filosofii, v koikh dokazyvaetsya sushchestvovanie boga i razlichie mezhdru chelovecheskoi dushoi i telom [Meditations on first philosophy in which the existence of God and the immortality of the soul are demonstrated]. In: Descartes, R., 1994. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Mysl', pp. 3–72. (in Russ.)
3. Hegel, G.W.F., 1992. Fenomenologiya dukha [The phenomenology of spirit]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
4. Husserl, E., 1998. Kartezianski razmyshleniya [Cartesian meditations]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
5. Plato, 1993. Teetet; Sofist [Theaetetus. Sophist]. In: Plato, 1993. Sbranie sochinenii: v 4-kh t. T. 2. Moskva: Mysl', pp. 192–346. (in Russ.)
6. Fichte, J.G., 2014. Versuch einer neuen Darstellung der Wissenschaftslehre [An attempt at a new presentation of the theory of scientific knowledge]. In: Fichte, J.G., 2014. Wissenschaftslehre: Einleitung, Versuch einer neuen Darstellung, allgemeinen Umrisse. Berlin: Berliner Ausgabe, pp. 27–37. (in German)

Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина*

«...ХРАНИТЬ ОГОНЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ»:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ФИЛОСОФОВ И УЧЕНЫХ**

Авторы данной статьи рассматривают, как международные конгрессы конституируются в экзистенциальной динамике их подготовки, в эпистолярном общении организаторов и участников. Основным источником для такого рода исследовательской стратегии становятся архивы, материалы организаторов конгрессов, а именно эпистолярное наследие. В центре внимания находится переписка модераторов философских и гуманитарных сообществ. Это люди, так или иначе имеющие отношение к подготовке конгресса, и именно благодаря их общению можно увидеть, как происходило формирование тематики конгресса, составление списка секций, подбор выступающих на конгрессе, а также проследить связь конгрессов и публикаций ведущих журналов того времени. Разумеется, исследование не претендует на всестороннее рассмотрение тематики международных конгрессов, это своего рода заметки к тому, что было обнаружено в переписке конкретных фигур. Авторы обращаются к эпистолярному наследию Кс. Леона (председатель первого Международного конгресса по философии), Э. Галеви (друг и коллега Кс. Леона), А. Лаланда (участник первого Международного конгресса по философии), и, наконец, Э. Клапареда (участник второго Международного конгресса по философии, организатор конгрессов по психологии). Таким образом, авторы демонстрируют тематическое разнообразие эпистолярного наследия модераторов, показывают, как менялась тематика конгресса, как она формировалась внутри – с одной стороны, а с другой – как возникало международное взаимодействие идей на уровне персональных связей и отношений.

Ключевые слова: конгресс, Всемирный философский конгресс, Кс. Леон, Э. Галеви, А. Лаланд, Э. Клапаред

«...tenir allumé... le flambeau de la civilization»: international congresses in the letters of philosophers and scholars. TATIANA G. SHCHEDRINA (Moscow Pedagogical State University), IRINA O. SHCHEDRINA (State Academic University for Humanities)

The article examines how the international congresses are constituted in the existential dynamics of their preparation and in the letters of their organizers and participants. It focuses on such kind of sources as archives, materials of

* ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: tannirra@yandex.ru

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры социальной философии факультета философии Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: semargel@mail.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01204.

© Щедрина Т.Г., Щедрина И.О., 2019

congress organizers representing scholarly communities in humanities and their private correspondence. The latter reveals how the international interaction of ideas arose at the level of personal connections and relationships, how the topics of congresses were formulated, sections and panels formed, speakers selected, as well as the connection between congresses and publications of leading academic journals of that time. The study is not intended to comprehensively examine the topic of international congresses, rather it presents some reflections on what was discovered in the private correspondence of such figures as X. Léon, the chairman of the first International Philosophical Congress, É. Halévy, a friend and colleague of X. Léon, A. Lalande, a participant of the first International Philosophical Congress, and É. Claparède, a participant of the second International Philosophical Congress an organizer of the Psychological congresses.

Keywords: congress, World Philosophical Congress, X. Léon, É. Halévy, A. Lalande, É. Claparède

Осмысление Международных конгрессов как социальных феноменов приобрело особую актуальность в последние несколько десятилетий. И, как правило, внимание исследователей сосредотачивается на социально-эпистемологических аспектах этих интеллектуальных коммуникаций (см. об этом: [4; 7; 8; 10; 11; 13; 14]). Опираясь на опубликованные обзоры, тезисы, списки участников и другие материалы международных форумов [1; 5; 6], они пытаются выявить, как социальные коммуникации (конгрессы) влияют на развитие философии и науки. Однако за пределами социально-эпистемологического рассмотрения этих форм интеллектуальной коммуникации остаются те моменты, которые не присутствуют в опубликованных документах. Отношения организаторов друг к другу, неформальное обсуждение идей и списков приглашенных, внутренняя аргументация тематических приоритетов и еще многое другое, связанное с ценностным отношением к знаниевым компонентам международных форумов, можно обнаружить в «архиве эпохи», в эпистолярном наследии модераторов¹ философских сообществ,

¹ В русском языке есть слово «организатор», т. е. «человек, который организует, устраивает или создает, основывает что-либо» [9, с. 65]. Однако это слово имеет в настоящее время ряд негативных коннотаций, связанных с формально-процедурными элементами чиновничьих обязанностей, и часто употребляется с пренебрежительным оттенком. Можно, конечно, было бы употребить единственный синоним этого слова «устроитель», но и оно, к сожалению, не обладает достаточной емкостью. Поэтому мы употребляем широко используемое сегодня понятие «модератор», в котором концентрируются функции не просто внешнего, по своей сути, посредника, председателя, регу-

«которые находились на перекрестье путей развития науки и философии, определяли тематику и задавали проблемные поиски своего времени. В качестве «архивов эпохи» может быть, например, исследовано рукописное наследие Эдуарда Клапареда², Шарля Балли³, Андре Ла-

латора или «творца», но, говоря словами Гаспарова, «хорошего редактора, который улучшает чужое, не навязывая своего, или знающего свое дело библиотекаря, который вовремя посоветует нужную книжку», т. е. профессионала в той области знания, в которой он ведет «устроительскую» деятельность [3, с. 14].

² *Клапаред Эдуард* (1873–1940) – швейцарский психолог и педагог, основатель и редактор журнала «Archives de Psychologie» (1901–1940); генеральный секретарь второго Международного психологического конгресса (1904); генеральный секретарь шестого Международного психологического конгресса (1909); профессор психологии Женевского университета (1915–1940); постоянный секретарь Международного психологического конгресса; пожизненный президент Комитета международной ассоциации психотехнических конференций.

³ *Балли Шарль* (1865–1947) – швейцарский лингвист, профессор Женевского университета, специалист в области общего и сравнительно-исторического языкознания, французского и немецкого языков. Работал вместе с Ф. де Соссюром, после смерти которого совместно с А. Сеше на основании материалов лекций 1907–1911 гг. подготовил к печати и издал «Курс общей лингвистики» (1916), введя в научный обиход одну из самых влиятельных теоретических концепций в истории лингвистической науки (сам Соссюр, блестяще дебютировавший как индоевропеист, к моменту своей смерти особой известностью не пользовался). Один из основателей и ведущих представителей Женевской школы, основатель и почетный председатель Женевского лингвистического общества.

ланда⁴ и Ксавье Леона⁵» [12, с. 13]. Каждый из них, помимо всего прочего, выполнял особую коммуникативную функцию. Они оказывали не только внешнее влияние на развитие культурного пространства Европы, передавая от поколения к поколению ценности познавательного отношения к миру: вырабатывали основные направления образовательных стратегий, вели просветительскую работу (не только с помощью научно-популярных статей, но посредством публичных лекций в университетах и на радио) и т. д. Фундаментальная роль их научной и философской деятельности заключалась еще и в том, что они в процессе переписки и непосредственного общения с авторами журналов и словарей задавали тональность научным и философским дискуссиям того времени, т. е. фактически участвовали в формировании тематической структуры европейского философского и научно-гуманитарного сообщества.

Так, участник парижского конгресса 1900 г. В.Н. Ивановский отмечал в своем обзоре: «Среди множества международных конгрессов, происходивших в Париже минувшим летом во время всемирной выставки, нашел себе место и философский конгресс... Инициатором его явился редактор журнала *Revue de Métaphysique et de Morale* Ксавье Леон; он же выполнил и главную работу по подготовке и организации его. Таким образом, этот конгресс состоял в такой же тесной личной связи с руководителями *Revue de Métaphysique et de Morale*, в какой IV психологический был с личным составом другого, более старого журнала – *Revue philosophique de la France et de l'étranger*» [5, с. 47].

Действительно, не менее важным модератором первого Международного конгресса по философии выступил близкий друг Кс. Леона, один из членов редколлегии «*Revue de Métaphysique*

⁴ Лаланд Андре (1867–1963) – французский философ, член Академии моральных и политических наук (1922), один из инициаторов создания Французского философского общества (1901); на основе обсуждения в этом обществе философских терминов Лаланд создал «Технический и критический философский словарь», принесший ему известность.

⁵ Леон Ксавье (1868–1935) – французский философ, один из основателей и главный редактор журнала «*Revue de métaphysique et de morale*» (1893–1935), который был необходим как принципиальный орган университетской философии во Франции; организатор первого Международного философского конгресса (1900), основатель Французского философского общества (1901).

et de Morale», профессор Свободной школы политических наук в Париже Эли Галеви [13]. Его переписка с Кс. Леоном и иностранными коллегами – ведущими философами, социологами, писателями – во многом раскрывает культурно-историческую направленность научного сообщества на общение, разговор и диалог, в отличие от социально-политических моментов, это общение перекрывающих. Так, 12 апреля 1919 г. Галеви пишет Леону из Кардиффа: «Я чувствую себя очень далеким от Франции. Но какое это имеет значение? Чем больше времени проходит, тем меньше меня интересует работа Мирной конференции⁶. Мирный договор будет подписан; а что же беспорядки в Европе? И какое решение Мирная конференция вынесет по поводу большевизма? И что можно сделать, тебе или мне, если не присутствовать в качестве зрителей при этих слишком масштабных событиях, пытаясь хоть каким-то образом хранить огонь цивилизации? Я полагаю, ваши философские воскресенья, встречи Общества⁷, периодический выход номеров журнала – все является частью этой факельной эстафеты» [2, р. 618].

Возможность интеллектуального общения и культурных переключек имела особое значение в послевоенное время. Несмотря на то, что после проведения первого Международного философского конгресса на тот момент прошло еще три (1904 г. в Женеве, 1908 г. в Гейдельберге и 1911 г. в Болонье), вопрос национального интеллектуального взаимодействия оставался обострен на всех уровнях – от политического (как раз во время приводимой переписки Э. Галеви и Кс. Леона проходила Парижская мирная конференция) до повседневного-бытового: «Итак, давай вернемся, насколько это возможно, к нашей тихой рутине. Я собираюсь встретиться в понедельник утром с профессором философии из местного университета: я смогу увидеть, насколько он осведомлен о существовании французской философии. Опасаюсь глубокого невежества. В тот момент, когда все говорят о Лиге наций, нации закрыты друг для друга» [2, р. 618]. Буквально через несколько дней, 15 апреля, Галеви напишет Б. Расселу: «Дорогой Рассел, я рассчитываю провести несколько дней в Лондоне, прежде

⁶ Имеется в виду Парижская мирная конференция (1919–1920 гг.), организованная государствами-победителями в Первой мировой войне для составления и подписания мирных договоров с проигравшими государствами.

⁷ Подразумевается «*Societe du Vocabulaire*».

чем вернуться во Францию, и сделаю все возможное, чтобы увидеть Вас. Хотя я твердо верю в необходимость диктатуры, со всеми ее наихудшими последствиями, в военное время, сейчас я надеюсь, что война окончена и что нас вновь осеняют благословенность мысли и своеволия. Преданный Вам, Эли Галеви» [2, р. 618].

В письмах особенно ярко видно, как в 1919–1920 гг. активизируются связи французских философов с представителями английской интеллектуальной элиты. Научное сообщество чувствовало потребность возрождения прерванной традиции международного конгресса. В конце концов, если бы не Первая мировая война, следующий конгресс был бы проведен именно на территории Великобритании. Английское философское общество приняло решение пригласить французских и американских коллег на запланированные осенние заседания в Оксфорд. Организатор мероприятия, президент «Аристотелевского общества», Вильдон Карр написал Галеви еще зимой, обратившись за помощью и консультацией к французскому исследователю. Кроме того, в Лондонской школе экономики было запланировано три мероприятия, посвященных Франции, и Э. Галеви принял живое участие в их подготовке. Так, он писал об этом Бугле 9 мая 1920 г. из Лондона: «Мой дорогой друг, вышли мне сюда том Прудона. Я планирую прочитать в июне три доклада: о сенсимонизме – о Прудоне – о революционном синдикализме. Том послужит отличным подспорьем для второго доклада...» [2, р. 629–630]. В том же письме Галеви еще раз подчеркивает сложность социально-политических вопросов в Европе того времени: «Я забыл вопрос англо-французских отношений. Я опасюсь, как бы французские радикалы под влиянием Кайо⁸ не соскользнули бы в опасную англофобию. В данном случае нет никакого злого умысла против Франции. Германofilы (в собственном смысле этого слова) составляют незначительное меньшинство. Однако существует весьма распространенное невежество – невежество островное – в отношении всего, что происходит на континенте. Я полагаю, что возможность рассеять разнообразные недоразумения через общение принципиально важна» [2, р. 629–630].

Оставаясь в Англии, Галеви продолжал настаивать на проведении мероприятий, которые

⁸ *Кайо Жозеф Мари Огюст* (1863–1944) – французский политик, государственный деятель Третьей республики, депутат парламента с 1898 по 1919 гг., известный своими радикальными взглядами.

сыграли бы консолидирующую роль в межкультурном и межнациональном общении, стерли бы то самое «невежество», и добивался этого всеми силами. Несколько лет спустя, в письме от 4 января 1922 г. он делится с Уоллесом Грехэмом⁹ произведенным впечатлением: «...Я сам, буквально на днях, провел довольно интересный эксперимент. У нас проходила небольшая англо-франко-итальянская философская встреча. Предметом одного из докладов выступала “немецкая национальная идея”, что вызвало довольно интересные дискуссии о нынешних политических условиях в Германии. В целом разговор получился назидательно-спокойным и прохладным; однако, я решил, что было бы уместно немного его оживить. Я настаивал... на безотлагательном восстановлении полного и открытого интеллектуального сотрудничества между Францией и Германией. И должен признаться, я был поражен, когда увидел, с каким одобрением были приняты мои слова. Пожилой профессор, с которым я был лишь очень смутно знаком, подошел после собрания и пожал мне руку со словами: “Спасибо, что вы произнесли вслух то, о чем мы думаем”. Я боюсь сказать “мы все”, поскольку это немножко слишком. Но, безусловно, подавляющее большинство» [2, р. 651–652].

Но вернемся к первому Международному философскому конгрессу. В.Н. Ивановский, описывая его состав, подчеркивал: «Среди иностранных членов конгресса больше всего было итальянцев и швейцарцев; немцев было меньше, англичан совсем немного. Из других национальностей было по одному, если не ошибаюсь, шведу (проф. Упсальского унив. Гейер), норвежцу (Хр. Орс), чеху (д-р Дртина), два поляка (г. Козловский и Дикштейн); из русских, кроме проф. А.В. Васильева, были И.М. Знаменский и пишущий эти строки» [5, с. 48]. Собственно, преобладающие гости стали в дальнейшем организаторами и принимающими сторонами следующих международных конгрессов – в Швейцарии, Германии и Италии. Эти конгрессы послужили новыми площадками для выступлений философов, которые стремились так или иначе объединить международное сообщество на историко-культурном и научном уровнях. В частности, 13 августа 1904 г. А. Лаланд, создатель «*Vocabulaire technique et critique de la philosophie*», подтверждает свое

⁹ *Уоллес Грехэм* (1858–1932) – английский социальный психолог, педагог, лидер Фабианского общества и соучредитель Лондонской школы экономики.

участие во втором Всемирном философском конгрессе¹⁰ в письме психологу Э. Клапареду в Женеву: «...Вы сообщили делегатам Конгресса, что хотите до 8 августа быть проинформированным о планируемых выступлениях. Поэтому я имею честь подтвердить свое намерение говорить о философском словаре» (Bibliothèque publique et universitaire de Genève. Ms. fr. 4008. F. 178–179.). Общение психолога и философа продолжалось и в дальнейшем, причем часто ученые из разных стран выручали друг друга. 10 июня 1909 г. Лаланд отправляет Клапареду письмо с просьбой прислать ему копию доклада: «Я не могу здесь найти ни отдельного издания Вашего доклада о методах зоопсихологии на франкфуртском Конгрессе, ни протоколов самого Конгресса¹¹. Я напрасно спрашивал то там, то тут, в библиотеке Университета, на Медицинском факультете, в библиотеке В. Кузана. Ни Рибо, ни Ксавье Леон, ни Дюма не смогли мне помочь. Если в Вашем распоряжении имеется лишний экземпляр, и Вы могли бы его выслать, я был бы очень Вам признателен; если же у вас осталось слишком мало, то я могу вернуть его обратно в течение нескольких дней» (Bibliothèque publique et universitaire de Genève. Ms. fr. 4011. F. 99–100.).

Таким образом, именно коммуникативный аспект познания, простирающийся сквозь живую ткань «архива эпохи», следует сегодня поставить в центр современных дискуссий о культурных истоках, способах развертывания и интеллектуальной специфике международных философских конгрессов¹². Эти форумы можно рассматривать как культурно-историческое явление, консолидирующее мировое интеллектуальное сообщество. Обсуждение философских вопросов всегда проходило на фоне исторических событий, от этого невозможно абстрагироваться, однако сохранившееся эпистолярное наследие философов-модераторов первой половины XX в. позволяет увидеть, насколько важную роль сыграли международные конгрессы в интеллектуальной жизни Европы, России и Америки.

¹⁰ Подробнее о конгрессе см: [6].

¹¹ В письме речь идет о Конгрессе по экспериментальной психологии (Франкфурт-на-Майне, 1908 г.).

¹² Несмотря на тематическую разноплановость, дисциплинарное многообразие и топографическую широту международных конгрессов в данной статье речь идет именно о философских конгрессах, с которых началось становление международного интеллектуального сообщества первой четверти XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Claparède, E. éd., 1905. Congrès international de philosophie: 2. Session tenue à Genève du 4 au 8 septembre 1904. Genève: H. Kundig.
2. Frobert, L. ed., 1996. Élie Halévy. Correspondance (1891–1937). Paris: Editions de Fallois.
3. Автономова Н.С. М.Л. Гаспаров: свой путь в науке // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 2006.
4. Вишев И.В. От XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах к XXIV ВФК в Пекине // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2. С. 105–117.
5. Ивановский В.Н. Международный философский конгресс в Париже // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 334. Апрель. Отд. 4. С. 47–85.
6. Ивановский В.Н. Второй Международный философский конгресс в Женеве // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 357. Январь. Отд. 4. С. 11–38.
7. Корсаков С.Н. О всемирных философских конгрессах начала XX века // Философские науки. 2011. № 1. С. 124–128.
8. Родин А.В. Философский конгресс как общение: XX всемирный философский конгресс // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 47–52.
9. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. 2. М.: Астрель; АСТ, 2003.
10. Степанянц М.Т. Учиться быть человеком // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 22–32.
11. Чумаков А.Н., Королев А.Д. Учиться быть человеком в глобальном мире (к итогам XXIV Всемирного философского конгресса) // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 15–21.
12. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.
13. Щедрина Т.Г., Щедрина И.О. «Общительный философ»: Ксавье Леон – модератор интеллектуального сообщества // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 213–222.
14. Яскевич Я.С. Философия как познание и образ жизни: XXIII Всемирный философский конгресс // Социология. 2013. № 3. С. 134–139.

REFERENCES

1. Claparède, E. éd., 1905. Congrès international de philosophie: 2. Session tenue à Genève du 4 au 8 septembre 1904. Genève: H. Kundig.
2. Frobert, L. ed., 1996. Élie Halévy. Correspondance (1891–1937). Paris: Editions de Fallois.
3. Avtonomova, N.S., 2006. M.L. Gasparov: svoi put' v nauke [Gasparov: his way in science].

In: Stikh, yazyk, poeziya. Pamyati Mikhaila Leonovicha Gasparova. Moskva: RGGU. (in Russ.)

4. Vishev, I.V., 2016. Ot XXIII Vsemirnogo filosofskogo kongressa v Afinakh k XXIV VFK v Pekine [From the XXIII World Philosophical Congress in Athens to the XXIV WFC in Beijing], Chelyabinskii gumanitarii, no. 2, pp. 105–117. (in Russ.)

5. Ivanovskii, V.N., 1901. Mezhdunarodnyi filosofskii kongress v Parizhe [International Philosophical Congress in Paris], Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, no. 334, pp. 47–85. (in Russ.)

6. Ivanovskii, V.N., 1905. Vtoroi Mezhdunarodnyi filosofskii kongress v Zheneve [Second International Philosophical Congress in Geneva], Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, no. 357, pp. 11–38. (in Russ.)

7. Korsakov, S.N., 2011. O vsemirnykh filosofskikh kongressakh nachala XX veka [On world philosophical congresses of the early XXth century], Filosofskie nauki, no. 1, pp. 124–128. (in Russ.)

8. Rodin, A.V., 1999. Filosofskii kongress kak obshchenie: XX vsemirnyi filosofskii kongress [Philosophical congress as a communication: XX World Philosophical Congress], Voprosy filosofii, no. 5, pp. 47–52. (in Russ.)

9. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2-kh t. [Russian language dictionary of synonyms: in 2 volumes]. T. 2. Moskva: Astrel'; AST. (in Russ.)

10. Stepanyants, M.T., 2019. Uchit'sya byt' chelovekom [Learning to be human], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 22–32. (in Russ.)

11. Chumakov, A.N. and Korolyov, A.D., 2019 Uchit'sya byt' chelovekom v global'nom mire (k itogam XXIV Vsemirnogo filosofskogo kongressa) [Learning to be human in the global world (to the outcome of the XXIV World Philosophical Congress)], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 15–21. (in Russ.)

12. Shchedrina, T.G., 2008. Arkhiv epokhi: tematicheskoe edinstvo russkoi filosofii [Archive of the epoch: thematic unity of Russian philosophy]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

13. Shchedrina, T.G. and Shchedrina, I.O., 2018. «Obshchitel'nyi filosof»: Ksav'e Leon – moderator intellektual'nogo soobshchestva [Philosophe sociable: Xavier Léon – moderator of the intellectual community], Voprosy filosofii, no. 11, pp. 213–222. (in Russ.)

14. Yaskevich, Ya.S., 2013. Filosofiya kak poznanie i obraz zhizni: XXIII Vsemirnyi filosofskii kongress [Philosophy as cognition and lifestyle: XXIII World Philosophical Congress], Sotsiologiya, no. 3, pp. 134–139. (in Russ.)

В.С. Попова*

РУССКИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ФИЛОСОФЫ РУБЕЖА XIX–XX вв. О ВРЕМЕНИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО РАЗГОВОРА**

В статье рассматриваются различные контексты философских разговоров о времени в русской университетской философии рубежа XIX–XX вв. Автор очерчивает круг вопросов, внутри которого требовалось раскрытие феномена времени: проработка парадигмы Канта, метафизические поиски, обсуждение природы субъекта познания, сверхвременной природы личности, вопроса о данности «другого Я» и т. д. Одним из главных факторов, актуализировавших тему времени в философской рефлексии, по мнению автора, выступает становление психологической эпистемологии в России.

Ключевые слова: русская философия, И. Кант, время, Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов, А.И. Введенский, М.И. Каринский, Б.Н. Чичерин, С.И. Поварнин, Н.О. Лосский

Russian university philosophers of the late XIXth and early XXth century on time: an attempt of philosophical dialogue. VARVARA S. POPOVA (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The article discusses the various contexts of philosophical discussions on the phenomenon of time among Russian university philosophers of the late XIXth and early XXth century. The author outlines a range of topics, for which the analysis of this phenomenon was crucial. Among them is the elaboration of Kant's paradigm, metaphysical search, discussion on the nature of the subject of cognition, on the super-temporal nature of personality, on the reality of the "other Self", etc. According to the author, one of the main factors that actualized the issue of time in the philosophical reflection was the making of psychological epistemology in Russia.

Keywords: Russian philosophy, I. Kant, time, N.Ya. Grot, G.I. Chelpanov, A.I. Vvedensky, M.I. Karinsky, B.N. Chicherin, S.I. Povarnin, N.O. Lossky

В конце XIX – начале XX вв. представителями русской университетской философии был опубликован целый ряд работ, посвященных целиком или частично проблеме времени. Темпоральные размышления отталкивались от Кантовой доктрины, а философские дискуссии

разгорались в связи с тем или иным ее пониманием и переходили к обсуждению априоризма. В свою очередь, выражение отношения к учению об априорных формах чувственности было необходимо русской университетской философии в силу специфики самой философ-

* ПОПОВА Варвара Сергеевна, кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

E-mail: varyud@mail.ru

© Попова В.С., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00302а.

ской жизни, поскольку шла выработка самостоятельных логико-гносеологических, психологических и методологических подходов. Среди таковых можно назвать исследования Н.Я. Грота, М.И. Каринского, А.И. Введенского, Г.И. Челпанова, Б.Н. Чичерина, Н.О. Лосского и других. Многие существенные вопросы построения их концепций зависели от трактовки времени. При этом если даже Кантово учение о времени и принималось в сущностных своих положениях, то все же не безоговорочно, оно требовало проработки в диалогах, которые позволяли лучше его понять и осмыслить в контексте новых задач формировавшихся философских и психологических учений. Очень ярко эта тенденция выразилась, например, в дискуссии М.И. Каринского с А.И. Введенским, о которой будет сказано далее. Таким образом, проблема времени стала отдельной темой для «философского разговора».

В работах о времени просматривался внутренний диалогизм с Кантом, как бы предвосхищавший методологические последствия успешного уточнения или оспаривания учения об априорных формах чувственности. Какие же положения Канта о времени входили в круг обсуждений? Прежде всего, это утверждение о том, что время является способом упорядочивания в душе представлений, что оно – форма внутреннего созерцания: «Итак, время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) наглядного представления (которое всегда существует в чувственной форме, т. е. поскольку мы подвергаемся воздействию со стороны предметов) и само по себе, вне субъекта, есть ничто» [5, с. 87]. И если времени нет в смысле его объективного существования (хотя оно никоим образом не может быть оторгнуто от существования субъекта), то может ли этот познающий субъект иметь доступ к Вечности? Основной вопрос для русских философов – эпистемологический (и вместе с тем – архиважный мировоззренческий): открывает ли Кантово учение о времени новые познавательные горизонты или заключает субъекта пленником в самом себе безо всякой надежды и возможности выхода к Абсолюту?

Одним из самых обстоятельных текстов по проблеме времени рассматриваемого периода является работа Н.Я. Грота «О времени» (1894). Статья вышла в трех частях в «Вопросах философии и психологии» [2; 3; 4]. Причем нельзя сказать, что это исследование вызвало особен-

ный резонанс¹, хотя можно было бы ожидать, что такая объемная критика Кантова учения о времени не оставит равнодушными его защитников-кантианцев, например, А.И. Введенского. Но тот, по всей видимости, был занят полемикой с М.И. Каринским.

Грот начинает свои размышления с фиксации актуальности темпоральной проблематики в методологическом плане, ведь трактовка природы времени имеет решающее значение для судеб психологии и метафизики [3, с. 248]. Следует упомянуть, что в конце XIX в. при изучении душевных явлений психология развивалась в двух направлениях: психофизиологическом (натуралистическом) и метафизическом (антинатуралистическом). Размышляя о задачах и перспективах психологии, П. Соколов в 1893 г. пишет: «Вопрос об отношении психологического исследования к метафизическим проблемам есть больное место современной психологии, и может быть правы те психологи, которые предпочитают совсем не бередить его» [10, с. 41]. Н.Я. Грот относился к числу тех исследователей, которые видели перспективы психологии исключительно в раскрытии предельных оснований бытия души и ее связи с миром. Поэтому значимость темы времени представляется ему всеобъемлющей: «Ясно, что в основе современного мирозозерцания ... лежит определенное учение о времени как форме познания всякого бытия, существования и как условия всякой реальности» [3, с. 250]. Необходимость размышлений о времени не только потому злободневна, что может получить новое раскрытие в связи с достижениями естествознания и экспериментальной психологии, но и потому, что это размышление обращено к Вечности. Современный философ и психолог должен отважиться иметь с ней дело. Грот солидарен с Платоном в том, что задачей философского знания является «отрешение от условий времени, проникновение в сферу вневременного, вечного, неизменного бытия, лежащего в основе всего переменчивого, переходящего...» [3, с. 250]. Кант в этом смысле, по мнению Грота, сделал величественное усилие по примирению эмпирической науки и метафизики, но его концепцию Николай Яковлевич

¹ Фактически в 1896 г. в Херсоне об этой статье была опубликована брошюра Ю.А. Айхенвальда «Метафизика и логика. По поводу статьи проф. Грота “О времени”» в 72 страницы, а также рецензия в № 8 журнала «Русская мысль» за 1894 г.

характеризует при всей ее гениальности как «тяжеловесное здание понятий», «исторический памятник германской философской готики», при этом «главный грех Канта заключается в его учении о времени» [3, с. 252], в нем Грот усмотрел ряд противоречий. Разбирая формулировки Канта с логической точки зрения, Грот решил, что Кант, с одной стороны, называет пространство и время «воззрениями» (созерцаниями), но, с другой стороны, пытается объяснить их как понятия, поскольку в текстах Канта они даются через перечисление существенных родовых и видовых признаков – так логически задаются именно понятия. Кроме того, по мысли Грота, представления нельзя определять понятиями, а только описывать при помощи образов. Это возражение упоминает Введенский и разъясняет, что в языке Канта (в философском языке немцев) понятие – это и есть общее представление. В подстрочнике к статье Введенского Грот как редактор незамедлительно отвечает на это возражение: он, как и Кант, имел право определять понятие по-своему и предпочел употреблять наиболее верное определение, принятое в логике [1, с. 649–650]. Но все же, если Кант характеризует время как понятие, сам не сознаваясь в этом, то наличие противоречивых признаков в содержании этого понятия ставит под вопрос состоятельность его содержательной трактовки времени². Поэтому на следующем этапе разбора Грот реконструирует определение Канта, беря характеристики времени из разных мест «Критики чистого разума»: «Время есть непосредственно-необходимая субъективная и априорная форма внутреннего опыта, восприятия явлений душевных, самих представлений о вещах...» [3, с. 259]. Пространство же – априорная форма внешнего опыта, на том основании, что Кант отождествляет внешнее и протяженное. А это, по мысли Грота, является ошибкой, ведь, например, чужие душевные состояния, мысли, желания – внешние, но не протяженные.

Главное и, как казалось Гроту, новое, что он хотел получить в результате своих критических выкладок «О времени» – это понимание времени как формы восприятия явлений *одновременно внутреннего и внешнего опыта*, не приложимой к самой упорядочивающей все во времени

² Интересно, что Грот, разбирая характеристики времени у Канта, отмечает такой аспект: благодаря времени можно дать одной и той же вещи противоречивые определения [3, с. 259].

мысли. Самосознание вневременно, оно само творит время, но ему не подчиняется. Этим Грот хотел достичь амбициозных перспектив для метафизики и психологии. Ведь если падет «предрассудок Канта о времени как форме внутренней интуиции», то через это приходит уразумение безвременной природы духа, а через нее – единой субстанции мира, т. е. Бога [4, с. 492–493].

Еще один философский разговор о времени – полемика А.И. Введенского и М.И. Каринского об интерпретации понимания времени у Канта. Я имею в виду обмен критическими статьями после выхода работы Каринского «Об истинах самоочевидных» (1893). Данная полемика происходила в 1894–1896 гг. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» и «Вопросов философии и психологии». А.В. Шевцов рассматривает это столкновение мнений как своеобразное соперничество представителей двух профессиональных философских школ – университетской, которую представлял зав. каф. А.И. Введенский, и духовно-академической, которую представлял М.И. Каринский [14, с. 159].

Размышляя о самоочевидном, Каринский выдвигает целый ряд возражений по поводу априоризма Канта и, в частности, выступает против его трактовки времени. Одна из существенных претензий – «Кант “требовал” признать как константу понятие “априорности”, но в своих выводах шел непоследовательно и сама константа-допущение “априорности” оказывалась объяснимой только вследствие чего-то, то есть сводилась к опыту» [14, с. 159]. Каринский настаивал, что пространство и время как априорные формы чувственности постулируются Кантом догматически, т. е. берутся из неких заведомо и некритично принятых пресуппозиций, а не выводятся и обосновываются логическим путем. Иными словами, в Кантовой трактовке времени и пространства не даются достаточные основания для принятия истинности основных утверждений о них. Еще один существенный вопрос: «...почему пространство и время составляют единственные формы нашего возможного созерцания» [6, с. 50]. Не вдаваясь в подробности аргументации³, позволю себе обобщение. В философском разговоре Введенского и Каринского через тему времени раскрывалась логико-ме-

³ Детальный разбор представлен в монографии А.В. Шевцова [14].

тодологическая проблема обоснования начал знаний. По сути, обсуждался вопрос о природе субъекта познания и его связи с реальностью. В этих спорах философы реализовывали собственную логико-методологическую культуру, а тема времени, которая стала центральной в споре Введенского и Каринского, продемонстрировала необходимость современного полемике прочтения Канта и недопустимость его отнесения к генерации устаревших доктрин на фоне важнейших эпистемологических вызовов. Слова Введенского как раз о том, что следует «погодить сдавать Канта в архив», разве что поступить так стоит с Кантом, воображаемым в мыслях Каринского.

Еще один голос в разговоре о времени – это голос Георгия Ивановича Челпанова, которого В.А. Бажанов относит к русскому неокантианству психологистского направления. Работа Челпанова «О природе времени» (1893), вышедшая в «Вопросах философии и психологии», представляет психологическую трактовку времени. Причем Челпанов полагал, что именно психологический взгляд на природу времени может сделать феномен более зримым и уловимым для исследователя. Вероятнее всего, он имел в виду именно философское исследование, поскольку «поэтическое и математическое понимание времени больше всего препятствует установлению правильных взглядов на него» [12, с. 37]. Философские споры разгорались как раз из-за того, что различные интерпретации кантовской концепции времени в работах русских философов зачастую психологизировались. Последовательные кантианцы категорически не принимали таких интерпретаций. Например, А.И. Введенский в критической статье «О Канте действительном и воображаемом: Комментарии к “Критике чистого разума”»: (По поводу книги г. Каринского “Об истинах самоочевидных”)» видел корень искаженного, «воображаемого» представления М.И. Каринского о Кантовой концепции в том, что тот приписал Канту воззрение о существовании времени внутри нас и смотрел при этом на учение Канта именно с психологической точки зрения [1, с. 635–637, 645, 648].

Челпанов начинает свои размышления с вопроса: «Где время?» [12, с. 37] Время обнаруживает себя в нашем сознании и измеряется количеством образов. Время – это осознание продолжительности, проживание его в образах. Этот вывод Челпанов иллюстрирует при

помощи психологических примеров. Чем больше образов – тем больше кажется промежуток времени (как перед утопающим пролетает вся жизнь). В публикациях, предшествующих рассматриваемой работе, Челпанов описывает измерительные эксперименты и даже современные ему техники и приборы, позволяющие установить описываемые корреляции (см., напр.: [11]). Время тянется дольше, когда мы переживаем чувство скуки, томления, это связывается с напряжением внимания, при котором создаются образы ожидаемого явления. Как бы не воспринималась быстрота течения времени, «для сознания времени необходима связь последовательных рядов образов» [12, с. 44]. Важное замечание: этот последовательный ряд образов не является временем как таковым, это только переживание времени. Челпанов следует кантианской трактовке, хотя, как мы видели, ее однозначность дискутировалась (например, Введенским и Каринским обсуждался вопрос о том, является ли временной порядок представлений тоже представлением или все же это действительное течение времени внутри наших представлений). Согласно Челпанову, связь образов обеспечивается единством сознания, это соединение в одной мысли прошлых и настоящих состояний. Но Челпанов вместе с тем оспаривает идею о том, что время в нашем сознании может быть представлено как непрерывная линия. Это, скорее, линия прерывистая. Разного рода теоретические философские размышления о времени, при которых происходит обращение к самой идее чистого времени, т. е. пустого времени, – это, с точки зрения Челпанова, полная иллюзия. Нельзя созерцать время без всякого содержания. В этот процесс осмысления времени все равно включается то, что населяет сознание и придает ощущению времени прерывистость, неравномерность. Свою психологическую концепцию времени Челпанов отличает от Кантовой, но не отвергает совсем его подход. Он полагает, что время у Канта – это математическое время, которое бесконечно, непрерывно, однообразно. И такая классическая модель действительно конструктивна для математической и естественнонаучной эпистемологии. В рамках же гуманитарного познания время должно быть психологизировано, однако сделать это нужно строго, четко, с опорой на экспериментальную психологию.

Челпанов приходит к выводу, что сознание времени, вероятнее всего, зависит от физиче-

ской организации вообще, что именно физиология определяет характер протекания образов. В качестве мысленного эксперимента над сознанием он предлагает взглянуть на время глазами комара (высчитывает, что для комара одна секунда ощущается как наши человеческие пять часов). Но теперь, с высоты осмысления проблемы квалиа, мы понимаем, что взглянуть на мир глазами комара, по-комариному овременить его проблематично. Но и современник Челпанова Н.О. Лосский не согласился бы с глубоко физиологическим объяснением природы переживания времени. Хотя восприятие пространства и времени очень тесно связано с телесностью познающего субъекта, однако нельзя сказать, что они целиком внутрителесны. Как полагает Лосский, переживание времени столь сложно, что некоторые стороны этих переживаний являются телесными состояниями (например, зависят от деятельности мускулов глаза), а другие, «и притом самые важные (напр., связи и смена взаимодействия, заключающиеся в пространстве, времени и движении), принадлежат внетелесному миру, как он есть сам по себе» [8, с. 89]. В гносеологии Лосского предмет знания мыслится таким образом, что его данность познающему Я имеет вневременной и внепространственный характер. Ведь предмет мысли может быть событием совсем недавним, а может отстоять во времени от акта сознания на столетия (например, смерть Сократа). И в этой своей убежденности во вневременной стороне мышления Лосский в чем-то сближается с Гротом, но все же его концепция специфична, поскольку вневременная сторона мышления обусловлена вневременностью его носителя – субстанциального деятеля.

Читая Челпанова, убеждаешься, что ему свойственен особый, отличный от абстрактного и академичного стиль размышлений о времени. Его текст наполнен примерами и историями, в него вплетены риторические средства выразительности и изобразительности («прислушиваться к течению времени», поговорки «горшок, на который смотришь, никогда не закипит», «настоящее – это не молния, не острое ножа; оно есть обсерватория, находясь на которой мы созерцаем прошлое и будущее» [12, с. 46] и т. п.). Он подает тему времени в научно-популярной манере, а значит мыслит ее как близкую каждому человеку.

Борис Николаевич Чичерин в работе «Пространство и время» (1895) также подчеркивает

значимость данной темы [13]. Причем решение вопроса о природе времени имеет мировоззренческий смысл, поскольку раскрывает отношение человеческого разума к внешнему миру и абсолютному бытию [13, с. 1]. Не решив этот вопрос, нельзя подходить к исследованию наших познавательных способностей, как и самой познаваемой реальности. Исследование пространства-времени составляет «первое требование всякого философского мышления». Чичерин обращает внимание на то, что время – это такой предмет мысли, к которому мы можем подойти только косвенно, строя определения и умозаключения, т. е. логическим путем («надобно логически анализировать представление времени» [13, с. 4]), подразумевая, что предмет разговора мы не выводим из практики. Он придерживается классической картины времени, выделяя такие его свойства, как непрерывность, равномерность, бесконечность, а также солидаризируется с Кантом, определяя время как «прирожденную умозрительную форму». При этом в идеях Чичерина просматриваются некоторые переключки с Челпановым, поскольку Чичерин тоже обнаруживает время как последовательность чего-либо (напомню, что у Челпанова это последовательность образов). Чичерин, как и многие другие авторы, связывает с темой времени исследование действий нашего мышления. Временем, как констатирует Чичерин, «определяется не только познание внешних явлений, но и познание внутреннего нашего мира и собственного мышления» [13, с. 6]. Но при всем этом он продвигается в направлении, критическом по отношению к тому пониманию, которое сам Чичерин приписывает Канту. Его не удовлетворяет субъективность времени у Канта, ведь помимо того, что время – это умозрительная форма представлений, согласно Чичерину, следует также признать, что во времени обнаруживается и объективная, метафизическая сторона. Причем прошлое и будущее живет внутри субъекта, а объективный процесс проходит полностью в настоящем. Мы не можем сомневаться в объективном значении законов природы, поэтому должны признать время атрибутом абсолютного Духа [13, с. 12]. Это абсолютное начало, которое независимо от частных сил, но дает им закон. Таким образом, природа времени субъективно-объективная.

Тема времени в конце XIX – начале XX вв. обнаруживает себя даже в логических штудиях. Так, С.И. Поварнин, типологизируя со-

временные ему логические учения, отмечает, что психологистские концепции логики неизбежно обращаются к исследованию актов и процессов мышления. Такие модели были представлены в университетской философии (Грот, Челпанов). Но «если логика имеет дело с актами или процессами мышления, то с исследованиями ее всегда (незаметно или открыто) связано понятие субъекта мышления. Ведь процессы эти не существуют отдельно, а всегда суть мои, твои, наши, человеческие вообще процессы» [9, с. 604]. Построения такого типа Поварнин именуется «логика актов мышления», «логика субъекта» или «субъектная логика», а также, что особенно важно в связи с рассмотрением темы времени, считает такие логики «динамическими», т. е. овремененными [9, с. 603]. Причем под субъектом понимается индивидуальный эмпирический субъект, а с ним работает в первую очередь психология. В психологистских логиках (например, в логике Г.И. Челпанова) умозаключение представляется процессуально. Это связь мыслей, развернутая во времени. И даже сама мысль, при помощи которой познаются изменчивые явления, изменяется своим особым образом. Интересно, что это описание Челпановым процессуальности умозаключения, свойственной психологистским логикам, совершенно расходится с убеждениями его наставника и отнесенного к логикам-психологистам Н. Грота. Последний полагал неправильным определять мышление как ряд умозаключений, т. е. процесс, совершаемый во времени. Ведь само мышление пребывает вне времени, оно имеет доступ к истине, к Вечности.

Противоположностью такой «динамической» логики субъекта является выделяемый Поварниным тип объектной (антипсихологистской) логики, в рамках которой проводится четкое разграничение содержания и предмета мысли. Предметы мысли в таких моделях логики – понятия, суждения, умозаключения с их законами и сочетаниями, конечно, вневременны.

Интересна еще одна область приложения размышлений о времени в кругу русских университетских философов. Одной из проблем, волновавших умы на рубеже XIX–XX вв., была проблема чужой одушевленности, чужого Я (например, имела место дискуссия по этому поводу вокруг работы А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о

возможности метафизики» (1892)). Разобраться с проблемой чужой одушевленности отстраненно не представляется возможным, специфика предмета исследования всякий раз порождала усилия по выработке методологий, отличных от простой интроспекции, требовался выхода за пределы собственного Я. В этом контексте, например, для Лосского тема времени была необходима как раз для развития метафизики души. И главная проблема заключается в восприятии времени: и душа собственная, и душа имярека бессмертна. Это, конечно, вопрос мировоззренческого выбора. Но если предположить, что это так, то мы склонны переносить на всякое Я временный характер наблюдаемых событий, поэтому мыслим понятие вечности применительно к душе неточно, смешивая «вечность с чрезвычайной длительностью» [7, с. 499] Человек существует в двух мирах – временном и вечном, но сложность заключается в том, что он способен отчетливо наблюдать только временную данность. О бессмертии души мы способны сказать только, что оно существует. Но из того, что мы имеем в знании о временном, мы можем предположить, что вечное является чем-то «гораздо более богатым, чем временная жизнь» [7, с. 501] И таким образом через темпоральные размышления Лосский приходил к решениям многих вопросов внутри своей концепции идеал-реализма, в том числе – к обоснованию общности Я и не-Я через свободу субстанциального деятеля от времени.

Итак, тема времени оказалась очень важной как в связи необходимостью современного прочтения Кантовой философии, так и в связи со становлением самобытных философских концепций в России конца XIX – начала XX вв. Череда работ о времени концентрируется в 1890-х гг. и в начале XX в. Тема времени включается в концептуальные тексты, отражающие суть авторских философских доктрин, дискуссий, причем области приложения результатов темпоральных размышлений в них различны: логико-методологические, философско-психологические исследования, метафизические размышления. Становление гуманитарной эпистемологии, значимость неокантианства в этом процессе, а также задачи, решаемые внутри самобытных русских философских концепций, потребовали переосмысления устоявшейся Кантовой парадигмы времени и принятия во внимание новых зарубежных идей (например, А. Бергсона и Э. Гуссерля).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. О Канте действительном и воображаемом. Комментарий к «Критике Чистого Разума» // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 621–660.
2. Грот Н.Я. О времени // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 23. С. 381–417.
3. Грот Н.Я. О времени // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 24. С. 248–280.
4. Грот Н.Я. О времени // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 445–493.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
6. Каринский М.И. По поводу полемики проф. Введенского против моей книги «Об истинах самоочевидных» // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. 303. С. 243–290.
7. Лосский Н.О. Идея бессмертия души как проблема теории знания // Вопросы философии и психологии. 1910. Т. XXI. Кн. 104. С. 488–503.
8. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М.: Правда, 1991. С. 13–337.
9. Поварнин С.И. Введение в логику // Сочинения. СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 593–648.
10. Соколов П. К вопросу о задачах и методах психологии // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 16. С. 39–55.
11. Челпанов Г.И. Измерение простейших умственных актов // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 9. С. 19–57.
12. Челпанов Г.И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 19. С. 36–54.
13. Чичерин Б.Н. Пространство и время // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 26. С. 1–56.
14. Шевцов А.В. М.И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX вв. М.: Мир философии, 2017.

REFERENCES

1. Vvedensky, A.I., 1894. O Kante deistvitel'nom i voobrazhaemom [On Kant, real and imaginary], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 25, pp. 621–660. (in Russ.)

2. Grot, N.Ya., 1894. O vremeni [On time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 23, pp. 381–417. (in Russ.)
3. Grot, N.Ya., 1894. O vremeni [On time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 24, pp. 248–280. (in Russ.)
4. Grot, N.Ya., 1894. O vremeni [On time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 25, pp. 445–493. (in Russ.)
5. Kant, I., 1999. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
6. Karinskiy, M.I., 1896. Po povodu polemiki prof. Vvedenskogo protiv moei knigi «Ob istinakh samoochevidnykh» [Regarding prof. Vvedensky's argument against my book «On self-evident truth»], Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, no. 303, pp. 243–290. (in Russ.)
7. Lossky, N.O., 1910. Ideya bessmertiya dushi kak problema teorii znaniya [The idea of the soul's immortality as a problem in the theory of knowledge], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 21, no. 104, pp. 488–503. (in Russ.)
8. Lossky, N.O., 1991. Obosnovanie intuitivizma [The intuitive basis of knowledge]. In: Lossky, N.O., 1991. Izbrannoe. Moskva: Pravda. (in Russ.)
9. Povarnin, S.I., 2015. Vvedenie v logiku [Introduction to logic]. In: Povarnin, S.I., 2015. Sochineniya. Sankt-Peterburg: Institut inostrannykh yazykov. (in Russ.)
10. Sokolov, P., 1893. K voprosu o zadachakh i metodakh psikhologii [To the issue of tasks and methods of psychology], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 16, pp. 39–55. (in Russ.)
11. Chelpanov, G.I., 1891. Izmerenie prosteishikh umstvennykh aktov [Measurement of the simplest mental acts], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 9, pp. 19–57. (in Russ.)
12. Chelpanov, G.I., 1893. O prirode vremeni [On the nature of time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 19, pp. 36–54. (in Russ.)
13. Chicherin, B.N., 1895. Prostranstvo i vremya [Space and time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 26, pp. 1–56. (in Russ.)
14. Shevtsov, A.V., 2017. M.I. Karinskiy i russkaya gnoseologiya kontsa XIX – nachala XX vv. [M.I. Karinsky and Russian epistemology of the late XIXth – early XXth century]. Moskva: Mir filosofii. (in Russ.)

А.Р. Латыпова*

ОРАКУЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ,
ИЛИ КАК УСТРОЕНО ОБЩЕСТВО ТЕХНОЗНАНИЯ**

Статья посвящена аналитике современного типа общества, где медиасреду, уже ставшую естественной средой обитания современного человека, определяют «умные» технологии; они принимают активное участие в формировании социального, политического, экономического, культурного поля, претендуя на обретение собственной агентности. Их роль в производстве, науке, медицине, индустрии развлечений и других сферах растет, и многие функции, которые ранее возлагались на человека, делегируются технике и цифровым медиа, которые функционируют в логике премедиации – предвосхищения событий и формирования актуальной повестки. Еще недавно мы говорили о переходе к постсоциальным обществам знания, где традиционные социальные связи распадаются, коллективное тело фрагментируется, а эксперты (и автоматические экспертные системы) становятся новой элитой, теперь мы фиксируем следующую итерацию – переход к обществам *технознания*, когда место экспертов занимают искусственные вычислительные системы, способные к обучению, экономическое поведение регулируется цифровыми медиа, а социальное поле вновь пересобирается через медиа компьютерных игр, социальных сетей, стриминговых сервисов и т. п. Базируясь на «умных» технологиях (искусственном интеллекте, нейросетях, машинном обучении), общество технознания предлагает новые конфигурации социального, где человек разделяет властные полномочия с машиной (речь идет как о смещении ролей, так и о кооперации) и все больше доверяет экспертным системам, основанным на обучении. Процесс пересборки отношений между человеком и машиной (его влияние на повседневные практики) представлен на основе анализа принципа устройства искусственных нейросетевых технологий, а также конкретных примеров их применения, как в области медицины, так и в других сферах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственные нейросети, общество технознания, машинное обучение, цифровые медиа, активность объекта

Oracles of our time, or how the society of techno-knowledge works. ALINA R. LATYPOVA (Saint Petersburg State University)

The article is devoted to the analytics of modern society, where «smart» technologies determine the media environment (which has become essential for humans). They take an active part in the formation of the social, political, economic and cultural field, pretending to have their own agency. Their role in the industry, science, medicine, entertainment, and other areas is growing and many functions that were previously assigned to humans are now delegated to technology and digital media functioning in the logic of premediation. If recently we talked about the transition to

* ЛАТЫПОВА Алина Раилевна, сотрудник Центра медиафилософии и Лаборатории исследований компьютерных игр Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: latypova.al@gmail.com

© Латыпова А.Р., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00414а.

post-social societies of knowledge, where traditional social ties were disintegrating, the collective body was fragmenting, and experts (and automatic expert systems) were becoming a new elite, now we are observing a new shift to the societies of techno-knowledge, where artificial computer learning systems replace the experts, economic behaviour is regulated by digital media, and the social field is reassembled through the media of computer games, social networks, and streaming services. Based on «smart» technologies (artificial intelligence, neural networks, machine learning), the society of techno-knowledge offers new social configurations, in which humans share power with machines and increasingly trust expert systems, based on training. The process of reassembling the relation between humans and machines is explored through the analysis of the organizational principle of artificial neural network systems and their usage in medicine and other areas.

Keywords: artificial intelligence, artificial neural networks, society of techno-knowledge, machine learning, digital media, object activity

Введение

«Спроси у Google» – один из базовых императивов современности. Поисковые онлайн-системы сейчас мало кого могут удивить, они стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Технологии развиваются стремительно, и сейчас на пике интереса разнообразные системы искусственного интеллекта, в том числе искусственные нейросети, машинное обучение, генеративные технологии и т. п. Вычислительные системы теперь не просто используются для создания цифрового контента, они его создают. Кроме того, технологии распознавания лиц, как частный случай применения больших данных, также набирают обороты, что провоцирует целый ряд этических, политических, социальных, экономических последствий. Предсказательная роль медиа выходит на первый план. Ремедиационные процессы, когда они медиальные формы включают в себя другие, реализуя двойную логику сокрытия и предъявления своей медиальной природы [11], все чаще сопровождаются процессами премедиации [15], то есть предвосхищения событий на основе аналитики имеющихся данных. Прогностический потенциал медиа уже не просто является элементом нарратива фантастических произведений, но приобретает реальные очертания и находит применение в различных сферах жизни современного человека. В отличие от предшествующих форм медиа (телевидение, радио, фотография и т. п.), которые направлены на работу с прошлым, цифровые медиа, работающие на основе различных технологий искусственного интеллекта, ориентированы на будущее. Более того, «современные медиа не просто дают возможность анализа прошлого и настоящего, они сами инициируют будущие со-

бытия. Социальные сети способны аккумулировать огромный ресурс внимания и направлять его в определенное социально-политическое русло («арабская весна», флэш-мобы, фанатские движения и т. п.). Новые медиа создают повестку. И происходит это не в духе политической инженерии, нет единого центра, из которого исходят команды, сами медиа, распределенный способ их функционирования порождает те или иные события» [6, с. 377]. Таким образом, на первый план выходят системы, которые умеют не только обрабатывать данные, но и адаптироваться к изменяющимся условиям, другими словами, обучаться. В основном они работают с большими массивами данных и выдают все более точные прогнозы. В 1980-е – 1990-е гг. большие надежды возлагали на экспертные системы (системы аналитики данных на основе заданных алгоритмов), но сейчас стало ясно, что их применимость ограничена, а это сказывается на их популярности: к 2016 г. более чем вдвое упал спрос на них [19]. Работа на основе формулируемых инженером правил делает экспертные системы менее адаптивными, нежели искусственные нейросети, создающие свои правила. Возможность обучения делает нейросетевые технологии более гибкими и, как следствие, более перспективными для решения актуальных задач.

От обществ знания к обществам технoзнания

В период рассвета экспертных систем гуманитарные и социальные науки откликнулись концепцией «общества знания». Э. Гидденс, Д. Белл, З. Бауман, К. Кнопп Цетина и другие исследователи маркировали современное общество как общество знания, где власть при-

надлежит экспертам. В эпоху, когда традиция и община больше не могут предложить индивиду способов справиться с вызовами времени (модели мышления, субъективации, социальных отношений терпят крах и не справляются с меняющейся современностью), когда «мы переходим к миру увеличивающихся скоростей, к новым эпифеноменам реальности медиа, к одноразовым предметам и сооружениям <...>, к мобильным формам существования, к ситуации постоянно обновляемого программного обеспечения...» [8, с. 136], ориентиром становится знание, и на сцену истории выходят «умные люди» – эксперты, обращение к которым может помочь понять новую окружающую действительность, сориентироваться в ней. В обществе знания ключевую роль играет не просто знание, но умение работать с ним (отсюда и формируется фигура эксперта). В этом смысле автоматизированные экспертные системы стали незаменимыми помощниками, ведь они могли обрабатывать большие базы данных, применяя наборы правил. Более того, они стали основой для принятия многих решений [16].

Одновременно с ростом значимости знания отмечают «темную» сторону общества знания – атрофию социального. Так, Кнорр Цетина фиксирует упадок социальных отношений (традиционных для индустриальной эпохи), диагностирует переход к постсоциальному состоянию: «Сложные организации разваливаются на системы мелких независимых центров, <...> отчасти теряется структурная глубина иерархически организованных социальных систем, <...> услуги, предоставляемые живым человеком, заменяются автоматизированными электронными услугами...» [3, с. 274].

Очевидно, что концепция общества знания уже не может быть адекватной для описания современной ситуации. Сейчас можно говорить как минимум об обществе *технознания*, когда на первый план выходят не «умные» люди, а «умные» вещи (способные адаптироваться к изменяющимся условиям), когда обучающиеся нейросети заменяют экспертные системы, а анализ больших данных дает более точные прогнозы, нежели специалисты. Концепция общества технознания предполагает отклик на реальность, где цифровые объекты не только получают слово, но и обзаводятся собственной агентностью (по крайней мере, материальным объектам ее активно приписывают [2]), из инструментов превращаются в акторов. Техноло-

гии машинного обучения высвобождают созидательный потенциал вычислительных систем, которые могут не только следовать правилам, предложенным человеком, но формировать свои наборы правил и решать поставленные задачи самостоятельно. Деревья решений приобретают ризоматическую структуру, высвободившуюся из-под тотальной власти человека (речь не идет о полной эмансипации¹).

В сфере принятия решений также происходят значительные перемены. Автоматизированные системы уже в обществе знания завоевали доверие, однако нейросети сделали заметный шаг вперед. Это связано с возможностью обращения к истории предыдущих решений. Как отмечает Н. Луман, в основе решения (он говорит о человеческом решении) лежит не анализ существующей информации, касающейся конкретной проблемы, а исключительно история решений, принимаемых ранее в связи с этой проблемой [7]. И несмотря на ярлык современного общества как «общества информации» (что не только для Лумана является спорным), она не играет значительной роли в принятии важных решений. Следующий шаг: мы адаптируем данную концепцию принятия решений к автоматизированным системам, в частности к искусственным нейросетям, которые также способны работать со своей историей посредством обучения. Особенно это актуально в связи с обращением к методу обратного распространения ошибки², когда нейросеть возвращает неправильное значение для корректировки распределения связей. Получается, что машина уже работает не в режиме соотнесения данных и правил, а в режиме постоянной корректировки

¹ Искусственные нейросети обладают целым рядом технических ограничений, особенно в области интерпретации символических структур и творчества [17, р. 3], которые, вполне возможно, так и не будут преодолены.

² Вычислительный метод перераспределения весов (связей) в многослойном перцептроне (математическая или компьютерная модель восприятия информации) для получения более точного результата. Если нейросеть на выходе получает несоответствие в сделанной ей классификации, она возвращает ошибку обратно по цепочке искусственных нейронов и сеть перераспределяет связи. Те нейроны, что участвовали в передаче «неверной» информации, уже с меньшей вероятностью будут передавать сигнал по тому же пути в следующий цикл. Метод был открыт еще в 1970-х гг., но широкое распространение получил значительно позже.

опыта, она оттачивает результат и опирается на те решения, которые уже принимала. Это дает основание говорить о качественно другом положении дел, происходит своего рода антропологизация процесса принятия решений – то, что некогда было сугубо человеческим актом, теперь присуще и технике. Демаркационная линия между человеком и машиной уже не выглядит столь отчетливой, как прежде.

Здесь же хотелось бы вернуться к опасениям исследователей относительно упадка социальных отношений и заявить о преждевременной констатации «смерти социального» [1]. С одной стороны, можно последовать за Латуром и заменить категорию «социального» на более подвижные и гибкие понятия, например, «ассоциации», поскольку они способны описывать «гибридную» современность точнее, нежели монолитные конструкции классической социальной теории [5]. С другой стороны, мы можем говорить о реабилитации социального с учетом включения в социальное поле новых неодушевленных акторов. Более того, многие практики, такие как компьютерные игры, возвращают нам опыт социального в его более или менее привычном виде³. Развивающиеся технологии искусственного интеллекта, нейросетей, машинного обучения предлагают все больше проектов, направленных на интегрирование техники в человеческий опыт и гибридные формы социальности. Подобные формы социального преодолевают разрыв между субъектом и природой, проявивший себя в познании в Новое время [4]. Исследовательский взгляд больше не дистиллирует человеческие сущности в качестве субъектов действия, наделяя всех неодушевленных сущностей лишь статусом природных/рукотворных объектов. Теперь нечеловеческие акторы легитимно выступают *действующими*, что в свою очередь порождает целый ряд следствий, как для науки, так и для общества в целом. Например, исследования и разработка искусственного интеллекта в области моделирования эмоциональных и социальных систем уже активно применяются многими

³ В компьютерных играх, в частности в массовых многопользовательских онлайн-играх, мы зачастую имеем дела с классическими формами социального, в которых прослеживается иерархичность отношений, четко прочерченные ролевые модели, сложившиеся внутриигровые конвенции, социальные нормы, набор санкций, применяемых за их неисполнение и т. п.

компаниями (чат-боты, способные реагировать на эмоциональное состояние клиента и подстраиваться под него), а также используются в сфере компьютерных игр. Конечно, речь не идет о том, что социальный опыт машины равносителен социальному опыту человека, но такие технологии явным образом предлагают гибридные формы социального, когда коммуникация выстраивается нелинейным образом и связь «человек – машина – человек»⁴ приобретает символическое измерение, где машина – это не просто материальный предмет или интерфейс, но система символического – контейнер знаний, который переходит от одного человека к другому. Пусть традиционная преемственность знаний (из поколения в поколение, от преподавателя к студенту и т. п.) теряет свои позиции в современном обществе, зато ей на смену приходят новые модели взаимодействия.

Искусственные нейросети vs. эксперты

Общество технотехники оттесняет не только экспертов, но и классические экспертные системы. Искусственные нейросети, обучающиеся различными способами, формируют новую власть – власть «умных» машин. Предсказательная сила таких систем растет, что смещает акценты в области экспертной оценки. Знание по-прежнему играет важную роль, но кто становится носителем этого знания? Человек или искусственная нейросеть, способная обучаться? Чьи прогнозы точнее? Власть сопряжена со способностью предсказывать, экстраполировать, полагать. Тот, кто может смотреть в будущее, владеет настоящим. Как показал Ницше, память позволила разглядеть горизонт будущего, что в свою очередь дало возможность соотноситься с ними, давать обещания со всеми кровавыми культурными последствиями. Для нас важен жест – возможность смотреть вперед определяет полюс власти. Соответственно, те медиа, что в наибольшей степени ориентированы на будущее (точное будущее), обладают большим властным потенциалом. Далее попробуем показать, каким образом нейросети перехватывают эстафету у экспертов.

Представьте себе ситуацию, вы смотрите телевизор или видео на YouTube с выступлением известного политика, а позже выясните, что это видео ненастоящее, ничего такого политик

⁴ О различных конфигурациях отношений «человек – машина» в контексте современных технологий см.: [18].

не говорил и вообще не принимал участие в этой съемке. Кажется, чем-то напоминает роман Филиппа К. Дика «Предпоследняя истина» (1964). Хотя на самом деле это реальность. На конференции SIGGRAPH 2017 г. ученые продемонстрировали результат работы искусственной нейросети, которая полностью сгенерировала видео речи Барака Обамы. Понять, оригинал это или фейк, невозможно ни машине, ни человеку, если не знать, что это плод генеративных технологий. Мимика лица (включая движение глаз) и движение губ согласованы не только между собой, но и с окружением (освещением). Даже при сопоставлении сгенерированного видео с оригинальным невооруженным глазом увидеть разницу невозможно. Конечно, речь идет не о всеильном искусственном интеллекте, который играет с реальностью, как ему вздумается, но о трудоемком и кропотливом обучении нейронных сетей, построенных на базе генеративных технологий и имеющих очень узкую специализацию. Метод имеет свои ограничения, но тем не менее уже способен создавать «искусственную» медиапродукцию, которая способна конкурировать с оригинальной на уровне человеческого и машинного восприятия. Здесь встает вопрос, можем ли мы до сих пор называть ее «искусственной», если она неотличима от того, что мы привыкли называть естественным? Видео с Бараком Обамой не единственный пример успешно обученной нейросети. Все помнят распространение в 2017 г. скандальных порновидео от пользователя deepfakes, где лица порноактрис были заменены искусственной нейросетью лицами знаменитостей. Алгоритм постепенно менял лица в роликах в соответствии с образцами, которыми выступали фотографии и видео, доступные в Сети. Хотя качество роликов не всегда было блестящим, подобный эксперимент вызвал широкий общественный резонанс. В 2019 г. после выхода трейлера к игре «Death Stranding» все лица героев были заменены с помощью той же технологии на лицо геймдизайнера игры Хидео Кодзимы, которого таким образом геймеры раскритиковали за излишний эгоцентризм.

С одной стороны, мы видим очередное смещение границ цифрового и до-цифрового, естественного и искусственного, с другой – констатируем вслед за российским теоретиком медиа и философом К.П. Шевцовым тотальность цифровой реальности через лаконичный, но емкий тезис «Все есть фейк». Можем ли мы вообще

выделять регистры оригинального, искусственного, созданного и возникшего в условиях цифрового? Если нейросеть порой превосходит человека в решении тех или иных задач, но при этом неспособна решить элементарные с точки зрения человеческого сознания, можно ли признавать ее «умной»? Можно ли говорить о еще одном шаге в направлении симуляции сознания? Или мы безвозвратно остаемся в координатах «китайской комнаты», какие бы блестящие результаты не выдавала машина? Утверждают, что нейросети способны генерировать художественные произведения (музыкальные или произведения изобразительного искусства) не хуже человека, пусть они и не понимают, что они создают. Сеть не знает, что хорошо, а что плохо, но способна создать удивительное разнообразие моделей. Можем ли мы приравнивать произведения машины к произведениям человека, если в них отсутствует понимание, а, следовательно, и сознание?

Эти вопросы, безусловно, важны для понимания новых медиа, но в данном случае нас интересует, как их устройство влияет на знание, опыт и организацию человеческой жизни. Как уже отмечалось, искусственные нейросети узкоспециализированы, они не могут решать любые задачи: цели всегда конкретны и область применения их довольно ограничена. Искусственную нейросеть обучают (иногда это может происходить «с учителей», то есть при непосредственном участии инженера, или «без учителя», когда сеть в процессе обучения обнаруживает правильные варианты решения), для их обучения нужно большое количество информации: для систем распознавания голоса необходима база звуков разной степени сложности, для систем распознавания образов – соответственно, база изображений. Загружаются они вручную либо из уже существующих библиотек, где годами копится нужная информация. За последние годы исследования машинное обучение шагнуло вперед за счет улучшения технологий. Сформировались огромные базы данных, которые способны обрабатывать современные компьютеры. Кроме того, возможность подключаться к ним онлайн освободила разработчиков нейросетей от необходимости сохранять весь объем данных на локальном компьютере, теперь сети могут «обучаться, используя один или несколько примеров сразу в ходе потокового сценария» [10], то есть обращаться к библиотеке, хранящейся на стороннем сервере, в нужный момент. Это высвобождает

колоссальные мощности, которые раньше были заняты нуждами архивации.

Однако проблема работы с данными остается: машине нужно объяснить, что значит тот или иной объект, к какому классу его нужно отнести, как этот объект может быть выражен математически и т. п. Например, искусственная нейросеть может построить математическую модель кружки или ложки, но мы должны предоставить ей большое количество образов этих предметов в разных условиях (разрешение картинки, размер и форма предмета, освещение, ракурс и т. д.) и набор классов, чтобы было ясно, как атрибутировать эти объекты. Такие изображения можно загрузить из имеющихся библиотек (одна из крупнейших ImageNet (Рис. 1) на 2019 г. насчитывает 14 197 122 изображений и 21 841 классов), но аннотации для каждого изображения вводятся вручную. Если быть конкретнее, на фотографии/картинке мы помечаем, в какой геометрической области находится изображение необходимого предмета. Сеть сопоставляет данный набор пикселей с другими, предоставленными ей, и постепенно

формирует знание о том, как «выглядит» этот предмет. Для сети это математическая модель, набор точек на экране, но их порядок становится ей понятен, и уже в следующий раз она может с меньшей вероятностью ошибки классифицировать предмет. Другими словами, в машину всегда нужно вложить некоторое знание, с которым она будет работать (под дальнейшей работой может подразумеваться классификация, модификация, приращение знания и даже генерация нового содержания, вплоть до генерации искусственной нейросетью других нейросетей, которые направлены на решение еще более специализированных задач).

Сформировать правильные входящие условия и алгоритм обучения – это необходимые условия, которые привносятся в систему извне. Нейросеть в этом смысле нельзя назвать закрытой системой *par excellence*, несмотря на ее способность создавать внутри себя другие сети. Следовательно, не приходится говорить ни об автономности искусственных нейросетей, ни об их универсальности. Чем сложнее задача, тем объемнее и доскональнее должны быть ин-

Spoon

A piece of cutlery with a shallow bowl-shaped container and a handle; used to stir or serve or take up food

1231 pictures

73.59% Popularity Percentile

Wordnet IDs

Numbers in brackets: (the number of synsets in the subtree).

- ImageNet 2011 Fall Release (32326)
 - plant, flora, plant life (4486)
 - geological formation, formation (1)
 - natural object (1112)
 - sport, athletics (176)
 - artifact, artefact (10504)
 - instrumentality, instrumentation
 - device (2760)
 - implement (726)
 - container (744)
 - wheeled vehicle (229)
 - drawer (0)
 - watering can, watering p...
 - cylinder (0)
 - basket, handbasket (12)
 - thimble (0)
 - bag (59)
 - manger, trough (1)
 - case, display case, sho...
 - spoon (9)
 - teaspoon (1)
 - tablespoon (0)
 - runcible spoon (0)
 - tea maker (0)
 - sugar spoon, sugar...
 - dessert spoon (0)
 - wooden spoon (0)
 - soupspoon, soup sp...
 - powder horn, powder fla...
 - wastepaper basket, was...

Treemap Visualization

Images of the Synset

Downloads

*Images of children synsets are not included. All images shown are thumbnails. Images may be subject to copyright.

Prev 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 ... 35 36 Next

Рис. 1. Пример подборки в ImageNet

струкции и велики и специализированы объемы загружаемой для обработки информации. Уже на этом этапе вопрос о разумности, сознании искусственных нейросетей снимается. Мы все еще движемся в логике, которую довольно ясно прописал Джон Серл в главе «Сознание, мозг и программы»: какой бы совершенной, многоплановой ни была программа, сколько бы информации в нее ни было загружено, она все равно останется программой, лишенной понимания результатов своей деятельности. Даже если на выходе мы получаем поведение, схожее с поведением человека, мы не можем заключать о наличии сознания у машины, поскольку она работает с формальными символами и инструкциями, лишеными для нее всякого смысла. Такая машина/программа/нейросеть может быть блестящим комбинатором, но делать вывод о ее мыслении, имея в посылках формальные символы и процедуры, увы, нельзя. Дж. Серл подробно разобрал аргументы в пользу невозможности построения сознания на основе формальных процедур [9].

Однако не стоит впадать в противоположную крайность и отказывать новым технологиям в способности проявлять активность и действовать так, как если бы они обладали долей сознания, сообразительности и свободой воли. В случае нейросетей подобная активность реализуется не на этапе входных данных или на уровне ее архитектуры, но на этапе обработки

информации и принятия решений. Разберем пример довольно простого (по меркам технологии) многослойного перцептрона (Рис. 2), направленного на распознавание рукописных цифр от 0 до 9 на площади 28 на 28 пикселей. В изображении содержится 784 отдельных пикселя, а в перцептроне – 784 аналогичных нейрона, которые получают сигнал в зависимости от степени заполнения пикселя. То есть если пиксель полностью «заполнен», значение будет 1, если пуст – 0, если же это пиксель на границе фигуры, его значение зависит от степени приближения к тому или другому состоянию. Градиенты серого получают значение между 0 и 1, например, 0,35 или 0,83. Таким образом сеть будет понимать степень «заполненности» пикселей, что позволит ей точнее классифицировать объект. Эти 784 нейрона составляют входящий слой нейросети. Соответственно, выходов у нас 10 (от 0 до 9). Между входящим и выходящим слоями обычно находится 1–2 скрытых слоя, в каждом из которых также будет несколько нейронов (однако их число значительно меньше, чем во входящем слое, например, 15 или 16). Не будем вдаваться в подробности, как рассчитывается число скрытых нейронов, это в данном случае не принципиально. Важно понять, как работает нейросеть. Главная цель скрытых слоев – распределить сигналы по более ограниченным группам, поскольку обрабатывать сразу

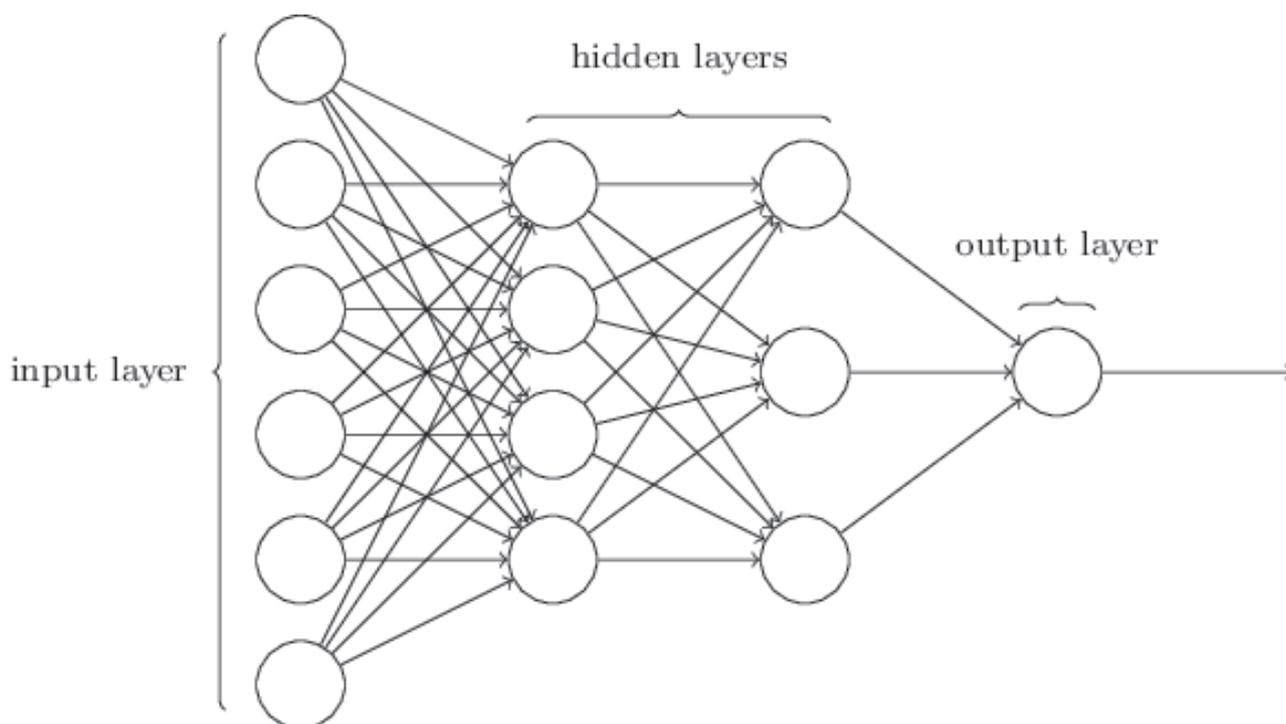

Рис. 2. Модель многослойного перцептрона

13 002 (в нашем примере) входных сигнала не имеет смысла.

Самое интересное происходит на уровне скрытых слоев, здесь нельзя сказать, каким образом осуществляется (пере)распределение весов (связей), почему та или иная связь приводит к активации тех или иных скрытых нейронов (здесь также не будем вдаваться в подробности активации и торможения нейронов). Эти два слоя для нас в данном случае – черный ящик, но именно в нем кроется потенциал активности сети.

Нельзя не упомянуть, что все это становится возможно при применении метода обратного распространения ошибки. Именно так сеть постоянно учится, перераспределяет веса (огрубляя – вероятности связей между нейронами) и путем множества итераций приходит к распознаванию той или иной рукописной цифры. Такая сеть довольно чувствительна к почерку: если у нее закрепился определенный набор пикселей за какой-то частью символа, то отсутствие части пикселей приведет к идентификации ошибки и сеть не распознает ту цифру, которую уже распознавала верным образом ранее, хотя человеческий глаз сделал бы это без проблем. Это частая проблема в работе с искусственным интеллектом – научить его действию, которое человек совершает за долю секунды и даже не задумывается над ним. Приведем пример робота, передвигающегося по комнате, на полу которой рассыпаны игрушки. Даже маленький ребенок легко преодолевает «препятствия» и не наступает на игрушки, в то время как в программу робота нужно загрузить информацию о каждой игрушке с конкретными параметрами, чтобы он смог сгенерировать верный путь. И если положение игрушек изменится, программу нужно будет обновить [12, р. 89]. Конечно, можно усовершенствовать робота камерой и анализировать положение вещей относительно нее, но это также дополнительные усилия по программированию, не говоря уже о реализации возможности обучения. Однако есть области, где машинное обучение набирает обороты и показывает хорошие результаты, что дает нейросетям право конкурировать не просто с человеком, но с экспертом. Речь идет о применении машинного обучения в медицине. Уже многие годы ученые пытаются создавать «полезные» нейросети, которые помогут в диагностике и лечении больных, особенно тяжелыми, труднодиагностируемыми заболеваниями, где превентивное обнаружение недуга может спасти человеку жизнь.

Один из удачных экспериментов в этой области провела группа ученых из США и Канады [13]. С помощью машинного обучения искусственный интеллект учили распознавать заболевания сетчатки не только не заметные невооруженным глазом, но и с трудом распознаваемые без дополнительных процедур. Искусственный интеллект справился с диагностикой лучше, чем эксперты-офтальмологи. Результаты диагностики сети сопоставлялись, с одной стороны, с «золотым стандартом» (он сформировался из результатов уже поставленных диагнозов для 997 пациентов, при этом сканы их сетчаток не попали в тестовую выборку [13, р. 1343–1344]), с другой – с тем, как диагностировали врачи (эксперты). Последние были разделены на две группы, первой группе давали взглянуть только на снимки, второй же предоставляли дополнительно историю болезни и результаты других анализов. И хотя вторая группа экспертов справилась лучше первой (что очевидно), они не смогли опередить нейросеть: искусственный интеллект справлялся на том же уровне, а иногда и превосходил экспертов. На рисунке, взятом из упомянутой статьи [13, р. 1344], видно, насколько близки результаты человека и машины по картографированию сетчатки (Рис. 3). Данный эксперимент показывает, насколько тонкой может быть настройка нейросети и как то, что происходит в «черном ящике» скрытых слоев, может порождать уникальные и практичные решения. Однако специализация сети крайне узконаправленна и работает с конкретным набором болезней, локализованных в определенных участках глаза. В общей сложности было задействовано 14 884 снимка сетчатки, что вновь отсылает нас к проблеме точечного наполнения программы и задает технологические границы сети.

Возвращаясь на уровень анализа устройства нейросети, распознающей почерк, заметим, что нейросеть представляет собой гибрид машинного и активного. Она создается человеком, но обладает зоной собственной активности, скрытой от него⁵. Особенно это касается гене-

⁵ Довольно любопытным примером в области взаимодействия искусственных нейросетей и человека выступает совершенствование «умного дома» с помощью машинного обучения. Система анализирует комплекс показателей, включающий внешние факторы (это может быть цена на электричество, температура помещения или температура за окном и т. п.) и пользовательские привычки (время использования прибора, интервал, частота и т. п.). На ос-

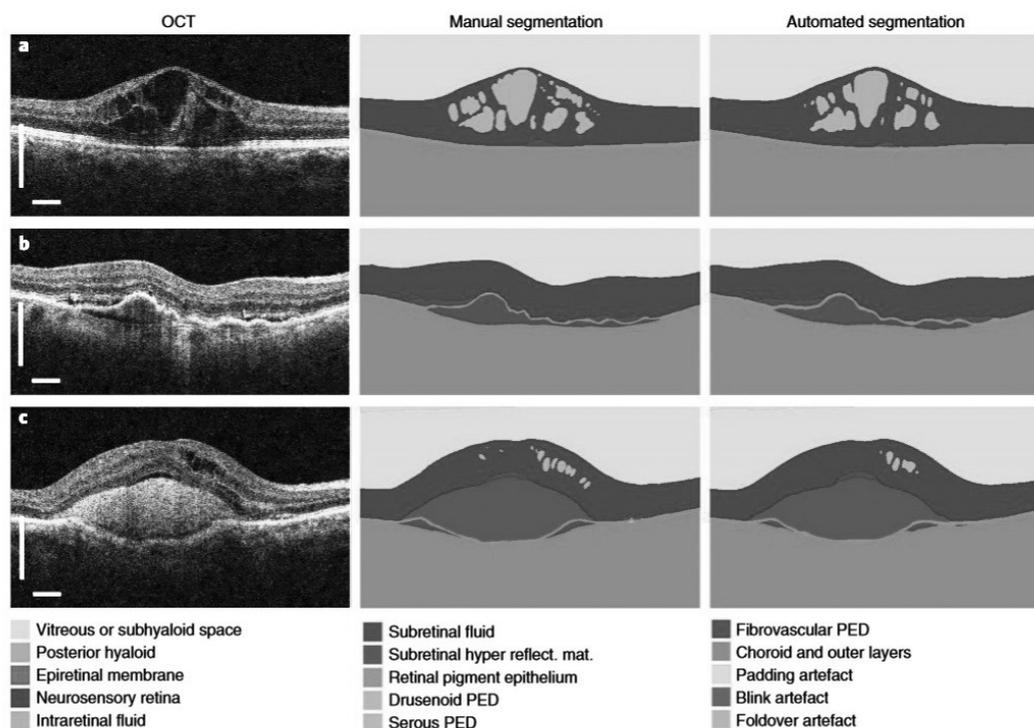

Fig. 2 | Results of the segmentation network. Three selected two-dimensional slices from the $n=224$ OCT scans in the segmentation test set (left) with manual segmentation (middle) and automated segmentation (right; detailed color legend in Supplementary Table 2). **a**, A patient with diabetic macular edema. **b**, A patient with choroidal neovascularization resulting from age-related macular degeneration (AMD), demonstrating extensive fibrovascular pigment epithelium detachment and associated subretinal fluid. **c**, A patient with neovascular AMD with extensive subretinal hyperreflective material. Further examples of the variation of pathology with model segmentation and diagnostic performance can be found in Supplementary Videos 1–9. In all examples the classification network predicted the correct diagnosis. Scale bars, 0.5 mm.

Рис. 3. Результат сопоставления работы нейросети и экспертов из эксперимента с диагностикой заболевания сетчатки [13, р. 1344]

ративных технологий, где слепая зона шире, чем в более простых нейросетях. Кроме того, искусственные нейросети постоянно преодолевают собственные границы не только из-за развития технологий, но и благодаря «социальным» сетям. Большое количество пользователей вносит свой вклад в развитие сетей, это может быть активное, целенаправленное участие, а может быть пассивное – как в случае с системами защиты от ботов (появляются при повторной загрузке сайтов, на нове получаемой изо дня в день информации алгоритм настраивается на пользователя и создает для него максимально комфортные условия (по крайней мере, в теории)). Таким образом, при удачном стечении обстоятельств мы можем наблюдать технико-антропологический симбиоз, гармоничное сосуществование, граничащее с нормализацией (Если программа также будет настроена на алгоритмы «здорового» образа жизни, не станет ли она принуждать пользователя к «нормальным» практикам и вступать в конфликт с его желаниями?). Подробнее о том, как можно применить алгоритм машинного обучения на конкретном примере хлебopечки см.: [14].

пример), которые подразумевают распознавание изображений. В итоге вы включаетесь в процесс обучения сети вне зависимости от вашего желания. Активная роль пользователя проявляется при его участии в различных научных экспериментах. Подобный принцип уже реализуется, правда, пока самые знаковые проекты не связаны непосредственно с нейросетями. Всем известна компьютерная онлайн-игра «Foldit» по синтезу белка или, например, «Planet Hunters», где игрокам предлагается классифицировать планеты, чтобы найти такие, на которых возможна жизнь. Игра работает на аутентичном материале – реальных снимках звездного неба. Таким образом, сообщество игроков способно обнаружить то, что могло скрываться годами от группы ученых. Точечные, но многочисленные классификации порой способствуют лучшему решению задачи, нежели усилия небольшой, пусть и квалифицированной группы. Любопытно, принцип работы этой игры аналогичен тому, как работают рекуррентные нейросети. В них нейроны имеют дело

только с небольшой частью входящей информации, они не обрабатывают ее целиком, а отвечают только за свой небольшой сегмент, что позволяет ускорить процесс обработки информации и сделать его менее зависимым от памяти и мощности компьютера. Это в свою очередь позволяет решать более сложные задачи. Возникает в некотором роде разделение труда, только на уровне искусственных нейронов.

Распределение микрозадач между пользователями (по сути – краудсорсинг) способствует накоплению специализированной информации большого объема, которая в дальнейшем может использоваться в том числе и для обучения искусственных нейросетей. Упомянутый выше ImageNet позволяет каждому желающему загружать изображения в свою базу данных. Соответственно, мы видим, что распределенная сеть работает как внутри нейросети (на скрытых уровнях), так и вне ее, когда подключается «социальная» сеть (сеть пользователей) для работы с информацией.

Заключение

Медиа активны и способны породить новые смыслы и практики не только на уровне содержания, но и на уровне формы. Искусственный интеллект, нейросети, цифровые объекты в целом существуют в координатах цифровой эволюции, их функционирование способно породить мутации, которые могут привести к нетривиальным и неожиданным способам решения научных задач, выявлению новых трендов, тенденций и т. п. Стоит обратить внимание на скрытые слои сетей, их генеративный потенциал. Развитие искусственных нейросетей может быть не только полезно для решения технических задач, но и применимо в области гуманитарных наук, где работать приходится как с цифрами и показателями, так и с трудно артикулируемыми вещами, с опытом, который тяжело оцифровать, перевести на язык количественных методов. В этом смысле глубокое машинное обучение может помочь совершенствовать качественные методы работы, что значительно увеличит разрешающую способность наук о человеке и обществе.

Мы видим, что развитие разного рода искусственных нейронных сетей, методов машинного обучения способствует возникновению систем, претендующих на роль экспертов в современном обществе. Такие системы не обладают сознанием, не понимают тех выводов, которые делают, но могут выдавать точные прогнозы, классифи-

кации, принимать решения. Они не обходятся без человека, ведь их структура, устройство и оперативность базируются на человеческих навыках, задающих координаты их работы. Однако функция человека по поддержанию работы нейросетей все больше смещается в сторону технической поддержки, обеспечения работоспособности, хотя и сохраняет творческих потенциал в плане изобретения более совершенных искусственных систем. Общество технотехники нельзя назвать идеальным, но оно неизбежно наступает, и мы должны понимать, как оно устроено, чтобы искать обходные пути, стратегии сопротивления контролю и альтернативные способы существования в мире тотальности цифры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
2. Ерофеева М. О возможности акторно-сетевой теории действия // Социология власти. 2015. Т. 27. № 4. С. 51–71.
3. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 267–306.
4. Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2014.
6. Латыпова А.Р., Ленкевич А.С. Премедиа-ция // Медиареальность: концепты и культурные практики: учебное пособие. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2017. С. 373–378.
7. Луман Н. Решения в «информационном обществе». Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000.
8. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2014.
9. Серл Дж. Сознание, мозг и программы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alt-future.narod.ru/Ai/searle1.htm#_ftn1
10. Alpaydin, E., 2016. Machine learning: the new AI. Cambridge: MIT Press.
11. Bolter, J.D. and Grusin, R., 1999. Remediation: understanding new media. Cambridge: MIT Press.
12. Broussard, M., 2018. Artificial unintelligence: how computers misunderstand the world. Cambridge: MIT Press.

13. Fauw, J., Ledsam, J.R., Romera-Paredes, B. et al., 2018. Clinically applicable deep learning for diagnosis and referral in retinal disease. *Nature Medicine*, Vol. 24, pp. 1342–1350.

14. Goubko, M., Kuznetsov, S., Neznanov, A. and Ignatov, D., 2016. Bayesian learning of consumer preferences for residential demand response. *IFAC-PapersOnLine*, Vol. 49, no. 32, pp. 24–29.

15. Grusin, R., 2010. *Premediation: affect and mediality after 9/11*. New York: Palgrave Macmillan.

16. Kvesko, S., Kornienko, A., Kvesko, B. and Chicherina, N., 2018. Expert systems as the basis of decisions in the knowledge society. *MATEC Web of Conferences*, Vol. 155.

17. Oleinik, A., 2019. What are neural networks not good at? On artificial creativity. *Big Data & Society*, Vol. 6, pp. 1–13.

18. Tsvetkova, M. et al., 2017. Understanding human-machine networks: a cross-disciplinary survey. *ACM Computing Surveys*, Vol. 50, no. 1.

19. Wagner, W.P., 2017. Trends in expert system development: A longitudinal content analysis of over thirty years of expert system case studies. *Expert Systems with Applications*, Vol. 76, pp. 85–96.

REFERENCES

1. Baudrillard, J., 2000. *V тени molchalivogo bolshinstva, ili Konets sotsialnogo* [In the shadow of the silent majorities, or the end of the social]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. (in Russ.)

2. Erofeeva, M.O., 2015. O vozmozhnosti aktorno-setevoi teorii deistviya [On the possibility of an actor-network theory of action], *Sotsiologiya vlasti*, Vol. 27, no. 4, pp. 51–71. (in Russ.)

3. Knorr Cetina, K., 2006. *Sotsialnost' i ob'ekty. Sotsialnye otnosheniya v postsotsialnykh obshchestvakh znaniya* [Sociality with objects. Social relations in postsocial knowledge societies]. In: *Sotsiologiya veshchey: sbornik statei*. Moskva: Izdatelskii dom «Territoriya budushchego», pp. 267–306. (in Russ.)

4. Latour, B., 2006. *Novogo vremeni ne bylo* [We have never been modern]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)

5. Latour, B., 2014. *Peresborka sotsialnogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network theory]. Moskva: Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russ.)

6. Latypova, A.R. and Lenkevich, A.S., 2017. *Premediatsiya* [Pre-mediation]. In: *Mediareal'nost': kontsepty i kulturnye praktiki: uchebnoe posobie*. Sankt-Peterburg: Fond razvitiya konfliktologii, pp. 373–378. (in Russ.)

7. Luhmann, N., 2000. *Resheniya v «informatsionnom obshchestve»*. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii* [Decisions in the «information society». The issues of theoretical sociology]. Vyp. 3. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU. (in Russ.)

8. Savchuk, V.V., 2014. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Mediaphilosophy. Attack reality]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RKhGA. (in Russ.)

9. Searl, J. *Soznanie, mozg i programmy* [Minds, brains, and programs]. URL: http://alt-future.narod.ru/Ai/searle1.htm#_ftn1 (in Russ.)

10. Alpaydin, E., 2016. *Machine learning: the new AI*. Cambridge: MIT Press.

11. Bolter, J.D. and Grusin, R., 1999. *Remediation: understanding new media*. Cambridge: MIT Press.

12. Broussard, M., 2018. *Artificial unintelligence: how computers misunderstand the world*. Cambridge: MIT Press.

13. Fauw, J., Ledsam, J.R., Romera-Paredes, B. et al., 2018. Clinically applicable deep learning for diagnosis and referral in retinal disease. *Nature Medicine*, Vol. 24, pp. 1342–1350.

14. Goubko, M., Kuznetsov, S., Neznanov, A. and Ignatov, D., 2016. Bayesian learning of consumer preferences for residential demand response. *IFAC-PapersOnLine*, Vol. 49, no. 32, pp. 24–29.

15. Grusin, R., 2010. *Premediation: affect and mediality after 9/11*. New York: Palgrave Macmillan.

16. Kvesko, S., Kornienko, A., Kvesko, B. and Chicherina, N., 2018. Expert systems as the basis of decisions in the knowledge society. *MATEC Web of Conferences*, Vol. 155.

17. Oleinik, A., 2019. What are neural networks not good at? On artificial creativity. *Big Data & Society*, Vol. 6, pp. 1–13.

18. Tsvetkova, M. et al., 2017. Understanding human-machine networks: a cross-disciplinary survey. *ACM Computing Surveys*, Vol. 50, no. 1.

19. Wagner, W.P., 2017. Trends in expert system development: A longitudinal content analysis of over thirty years of expert system case studies. *Expert Systems with Applications*, Vol. 76, pp. 85–96.

С.И. ГЕССЕН НА «БАШНЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В статье рассматривается судьба знаменитой «башни» в Петербурге русского поэта и мыслителя Серебряного века Вячеслава Иванова после его отъезда за границу. В качестве приложения к статье публикуются неизвестные ранее письма С.И. Гессена, адресованные Вяч. Иванову и М.М. Замятниной, в которых идет речь не только о бытовых проблемах, связанных с временным проживанием Гессена на «башне», но и об издававшемся в начале XX в. журнале «Логос».

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Сергей Гессен, «башня» на Таврической, Серебряный век, журнал «Логос»

Sergey Hessen in the Tower of Vyacheslav Ivanov. VADIM V. SAPOV (Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the fate of the famous Tower in St. Petersburg owned by the Russian Silver Age poet and thinker Vyacheslav Ivanov after his departure abroad. As an appendix to the article, the author publishes and comments several previously unknown letters from Sergey Hessen, a prominent Russian Neo-Kantian philosopher, to Vyacheslav Ivanov and Mariya Zamyatina, which reveal not only the everyday problems associated with the temporary residence of Hessen in the Tower, but also the details of “Logos” journal history.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Sergey Hessen, the Tower on Tavricheskaya, Silver Age, «Logos» journal

О «башне» Вячеслава Иванова написана уже целая литература (см., напр.: [2; 5; 10; 14]), снимаются документальные фильмы. Список побывавших на «средах» Вяч. Иванова и прочих посетителей «башни» составит, наверное, сотни страниц. Во всяком случае, уже сейчас вполне можно составить антологию «На “башне” Вячеслава Иванова», и если в эту антологию включить не только воспоминания ее посетителей, но и дневники и письма современников, то, вероятнее всего, в один том она не уместится.

Но есть одно обстоятельство, на которое, кажется, еще не обращал внимание никто из писавших и пишущих о «башне»: со време-

нем «башня» превратилась в нечто самостоятельное, существующее независимо от своих «населенников» и живущее своей особой, можно сказать, мистической жизнью. Отмечалось 100-летие, а недавно (в 2016 г.) даже 111-летие «башни». Одновременно это и 111-летие всего здания на Таврической, но это обстоятельство оказалось как бы в тени, что, наверное, не совсем справедливо. Ведь годовщина любого дома – это прежде всего годовщина его создателя. Если правильна мысль о том, что «в судьбе символиста – все символично», то заслуживают внимания и те люди, жизненные пути которых так или иначе, иногда неведомо для них самих,

* САПОВ Вадим Вениаминович, старший научный сотрудник отдела теории и истории социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

E-mail: vadven56@yandex.ru

© Сапов В.В., 2019

пересеклись хотя бы однажды с жизненной траекторией символиста.

Здание, частью которого является «башня» Вячеслава Иванова, построил архитектор Михаил Николаевич Кондратьев, которому в ту пору было всего 26 лет. Это первое из семи построенных им в Петербурге зданий. Строил он дома и в Ростове-на-Дону, и в Таганроге (первый «круглый дом», построенный в СССР), пытался продолжать свою работу и при большевиках, но с ними отношения у него не сложились, в 1930-х гг. он был арестован, а из стен ростовского НКВД, как пишут его биографы, вышел уже надломленным. Во время войны эвакуировался в Ташкент, где и умер в 1943 г. А «дом с башней», да и сама «башня» продолжали жить своей жизнью, которой живут и по сей день.

Нет нужды фантазировать о том, как складывались бы жизнь и творчество Вяч. Иванова, если бы по возвращении в Россию в 1905 г. он поселился бы пусть даже и в Петербурге, но в каком-то другом доме. Не нужно и объяснять, что такое вид из окна вообще, и что такое вид из окна для поэта. В романах Ф.М. Достоевского, который как никто из современников понимал душу Петербурга, вид из окна иногда убивает героя (как «проклятая Мейерова стена» в «Идиоте» фактически убивает несчастного Ипполита, хотя, по его собственным словам, она ему «дороже всех павловских деревьев»), а иногда становится невольным соучастником его преступления, как двор (каменный колодец), который каждый день видит из своего окна Родион Раскольников.

«Чтобы понять поэта, – учит Гете, – надо побывать на его родине». У Вячеслава Иванова, пожалуй, три родины: Москва – Петербург – Рим. Москва его детства давно уже исчезла. Затонула, как Атлантида. Ее можно восстановить только по его описаниям, отчасти – по описаниям современников. Рим – на своем месте, как и тысячи лет назад. «Башня» тоже на своем месте, но, к сожалению, подняться на шестой этаж знаменитого дома на Таврической и из окна или окон квартиры № 24 насладиться фантастическими видами расстилающегося внизу Петербурга в последние годы невозможно: на шестом этаже вот уже много лет идет ремонт, посетителей не пускают, а что будет на башне после ремонта, сейчас, наверное, никто не скажет.

Из русских символистов, так любивших цитировать Ницше, никто, кажется, не обратил внимания на такие его слова: «Высокая культура – это пирамида: она может стоять только на

широком основании, она имеет, как предпосылку, прежде всего сильную и здоровую ответственность» [12, Т. II, с. 686]. Если «башню» и «пирамиду» сравнивать как понятия символические, то опасность, угрожающая «башне», становится очевидной: «опрокидывающий момент» у башни гораздо больше, чем у пирамиды: она может упасть при первом же сильном порыве ветра, что, собственно, и произошло в 1917 г. «Предчувствия и предвестия» этого опрокидывания были уже у некоторых современников. Бердяев, например, писал в «Самопознании»: «На “башне” велись утонченные разговоры самой одаренной культурной элиты, а внизу бушевала революция» [4, с. 156].

По-видимому, отчетливое осознание катастрофичности «башенной культуры» к участникам петербургских «симпозиумов» пришло гораздо позже – к одним сразу же после катастрофы, к другим – спустя какое-то время (к кому-то и вовсе не пришло, но это уже за скобками нашего рассмотрения). Вяч. Иванов писал в 1919 г.:

Да, сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит [9, Т. IV, с. 81].

Хорошо известен и разговор Маяковского с А. Блоком поздней осенью 1917 г. (уже после захвата власти большевиками): «Нравится?» – спросил Маяковский. «Хорошо», – сказал Блок. А потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли» [11, с. 148].

Сожгли на самом деле всю усадьбу, но поэт жалеет только о библиотеке. Конечно, было бы лучше, чтобы народ, осуществляя свою «волю» и сжигая усадьбы, сберегал библиотеки, но в таком случае было бы недалеко и до осознания той простой мысли, что и усадьбы ему могут пригодиться. «...Крез спросил царя: “Что делает здесь эта орда с такой яростью?” Кир отвечал: “Они грабят город и расхищают твои сокровища”. Крез же возразил на это: “Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня ничего больше: они расхищают твое достояние”» [7, с. 50].

Но для этого как раз и нужна культура-пирамида, а не культура-башня, для этого, как говорил Ф. Ницше, «необходимы плохие писатели» [12, Т. I, с. 344]. Иначе люди «незрелого возраста», не задумываясь, сметут «башню» со всеми ее обитателями. О чем и предупреждал другой великий поэт: «Город стал добычей мятежни-

ков. Они бросались грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье». Или такой вот «частный случай», который, поскольку в нем упомянуты «звезды», приобретает совсем уж злобный символический смысл: «Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить поближе к звездам» [13, с. 64, 77].

...Итак, «башня» опрокинулась и упала. Символическая, разумеется, башня, «башня» русской культуры. А дом, на котором размещалась эта «башня», остался на прежнем месте и дожил, к счастью, до наших дней, пережив и перетерпев всю нашу историю, то есть и революцию, и гражданскую войну, и большой террор, и блокаду, и все последующие годы. История дома известна лишь в самых общих чертах, известны имена нескольких десятков самых видных его жильцов, а также тот факт, что в годы блокады Ленинграда погибло более 60 жильцов этого дома [5, с. 622–635]. Совсем неизвестно, кто жил на «башне» после Вячеслава Иванова, что там вообще происходило.

Когда-нибудь на «башне» Вячеслава Иванова будет создан музей. Не важно, будет ли это Музей поэта и мыслителя, или Музей Серебряного века, или Музей русской дореволюционной культуры, главное, что пост-Ивановская история башни, да и самого дома, будет прослежена если не по годам, то хотя бы по десятилетиям до того самого момента, когда дух поэта снова найдет в ней свое изначальное и теперь уже окончательное прибежище.

А пока – по публикуемым письмам С.И. Гессена – можно проследить первый год жизни башни без Вячеслава Иванова. Что именно побудило Сергея Иосифовича Гессена переселиться на башню, сказать трудно. Возможно, он, как и г-жа Грюнвальд, был «влюблен в башню», может быть, он руководствовался какими-то неизвестными нам житейскими, финансовыми и тому подобными соображениями. Но интересно отметить, что «башня» приняла новых жильцов не очень дружелюбно: осенью в ней было холодно, печь дымила, жить в ней было трудно, а судя по письма – практически невозможно, хотя при Вяч. Иванове на подобного рода неудобства никто вроде бы не жаловался. Видимо, «башня» уже и в то время ждала своего хозяина и не хотела принимать чужаков. Ждет и теперь.

Письма С.И. Гессена к Вяч. Иванову
(1911–1913 гг.)¹

– 1 –

СПб. М. Конюшенная, 3 Тел. 36-20
11 авг<уста> <19>11

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Пожалуйста, *немедленно* сообщите мне, куда послать Вам корректуру Вашей статьи о Толстом в немецком переводе: она будет помещена в ближайшей книжке немецкого «Логоса»². Перевод не особенно удался Степуну (да и не мудрено) и требует с Вашей стороны самого внимательного чтения.

Сердечный привет от искренне преданного
С. Гессена

– 2 –

СПб. 19-ое марта <1912>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Ежели желаете провести вечер в обществе петербургских философов, то последуйте пожалуйста приглашению, которое я Вам передаю по поручению Н.С. Войтинской³ (Могилевская ул., 25). На этом вечере (21-ое марта, среда) будут Н. Лосский, И. Лапшин, С. Франк, члены Философского Собрания, члены Философских семинаров Высших курсов и Университета. Нужно ли говорить Вам, что Ваше присутствие направит беседу собравшихся философов в сторону от узко специальных вопросов и придаст ей более общий (и интересный) характер?!

Если придете (*что будет очень хорошо*), то там же поговорим о кой-каких делах.

Искренне преданный
С. Гессен

– 3 –

СПб. 23-е марта <1912⁴>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

К сожалению папа уже написал письмо несколько дней тому назад Борису Николаевичу. По его словам, письмо так им составлено, что Б.Н. не сможет быть огорчен отказом. Т<ак> к<ак> Набоков⁵ выехал из Петербурга, а папа уезжает сегодня, то отложим наше сражение на Фомину неде-

¹ Публикуются по оригиналам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 109. Оп. 16. Д. 13. Л. 1–10).

² Имеется в виду статья В.И. Иванова «Л. Толстой и культура».

³ Войтинская-Левидова Надежда Савельевна (1886–1965) – художница, переводчица, искусствовед, близкая к группе художников «Мир искусства».

⁴ Датируется по содержанию: речь в письме идет, по-видимому, об инциденте, связанном с предстоящей публикацией романа А. Белого «Петербург» (весьма вероятно, что это одно из «кое-каких дел», упоминанием о которых заканчивается предыдущее письмо). В начале марта 1912 г. П.Б. Струве категорически отказался печатать роман А. Белого на страницах редактируемого им журнала «Русская мысль». Одним из самых активных защитников романа был В.И. Иванов (подробнее см.: [8, с. 555–558]). В конце февраля 1912 г. А. Белый возвратился из Петербурга в Москву, а во второй половине марта, передав рукопись романа «Петербург» издателю К.Ф. Некрасову, выехал за границу.

⁵ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – криминалист и политический деятель, отец писателя В.В. Набокова, один из издателей кадетской газеты «Речь» (которую редактировал И.В. Гессен, отец С.И. Гессена).

лю. Папа сам очень нерешителен во всем этом деле, и при некотором давлении с Вашей стороны можно было бы, мне кажется, достичь успеха.

В понедельник буду у Вас, и мы поговорим о сем подробно.

Искренне преданный Вам
С. Гессен

– 4 –

СПб. Таврическая, 35*⁶
27 февр<аля> <19>13

Глубокоуважаемый и дорогой
Вячеслав Иванович,

Вы наверное получили уже давно книгу «Логоса» со статьями Яковенко и моей⁷. М<ожет> б<ыть> на досуге как-нибудь прочтете мою статью. Мне было бы лестно узнать Ваше мнение. Пусть Вас не останавливает то, что она трактует о юридическом вопросе. Философия (по крайней мере в моем понимании) едина, и истинный философ, говоря по поводу разного, в сущности должен говорить одно и то же. Вы не увидите в этом сомнения: в статье о наказании я (хорошо ли, плохо ли) постарался дать очерк моих общефилософских воззрений.

Но приступаю к делу. Это коллективная просьба к Вам от редакции «Логоса». Вы заметили наверное, что из числа ближайших сотрудников «Логоса» ушли Н. Лосский и С. Франк⁸. Лосский потому, что не хочет раздражать своих московских друзей (изд-во «Путь»), которым он отказал в ближайшем сотрудничестве. Франк потому, что считает «Логос» партийным органом неокантианцев, узурпировавшим наименование международного ежегодника по философии культуры.

О Лосском говорить нечего. Его мотивы отчасти личные и вполне понятные. Он нам вполне сочувствует и будет продолжать сотрудничать у нас, тогда как в Пути не будет и сотрудничать. Но он не хочет, чтобы его считали в борьбе «Логоса» и «Пути» взявшим сторону «Логоса»: это не соответствует вполне действительности и не желательно для него по личным мотивам.

О Франке тоже говорить не приходится. Франк по личным свойствам своего ума и характера обречен на безнадежное смешение определенности философской позиции с узостью и философской расплывчатости и мягкотелости с широтой. «Логос» никогда не собирался стать складочным местом для всяческого рода философических размышлений. С 1-ой же книги он определенно заявил, к чему стремится, и в течение трех лет, думается, не сошел с намеченного пути. Обвинять⁹ его в какой-то узурпации прямо смешно. Считать его органом неокантианцев – какой это провинциальный анахронизм! Будто Яковенко, Степун и я (не говорю о немцах) – это кантианство! С таким же правом можно было бы назвать нас и платоновцами и фихтеанцами и гегельянами! Впрочем, Вы лучше другого чувствуете, что «Логос», если и партиен, то партиен постольку, поскольку он неуклонно стоит на дороге чистой философии. Для человека, обладающего философским зрением, уже теперь должно стать ясно, сколь велики по существу расхождения между Яковенко и хотя бы мной: к какому большому разномыслию они со временем неизбежно должны привести.

К сожалению, не только Франк, но и Борис Николаевич в своей последней статье в «Тр<удах> и Днях»¹⁰, забывши все пережитое за последние три года, каким-то непонятным образом игнорируя происшедшее развитие и намечавшуюся дифференциацию (признак живой силы!), попытался

⁶ В нижней части листа после текста сделано примечание: «* Изменили № дома».

⁷ Имеются в виду статьи Б.В. Яковенко «Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще. Второе, более специальное введение в трансцендентализм» и С.И. Гессена «Философия наказания» в «Логосе» (1912–1913, кн. 1–2).

⁸ На титуле указанного в предыдущем примечании номера «Логоса» в числе его «ближайших сотрудников» перечислены А.И. Введенский, В. Вернадский, И. Гревс, Ф. Зелинский, Б. Кистяковский, А. Лаппо-Данилевский, Э. Радлов, П. Струве, А.А. Чупров. В предыдущих номерах кроме них значились еще Н.О. Лосский и С.Л. Франк.

⁹ В оригинале «объявлять» – вероятно, описка.

¹⁰ «Последней статьей» А. Белого в «Трудах и днях» (1912, № 6) был его «Ответ Ф.А. Степуну...». Однако здесь, вероятнее всего, имеется в виду статья А. Белого «Круговое движение» (1912, № 4–5).

вернуть спор на старую позицию, на ту элементарную позицию о схоластике (кантианстве) и метафизике, которая в свое время так набила всем оскомину. Будто между *нашей* гносеологией и *истинной* метафизикой есть еще принципиальное различие! Будто происходит от скептической и боязливой гносеологии и бороться с дурной метафизикой значит быть схоластом и методологом! Нет, даже Борису Николаевичу не удастся (да и он сам наверное скоро изменит свое мнение) сделать небывшим то, что за это время случилось.

Итак, к чему я это все говорю? Чтобы просить Вас позволить нам поставить Ваше имя на обложке в числе ближайших сотрудников «Логоса» – на место Лосского и Франка. Нам важно поставить имя Вячеслава Иванова – Ваше сочувствие много значит и покажет всем, что мы не партийный, а вообще философский орган. Вспоминая наши беседы, я полагаю, что таково и Ваше мнение. Вы всегда считали «Логос» сознавшей себя философией. Критикуя «Логос», Вы критиковали философию. Вы не принимаете «Логос» постольку, поскольку для Вас вообще не приемлема в последнем смысле философия. Нам важно, чтобы это Ваше мнение, столько раз столь определенно Вами высказывавшееся, Вы ныне подтвердили еще раз Вашим согласием на нашу просьбу. Это и будет соответствовать фактам: Вы дали нам уже Вашу статью и, надеюсь, дадите еще. Мотивы Лосского к Вам не относятся. Из того, что Вы дали нам Ваше имя, никто не заключит, что Вы стали партийным философом – против «Пути», в котором Вы сотрудничаете¹¹. Всякий поймет, что Вы сочувствуете «Логосу» *условно*, как признаете ценность философии в сфере *условного*. Недовольство Бориса Николаевича философией Вас тоже вряд ли должно остановить. Думается, Вы не последуете зову Штейнера, и Ваше ни в каком посредничестве не нуждающееся посланничество слишком уверено в себе и слишком широко, чтобы отвергать условную ценность философии.

Так как 30 марта выходит новая книга «Логоса», то нам очень желателен был бы Ваш скорый ответ¹².

Надеюсь, у Вас все благополучно, и Вы довольны Вашим пребыванием в Риме¹³. Я остаюсь здесь до числа 16–20 мая, а затем собираюсь в Германию на лето <зач.: (Кстати, к сведению Марии Михайловны: мы хотели бы во всяком случае>¹⁴ С наслаждением читаю Вашу «Нежную тайну»¹⁵.

Передайте, пожалуйста, искренний привет Вере Константиновне и Марии Михайловне¹⁶.

Сердечный привет шлет Вам искренне Вам преданный
С. Гессен¹⁷

¹¹ Сотрудничество В.И. Иванова в «Пути» ограничилось одной статьей – «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания», – опубликованной в «Сборнике первом. О Вл. Соловьеве» (М.: Путь, 1911).

¹² Это было уже не первое обращение редакции «Логоса» к В.И. Иванову с просьбой о сотрудничестве. «Там (на “башне”. – прим. авт.), – пишет О. Дешарт, – дней десять провел редактор неокантианского “Логоса”, прекрасный оратор, тонкий мыслитель Федор Степун, специально приехавший в СПб., чтобы уговорить В.И. стать сотрудником чуждого ему журнала» [9, Т. II, с. 824]. В другом месте она уточняет: «В 1910 г. гостил на “Башне” Степун, редкие встречи которого с В.И. Ивановым всегда превращались в “пиршественные беседы”» [9, Т. III, с. 840]. Сам Ф.А. Степун относит свой визит на «башню» к зиме 1910–1911 гг., не упоминая при этом о своих попытках уговорить В.И. Иванова стать сотрудником «Логоса». Мнение В.И. Иванова о «Логосе» зафиксировано в его дневнике 27 июня 1909 г.: «Фрейбургский “Логос” и русский философский кружок – наивны. По-видимому хотят моего косвенного участия. Я похож на натягиваемую тетиву, не знающую, ни кто ее натягивает, ни куда метит стрелок. Я спасаюсь моралью исполнения злобы наступающего дня. Я всегда знаю, что нужно делать непосредственно. Почему-то пристально следя за общей жизнью, даже внимательно относясь к газетам, – я стал недоумевать о многом, что еще недавно казалось вполне выясненным. Я стал плохой и робкий философ. Мне кажется, я плыву на судне, где не я кормчий» [9, Т. II, с. 777].

¹³ В Рим В.И. Иванов с семьей приехал зимой 1913 г. и серьезно обдумывал здесь возможность своего перехода в католичество (см.: [9, Т. III, с. 803]).

¹⁴ С.И. Гессен, видимо, хотел здесь затронуть «жилищный вопрос» (см. ниже его письма к М.М. Замятниной), но не считая возможным смешивать великое с малым, начатую фразу зачеркнул.

¹⁵ Поэтический сборник В.И. Иванова, выпущенный в 1912 г. в Петербурге издательством «Оры» (см.: [9, Т. III, с. 7–60]).

¹⁶ Шварсалон Вера Константиновна (1890–1920) – дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, с лета 1913 г. – жена В.И. Иванова.

Замятнина Мария Михайловна (1865–1919) – домоправительница Ивановых, которой посвящено несколько стихотворений В.И. Иванова.

¹⁷ Ответное письмо В.И. Иванова опубликовала А.И. Резниченко (см.: [6, с. 393–398]).

СПб. 27/10 мая <19>13

Глубокоуважаемый и дорогой
Вячеслав Иванович,

Из Вашего письма я вижу, что решение Ваше, к сожалению, бесповоротно, и ему надо подчиниться. Тем настойчивее я просил бы Вас за то дать «Логосу» какую-нибудь статью (из области эстетики), чтобы тем подтвердить Ваше участие в нем как дружественного сотрудника. В данном случае Вы последуете примеру Н. Лосского, напечатавшего статью в том самом номере «Логоса», с обложки которого было впервые снято его имя¹⁸.

У меня экзамены в середине мая кончаются, и я тотчас же уеду во Freiburg, где находятся уже Нина Лазаревна с сыном. Очень хотелось бы с Вами лично побеседовать. Надеюсь, осенью Вы будете в Петербурге?¹⁹

Прошу Вас передать сердечный привет Вере Константиновне. Мой отец благодарит за память и просит кланяться.

Искренне преданный и уважающий Вас
С. Гессен

P.S. Как жалко, что существенный спор Бориса Николаевича с Федором Августовичем по вине обоих принял такую ненужную, злую, личную форму!²⁰

¹⁸ Статья Н.О. Лосского «Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений» (1912–1913, кн. 1–2).

¹⁹ Осенью 1913 г. В.И. Иванов действительно возвратился в Россию, но не в Петербург, а в Москву, о чем 23 августа / 4 сентября 1913 г. уведомила своих читателей газета «Голос Москвы», поместившая на с. 4 (№ 193) такое объявление: «С осени переселяется в Москву из Петербурга Вячеслав Иванов».

²⁰ Имеется в виду полемика А. Белого и Ф.А. Степуна по поводу статьи первого «Круговое движение».

Письма С.И. Гессен к М.М. Замятниной (1912–1913 гг.)²¹

– 1 –

Сестрорецкий курорт
Заречный пр., д. Курбатова
Тел. 41
19 июня <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Сейчас получил телеграмму от моих знакомых из Рима, которым я предложил квартирное содружество (Р.Б. Шаскольский). Телеграмма гласит: *Der Kommune einverstanden unser Rückkehr Herbst noch unsicher*²². Выяснится это лишь через некоторое время. Итак, я снова не могу дать Вам окончательного ответа. Думаю поискать еще компаньонов, хотя сейчас не предвижу никого. Если Вам не удобно ждать, то пожалуйста не стесняйтесь и сдайте кому-нибудь другому.

Впрочем, следующие два плана: не согласится ли Михаил Алексеевич²³ (как его здоровье?) остаться в своих комнатах (за рублей 30–35) только *без стола*, или другой: одна наша хорошая знакомая (М. Грюнвальд²⁴), «влюбленная в башню», мечтает поселиться в ней, но только с *октября* месяца: т. е. с август<a> по октябрь Вы теряете половину (или немного меньше) квартирной платы (т. е. 80 рублей). Если на последнее Вы согласитесь, то можно считать вопрос поконченным. Тогда сообщите, пожалуйста, когда жене или мне приехать, чтобы с Вами окончательно переговорить. Имейте в виду, что если Вы согласитесь на последнее, то это только *крайний* случай: ведь приезд Шаскольских осенью все-таки очень вероятен.

Итак, жду Вашего ответа
Искренне преданный
С. Гессен

²¹ Публикуются по оригиналам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 109. Оп. 16. Д. 14. Л. 1–11).

Весной (вероятнее всего в мае) 1912 г. В.И. Иванов с женой Верой Константиновной, которая ждала ребенка, дочерью Лидией и М.М. Замятниной уехал из России (во многом из-за того, что его женитьба на падчерице вызвала нежелательные пересуды) сначала в Швейцарию, затем во Францию и Италию. Опустевшая «башня» была по этой причине сдана в наем нескольким лицам, образовавшим «квартирное содружество», в которое входил и С.И. Гессен. Его письма к Замятниной касаются различных финансовых и хозяйственных проблем, связанных с обитанием на «башне».

«Башня», – писал А. Белый, – висела с Таврической над Государственной думою; Недоброво, друг Иванова, рядом жил; в том же подъезде (но первый этаж) проживал генерал Куропаткин; и где-то высоко жил Гессен, философ, сын Гессена.

Мы же, жильцы (имеются в виду «гости». – *прим. авт.*), проживали в причудливых переплетениях «логова»: сам Вячеслав, М. Замятина, падчерица, Шварсалон, сын, кадетик, С.К. Шварсалон, взрослый пасынок; в дальнем вломлении стен, в двух неведомых мне комнатухах, писатель Кузмин проживал; у него ночевали «свой»: Гумилев, живший в Царском; и здесь приночевывали: А.Н. Чеботаревская, Минцлова, я, Степун, Метнер, Нилендер в наездах на Питер являлся: здесь жить; меры не было в гостеприимстве, в радушии, в ласке, оказываемых гостям «Вячеславом Великолепным»: Шестов так называл его <...>.

Из «частых на башне» – запомнились: Е.В. Аничков, профессор и критик, Тамашева (эс-де), Белявские, устроительницы наших лекций, учительницы, прилетающие между лекциями с тараканьем, Столпнер, С.П. Каблуков, математик-учитель и религиозник, Протейкинский, Бородаевский, Н. Недоброво, Скалдин, Чеботаревская, Минцлова, Ремизов, Юрий Верховский, Пяст, С. Городецкий, священник Агеев; являлись многие: Лосский, Бердяев, Булгаков, писатель Чапыгин, Шестов, Сюннерберг, Пимен Карпов, поэты, сектанты, философы, богоискатели, корреспонденты; Иванов-Разумник впервые мне встретился здесь» [3, с. 354–357].

Из «башни» был выход напологую крышу, куда нередко под утро поднимались собравшиеся у Вяч. Иванова участники «симпозиумов». Однажды на крыше читал свою «Незнакомку» А. Блок (см.: [1, с. 221]).

Слова А. Белого о том, что «где-то высоко» жил Гессен, не находят подтверждения у других мемуаристов, но не исключено, что он мог какое-то время жить в купольной части «башни», т. е. над квартирой В.И. Иванова.

²² На коммуны согласны наше возвращение осенью еще под вопросом (*нем.*).

²³ Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – поэт, писатель и композитор, многолетний обитатель «башни».

²⁴ М. Грюнвальд – переводчица статьей Б. Кроче и Й. Кона, опубликованных в «Логосе» (№ 2 и 4). Других сведений о ней обнаружить не удалось.

– 2 –

Сестрорецкий курорт,
Заречный пр., д. Курбатова
27 июня <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Т<ак> к<ак> крайне занят сейчас, то не могу поехать сам в город и вынужден ограничиться письмом. Жена мне передавала, что Вы настаиваете на цифре 100 без услуг. Я был так уверен, что Вы сами раньше предложили 90, что думал, что жена перепутала, почему и просил ее снова переговорить с Вами. Очевидно, перепутал я, хотя именно цифра 90 мне ясно помнится.

Но раз для Вас эта цифра очень существенна, то полагаю, что нам следовало бы на нее согласиться, чтобы кончить наконец эту канитель. Итак, резюмирую условия:

1) мы платим Вам в месяц 100 рублей (с дровами)

2) швейцару и дворникам около 10 руб.

3) срок: 1 августа 1912 – 1 июня 1913

4) за август и сентябрь мы получим только половину, причем М.А. Кузьмин в течение августа продолжает жить в квартире.

Кажется, все. О способе уплаты, контракте и т. д. Вы расскажете лично. Пожалуйста, сообщите, когда мне (или жене) приехать в город, чтобы уже *окончательно* условиться с Вами.

Очень извиняюсь за проволочку, в которой я лишь косвенно виноват.

Сердечно преданный
С. Гессен

– 3 –

СПб. Таврическая 25
22 сент<ября> <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Очень прошу Вас о следующем. Пожалуйста, напишите *немедленно* в Правление Общества электрического освещения 1886 года (СПб. улица Глинки, 14) заявление, в котором Вы просите в квартире Вашей поставить *два* счетчика в виду того, что передали квартиру двум семьям. Упомяните, что счета Ваши простирались на очень большую сумму, и что Вы *просите* (даже считаете, что это очевидно само собою) дать второй счетчик бесплатно. Не забудьте указать адрес квартиры. Без Вашего письменного заявления Общество не согласно что-либо делать в Вашей квартире. – Я прошу Вас немедленно написать потому, что давно уже получил от Сергея Константиновича²⁵ обещание сообщить Вам эту просьбу, которое однако им было забыто. Счетчик же необходимо поставить возможно скорее, т<ак> к<ак> 1-го уже переезжает г-жа Грюнвальд.

Затем: если можно было бы Сергею Константиновичу как-нибудь достать ключи от одной запертой комнаты, то было бы очень хорошо. Сергей Констан<антинович> поставил бы туда кое-что лишнее, что осталось в квартире, нам не нужное и не просившееся²⁶ ни мною, ни моей женою (два лишних стола и ванна, хотя и просившаяся²⁷, но к сожалению оказавшаяся совершенно негодною).

Квартирой пока мы очень довольны. С Сергеем Констан<антиновичем> уживались весьма и весьма мирно²⁸.

Сердечный привет Вам и Вячеславу Ивановичу от преданного Вам
С. Гессена

Завтра, послезавтра уезжает Сергей Констан<инович> и я бы проверил с ним еще раз Ваш список оставленных вещей²⁹.

²⁵ Шварсалон – сын Л.К. Зиновьевой-Аннибал, пасынок В.И. Иванова.

²⁶ «Не просившееся» – рукой Вяч. Иванова подчеркнуто дважды красным карандашом; сверху надпись, сделанная им же: «ах, ты, Гессененок».

²⁷ «Просившееся» – дважды подчеркнуто красным карандашом.

²⁸ После слова «мирно» В.И. Иванов написал «(!)».

²⁹ В конце письма поперек страницы красными чернилами сделана запись В.И. Иванова: «Павел Афанасьевич писал из Рима: можно – но осторожно».

СПб. 12/25 ноября <19>12

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Очень неприятно мне Вас беспокоить разными пустяками, но приходится. Дело в том, что одна печь в башне дымит так невозможно, что привело окончательно в отчаяние В. Ходорову, снимающую другие комнаты. Да и наша столовая весьма затрагивается этим обстоятельством. Дымит она так часто, что делает комнату (даже всю башню) положительно не обитаемой. Хуже всего то, что и швейцар и дворник (и даже Сергей Констант<инович>) утверждают, что это не случайное, а постоянное свойство печи, от которого почти невозможно избавиться. Сие обстоятельство, в связи с тем, что Вы меня не предупредили о нем, весьма меня, признаться, удивило. Жалобам В. Ходоровой я не могу ничего противопоставить кроме моего искреннего ей сочувствия, т<ак> к<ак> вместе с ней считаю, что занимаемая ею половину квартиры мало пригодна для жилья. Ко всему, несмотря на усиленную топку, температура в ее комнатах (очевидно, вследствие того, что средняя комната закрыта) достигает максимум 10°: факт тоже непредвиденный.

Поэтому обращаюсь к Вашей помощи. За указания был бы весьма благодарен.

Искренне преданный С. Гессен

Сердечный привет Вяч<еславу> Ив<анович>у

СПб. 27/10 мая <19>13

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Если Вы не возвращаетесь в Петербург ранее 10–15 сентября, то может быть Вы разрешите оставить мне в какой-нибудь комнате наши вещи? Ужасно не хочется заниматься укладкой, перевозкой и т. д. Да и лишняя перевозка в склад и из склада только сломает нашу и без того хрупкую мебель. (Конечно, Павлу я буду «за хранение» платить его обычное жалованье). Если Вам это не удобно или если Вы собираетесь приехать сюда раньше 10-го сентября, то, пожалуйста, без стеснений откажите мне. (Я вернусь из-за границы в середине сентября и не хотел бы из-за перевозки мебели приезжать раньше).

Затем. В.Д. Ходорова просит разрешения *эвентуально*³⁰ оставить за собой и на июнь одну комнату, за которую предлагает плату в 25–30 рублей.

Пожалуйста, ответьте на оба вопроса поскорее: я собираюсь уехать числа 25-го. Ответьте, пожалуйста, по адресу:

В.О. II линия, д. 28, кв. 6,

где я с завтрашнего дня буду находиться до 11-го мая. (Т<ак> к<ак> жена моя заболела и уехала, то я переезжаю к приятелю, с которым вместе занимаюсь).

Сердечный привет от искренне преданного

С. Гессена

Квартира на Piazza del Popolo очень аппетитна – что и говорить! Слюнки текут. Одна терраса чего стоит! Нельзя ли хоть скоро перевести в Васано <?>. Жду от <фам.нрзб.> ответа на свои важные вопросы.

От Зелинских получил сначала прилагаемую открытку, а потом телеграмму: “Assueil cordiale telegraphier heure arrivee Mitrophan Catherine” (“Сердечный привет телеграфируют только что прибывшие Митрофан Екатерина”).

В Риме уже заседает конгресс, но не археологический, глубокоуважаемая, а – социологический. Эх, вы, горе-рыцарь!

Впрочем, не падайте духом, хотя и раскайтесь глубоко.

В. И.»

³⁰ Т. е. если это возможно при теперешних обстоятельствах (от лат. eventus – случай).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980.
2. Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
3. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
5. Векслер А., Крашенинникова Т. Суворовский проспект. Таврическая и Тверская улицы. СПб.: Центрполиграф, 2016.
6. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016.
7. Геродот. История. М.: АСТ, 2006.
8. Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Белый А. Петербург. М.: Наука, 1981. С. 525–623.
9. Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4-х т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971–1987.
10. Кобак А., Северюхин Д. «Башня» на Таврической (биография дома) // Декоративное искусство СССР. 1989. № 1. С. 35–39.
11. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 12-ти т. Т. XI. М.: Правда, 1978.
12. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10-ти т. Т. VII. М.: Правда, 1981.
14. Шишкин А. Симпозион на петербургской башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры (Альманах «Канун». Вып. 3). СПб.: Институт русской литературы РАН, 1998. С. 273–352.
3. Bely, A., 1990. Nachalo veka [The beginning of the century]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.)
4. Berdyaev, N.A., 1991. Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-knowledge: an essay in autobiography]. Moskva: Kniga. (in Russ.)
5. Veksler, A. and Krashenninnikova, T., 2016. Suvorovskii prospekt. Tavrisheskaya i Tverskaya ulitsy [Suvorovsky prospect. Tavrisheskaya and Tverskaya streets]. Sankt-Peterburg: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
6. Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy [Vyacheslav Ivanov. Studies and materials]. Vyp. 2. Sankt-Peterburg: RKhGA, 2016. (in Russ.)
7. Herodotus, 2006. Istoriya [The histories]. Moskva: AST. (in Russ.)
8. Dolgopolov, L.K., 1981. Tvorcheskaya istoriya i istoriko-literaturnoe znachenie romana A. Belogo «Peterburg» [The history of creation and literary significance of Andrey Bely's novel «Petersburg»]. In: Bely, A., 1981. Peterburg. Moskva: Nauka, pp. 525–623. (in Russ.)
9. Ivanov, V., 1971–1987. Sobranie sochinenii: v 4-kh t. [Collected works: in 4 volumes]. Brussels: Foyer Oriental Chretien. (in Russ.)
10. Kobak, A. and Severyukhin, D., 1989. «Bashnya» na Tavrisheskoi (biografiya doma) [The Tower on Tavrisheskaya: biography of a house], Dekorativnoe iskusstvo SSSR, no. 1, pp. 35–39. (in Russ.)
11. Mayakovsky, V.V., 1978. Sobranie sochinenii: v 12-ti t. [Collected works: in 12 volumes]. T. XI. Moskva: Pravda. (in Russ.)
12. Nietzsche, F.W., 1990. Sochineniya: v 2-kh t. [Collected works: in 2 volumes]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
13. Pushkin, A.S., 1981. Sobranie sochinenii: v 10-ti t. [Collected works: in 10 volumes]. T. VII. Moskva: Pravda. (in Russ.)
14. Shishkin, A., 1998. Simposion na peterburgskoi bashne v 1905–1906 gg. [Symposion in St. Petersburg's Tower, 1905–1906]. In: Russkie piry (Al'manakh «Kanun». Vyp. 3). Sankt-Peterburg: Institut russkoi literatury RAN, pp. 273–352. (in Russ.)

REFERENCES

-

